МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Забайкальский государственный университет»
(ФГБОУ ВПО «ЗабГУ»)

ВЕСТНИК

ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА № 01 (92)

TRANSBAIKAL STATE UNIVERSITY JOURNAL

Чита 2013

Основан в 1995 г.

Учредитель:
Забайкальский государственный университет

Журнал зарегистрирован как СМИ 17.04.2012, регистрационный номер ПИ № ФС 77-49419

Журнал участвует в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Периодичность издания: 12 номеров в год

Журнал «Вестник Забайкальского государственного университета» до № 8 (87) 2012 г. выходил под названием «Вестник Читинского государственного университета»

Журнал рекомендован ВАК РФ для публикации результатов исследований на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

С 1997 г. журнал включен в базу данных ВИНИТИ РАН
С 2013 г. журнал включен в каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory

Подписку на журнал «Вестник ЗабГУ» можно оформить в любом почтовом отделении. Подписной индекс по федеральному почтовому Объединенному каталогу Пресса России и интернет-каталогу «Российская периодика»
www.arpk.org: 82102.
Подписка осуществляется и через редакцию. Также журнал можно приобрести в розницу. Цена 397 руб.

Тел.: +7 (3022) 41-67-18
E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
Web**: www.journal.zabgu.ru**

Все материалы, опубликованные в научном журнале «Вестник ЗабГУ», являются авторскими и защищены авторскими правами. Перевод материалов и их переиздание в любой форме, включая электронную, возможны только с письменного разрешения редакционной коллегии.
Вопросы, касающиеся использования материалов журнала, направляйте главному редактору по электронной почте либо по почтовому адресу: 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30, редакция журнала «Вестник ЗабГУ»

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.
Качество иллюстраций соответствует качеству представленных оригиналов

ISSN 2227-9245

Вестник ЗабГУ
теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

Иванов С.А. – гл. редактор, канд. техн. наук, профессор, ректор ЗабГУ;
Малышев Е.А. – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, доцент, проректор по научной и инновационной работе ЗабГУ;
Романова Н.П. – научный редактор, д-р социол. наук, профессор;
Рыжкова А.А. – литературный редактор;
Петрова И.В. – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: С.А. Иванов, канд. техн. наук, профессор, ректор Забайкальского государственного университета.

Члены редакционного совета: Н.А. Абрамова, д-р филос. наук, профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита), И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита), И.П. Глазырина, д-р эконом. наук, профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. наук, профессор (Чита), Е.А. Кудряшов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Курск), В.И. Летунов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Л.М. Любимова, канд. филол. наук, доцент (Чита), А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита), Мошкина З.В., д-р истор. наук, профессор (Чита), В.Н. Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск), И.И. Осинский, д-р филос. наук, профессор (Улан-Удэ), Ю.В. Павленко, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита), А.Б. Птицын, д-р техн. наук, профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р социол. наук, профессор (Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корр. Национальной Академии наук Киргизии (Хабаровск), В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент (Чита), И.Ф. Суворов, д-р техн. наук, профессор (Чита), М.Л. Титаренко, д-р филос. наук, профессор, академик РАН (Москва), М.Н. Фомина, д-р филос. наук, профессор (Чита), И.И. Швецова, канд. физ.-мат. наук, доцент (Чита), К.Г. Эрдынеева, д-р пед. наук, профессор (Чита).

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. наук, профессор.

Утверждено и рекомендовано к изданию решением редакционно-издательского совета ЗабГУ.

Вестник Забайкальского государственного университета (Вестник ЗабГУ) № 01 (92). – Чита: ЗабГУ, 2013. – 170 с.
Transbaikal State University Journal. № 01 (92). – Transbaikal St. Univ. Pr. 2013.

© Забайкальский государственный университет, 2013

Исторические науки

УДК 94(47).045+94(438)

Эйльбарт Наталия Владимировна
Nataliya Eylbart

ПОХОД СИГИЗМУНДА III И КОРОЛЕВИЧА ВЛАДИСЛАВА К МОСКВЕ В ПИСЬМАХ КСЕНДЗА ЯКУБА ЗАДЗИКА (1612-1613 гг.)

THE CAMPAIGN TO MOSCOW OF SIGISMUND III AND PRINCE VLADISLAV IN THE PRIEST JAKUB ZADZIK LETTERS

Рассматривается история похода польского короля Сигизмунда III и его сына королевича Владислава к Москве на помощь осажденному в Кремле польскому гарнизону осенью-зимой 1612-1613 гг. В настоящее время обнаружено небольшое количество исторических источников, позволяющих описать данное событие. В Государственном архиве Швеции сохранились письма участника этого похода, королевского секретаря ксендза Якуба Задзика, адресованные польскому канцлеру Л. Гембицкому. На основании таковых документов автором статьи реконструирован и проанализирован этот этап русско-польской войны. В статье также предложен авторский перевод с польского языка фрагментов двух писем Якуба Задзика

In article we describe the history of a campaign of Polish king Sigismund III and his son prince Vladislav to Moscow, for rescue of the Polish garrison besieged in the Kremlin, in autumn-winter 1612-1613. Today a small amount of the historical sources has been found, allowing to describe this event. In the State archive of Sweden (Riksarkivet) the letters of the participant of this campaign were kept, the royal secretary priest Jakub Zadzik, addressed to the Polish chancellor L.Gembitski. On the basis of those documents the author of article reconstructs and analyses this stage of the Russian-Polish war. In article the author's translation of fragments of two letters by Jakub Zadzik from the Polish language are offered

Ключевые слова: *русско-польская война, Речь Посполитая, Московское государство, Сигизмунд III, королевич Владислав, ксендз Якуб Задзик, Государственный архив Швеции*

Key words: *The Russian-Polish war, The Polish-Lithuanian Commonwealth, Muscovite state, Sigismund III, prince Vladislav, the priest Jakub Zadzik, Riksarkivet*

До настоящего времени как в отечественной, так и в польской историографии событий русско-польской войны 1609-1618 гг. наибольшее внимание уделяется осаде и взятию войсками короля Сигизмунда III Смоленска. Последовавший же за этим совместный поход польского государя и его сына к Москве освещается достаточно фрагментарно и скупо, прежде всего потому, что источниковая база данной проблемы невелика. Расширить таковую нам позволили отложившиеся в Государственном архиве Швеции письма королевского секретаря ксендза Якуба Задзика к своему патрону, польскому коронному канцлеру Лаврентию Гембицкому, несущие в себе, на наш взгляд, несравнимо большую долю откровенности и эмоциональности по отношению к происходящим событиям, нежели скупо констатирующие свершившееся реляции, дневники и хроники. На русский язык нами переведены тринадцать упомянутых писем, на основании которых мы произвели реконструкцию событий осени-зимы 1612-1613 гг., когда польский монарх и его юный сын Владислав, пытаясь спасти

осажденный в Москве польский гарнизон, спешно направились к русской столице. Прежде чем перейти к изложению данной реконструкции, скажем несколько слов об авторе писем, активном участнике русско-польской войны начала XVII в., ксендзе Якубе Задзике.

Якуб Задзик (1582-1642) – католический священник и дипломат, принадлежавший к великопольскому шляхетскому роду герба Кораб, был человеком блестяще образованным, прошедшим обучение в Краковском и Перуджинском университетах и получившим ученую степень доктора права. Некоторое время он находился при римской курии, где, несомненно, приобрел определенные знания и навыки, касавшиеся современной европейской политики и дипломатии, что позволило ему занять место в королевской канцелярии, в коей он служил под непосредственным началом канцлера Лаврентия Гембицкого. С началом московского похода Сигизмунда III Гембицкий отправил Задзика в лагерь под Смоленском в качестве королевского секретаря, поручив подробно сообщать ему о событиях, происходящих в Московском государстве. В последующем Якуб Задзик достигнет самых больших высот в польской духовной и светской иерархии, станет краковским епископом и великим коронным канцлером, но во времена написания упомянутых писем мы застаем его в самом начале его блестящей карьеры в роли скромного молодого ксендза-секретаря королевской канцелярии, аккуратно сообщающего своему патрону о событиях Московской войны и умонастроениях в королевском лагере. Почти в каждом письме Задзика, помимо московских событий, затрагивается широкий круг тем, начиная с внутрицерковных проблем и заканчивая вопросами раздачи вакансий, обсуждаемых в королевском окружении. Подписывая послания Гембицкому словами: «Вашей милости моего милостивого государя и добродетеля нижайший слуга и богомолец Якуб Задзик», – он в среднем с интервалом в одну неделю пунктуально информирует канцлера о текущих событиях, присовокупляя к этим сведениям свою оригинальную оценку сложившейся ситуации, которая, что примечательно, далеко не всегда совпадает с мнением двора и самого польского монарха, которых ксендз-секретарь порой даже подвергает резкой критике. К сожалению, до нас дошла (или, по крайней мере, пока открыта) небольшая часть писем, написанных ксендзом Я. Задзиком Л. Гембицкому. Однако эти документы дают огромное количество новой информации, интереснейших деталей, не введенных ранее в научный оборот, но позволяющих в красках живописать события Московской войны и характеры некоторых ее участников.

Поневоле (судя по его письмам) ксендз-секретарь становится участником похода Сигизмунда III и королевича Владислава к Москве, благодаря чему до нас дошли его письма, практически дневник этой неудачной, если не сказать позорной для поляков кампании, в спешке организованной королем и узким кругом сторонников Московской войны. Сам Задзик в своих посланиях Гембицкому неоднократно высказывался против предпринятого Сигизмундом похода, например, в письме от 5 сентября 1612 г. он отмечал: «Я надеюсь, Ваша милость, мой милостивый государь изволите помнить: я всегда опасался, что его королевское величество, дабы действеннее решить все эти затруднения нашей отчизны, пустится в эту дорогу в Москву» [1]. Как свидетельствует тот же документ, в конце августа 1612 г. ксендз Якуб Задзик был отправлен канцлером Гембицким с письмами к королю, находившемуся в Вильно, в которых содержалась информация об умонастроениях коронных сенаторов относительно похода монарха и его сына к Москве. Судя по всему, они складывались отнюдь не в пользу Сигизмунда и, не дожидаясь посланца от канцлера, король 28 августа выехал из Вильно в Смоленск, как писал Задзик, опираясь «на мнения здешних господ сенаторов» (имея в виду, прежде всего, литовского канцлера Льва Сапегу и коронного вице-канцлера Феликса Криского). «Мне сие было весьма не по вкусу, потому как придется ехать и догонять его королевское

величество по голодной местности», — жаловался ксендз-секретарь своему патрону. Как бы оправдываясь перед Гембицким за неудачу возложенной на него миссии, Задзик пишет, что «с трудом бы смог задержать» короля, если бы даже застал его в Вильно. Действительно, зная о, мягко говоря, неоднозначной реакции польских и литовских чинов на его российскую политику, Сигизмунд III решил попытать счастья до сейма, который мог бы воспрепятствовать честолюбивым королевским замыслам, поэтому столь поспешно и судя по всему неожиданно для многих сенаторов двинулся к Москве.

Ксендз Задзик соединился с монархом и его сыном в Орше, где сразу же занялся делами королевской канцелярии, в частности, готовя инструкции для миссии в Рим, которую Сигизмунд намеревался отправить в апостольскую столицу во главе с луцким епископом Павлом Волуцким дабы просить у папы Павла V церковных субсидий на продолжение Московской войны (отметим здесь, что данная миссия успеха не имела). В конце сентября 1612 г. из-под Москвы в Оршу к королю прибыл литовский гетман Ян Карл Ходкевич, поставивший Сигизмунда в известность о катастрофическом положении польского гарнизона, осажденного в Кремле, утверждая при этом, что «силой и мощью» закончить Московскую войну невозможно, а осажденные смогут продержаться без помощи не более трех недель. Поэтому он советовал немедленно составить и отправить в столицу письмо от имени королевича, дабы местные жители уверились, что поляки их не обманывают и их желание относительно избрания Владислава на русский трон, что пообещал им коронный гетман Жолкевский, будет исполнено. Судя по всему, Ходкевич был предельно откровенен с монархом, причем, как не без иронии отмечает Задзик, говорил с королем «не на пустой желудок». Гетман предупредил Сигизмунда, что москвитяне, «узнав, что его королевское величество не желает дать им королевича, утвердились в таком замысле: или заполучить столицу, или всем умереть. [Таким образом] если они возьмут столицу, то мы можем забыть о московских делах» [2]. Король, вынашивавший планы сам надеть русскую корону, упрямо парировал Ходкевичу: «Мы вступим в переговоры». Литовский гетман возразил ему: «Для переговоров не будет времени, и я сам в таком случае не вступал бы в переговоры, а что говорить о них, кои так ободряются от малейшего успеха, как ни один другой народ. Тогда уже буду ждать их на границе». Однако высокомерный и совершенно не желающий трезво взглянуть на вещи король заявил: «Предпочитаю дать им Шуйского, чем согласиться на те условия, на коих присягнул пан [коронный] гетман. Лучше бы он вообще никогда не вступал в переговоры, чем принял такие кондиции»[2]. В этом был весь Сигизмунд: раз и навсегда решив во что бы то ни стало занять русский трон, он продолжал свою совершенно бессмысленную игру. Несмотря на тревожную картину, нарисованную монарху Ходкевичем, на убогие силы, сопровождавшие короля в этом походе, он предпочитал больше верить тому, что согласовалось с его планами, в частности, его весьма приободрила депутация от боярских детей — смолян, бывших во Втором ополчении и утверждавших: «Как только его королевское величество с королевичем появится на границе, все ударят ему челом» [2]. Итак, несмотря на недостаток во всем: в солдатах, финансах, продовольствии и главное — в единомышленниках, окруженные немецкой пехотой Х.-Б. Урсемберга и Т. Денхоффа в качестве личной охраны, в страхе перед составившими конфедерацию собственными солдатами, Сигизмунд отправляется к Смоленску. «Начинаем воевать как римляне, силами пехоты», — мрачно пытается шутить Задзик в письме к своему патрону [2].

В Смоленск король торжественно въехал 5 октября 1612 г. в сопровождении всего 600 всадников, надеясь на пополнение своей армии гусарами брацлавского воеводы Якуба Потоцкого, начальствующего над смоленским гарнизоном. Но за ним последовала лишь их небольшая часть: сам Потоцкий не желал покидать крепость в усло-

виях начинающихся холодов, а его давняя вражда с Ходкевичем отражалась и на отношении смоленских солдат к литовскому гетману. Однако, несмотря на это обстоятельство, Сигизмунд III все же решает продолжить путь к Москве, несомненно, что в этом желании его укрепили прибывшие к нему в Смоленск 6 октября депутации из Невеля и Торопца. «Сюда приехали послы из Невеля», – писал Задзик Гембицкому, – «сдаваясь его милости королевичу; прислали и из Торопца узнать о присутствии его милости королевича, а с тем заявили то же, что и невляне. Москвитяне говорят, что с каждым разом таких новостей для нас будет все больше, чего, дай Боже, легче была бы нам дорога в столицу, если бы эти крепости давали провизию, которую невозможно достать, идя той дорогой, по которой мы будем двигаться, поскольку прохождения разных людей опустошили эти места» [3]. Итак, продвигаясь к Москве по смоленской дороге, король надеялся на добровольную сдачу близлежащих крепостей и на пополнение там запасов продовольствия, но кроме упомянутых Невеля и Торопца послов от «доброжелательных москвитян» больше не было. Посланный еще из Орши с письмами в Москву от имени королевича Владислава Иван Никитич Салтыков передал Сигизмунду неутешительные известия. «Салтыков пишет его королевскому величеству», – сообщал Задзик Гембицкому, «что пока сам король не придет туда с войском и пока эти люди не увидят [его] армию, он ничего не сможет сделать. Мы действуем согласно этому письму, таким образом, держимся наших прежних намерений» [4]. Однако «держаться прежних намерений» с каждым днем становилось все труднее, 3 ноября ксендз Якуб жалуется своему патрону из Вязьмы: «По милости Божьей мы уже преодолели половину дороги до столицы, однако не без великой нужды и тоски, потому как плохие дороги и частые переправы долго держали нас в лесах, так что эти тридцать шесть миль проехали за целых две недели… Здешние холода весьма уменьшают немецкую пехоту, много ее остается по дороге» [4]. «Нас весьма пугает плохая погода», – продолжает Задзик в следующем письме от 7 ноября, – «которая, начавшись с первых чисел сего месяца, не улучшается. Если она продержится дольше, нам придется погибнуть вместе с конями и возами, поскольку пребывать в такой болотистой местности, а в особенности при недостатке продовольствия, вещь почти невозможная. Мы, однако, в этом постоянны – желаем сражаться в нужде не только с неприятелем, но и с небом» [5]. Кроме того, перед королем вновь встают финансовые проблемы, для выплаты жалованья части войска он вынужден занимать деньги у собственного окружения, которое вовсе не обрадовалось такому повороту событий, в частности, Задзик, кажется, без тени смущения сообщает Гембицкому, что был на этот счет агитирован, «но на деле отказался». Очевидно, названные неурядицы приводят ксендза Якуба в такое отчаяние, что он пишет патрону, что более всего думает о том, «как бы преодолеть этот путь, предпринятый против всякого человеческого разумения, и вернуться к вашей милости, моему милостивому государю» [5]. «Приам и вся Троя не стоят так много», – так цитатой из Овидия Якуб Задзик говорит о цене, которую нужно заплатить за благоприятный исход предпринятого похода, который становился все более сомнительным [6].

В конце ноября Сигизмунду стало известно о капитуляции польского гарнизона в Московском Кремле, таяла и надежда на добровольную сдачу крепостей, в чем короля в начале похода убеждали находившиеся при нем россияне. «Из крепостей никто не показывается к его королевскому величеству», – сообщает Задзик в письме от 25 ноября. Судьба поляков в столице после их капитуляции деморализовала солдат, находившихся при короле, по свидетельству Задзика, «куда-то ушло и горячее желание поддержки этой войны, видя, что она затягивается, и что все их надежды, которые они возлагали на приход его милости королевича, уничтожила эта несчастная потеря столицы» [6]. Даже в случае обратного взятия Москвы польские солдаты не желали в ней оставаться, настолько было вели-

ко их недоверие к своему монарху и страх повторить судьбу предшественников. «Они говорят, что ни один [из них] не будет запираться в крепостях в надежде на помощь и спасение [от] его королевского величества», — писал Задзик об умонастроениях в королевском лагере [7]. Однако Сигизмунд все еще надеялся «постепенно расположить к себе» русских, до него из Москвы доходили известия, что в российской столице нет единого мнения насчет персоны нового царя, поэтому будучи по-видимому совершенно оторванным от реального положения дел, король надеялся извлечь выгоду из этих противоречий. В конце ноября из Вязьмы он отправляет в Москву посольство, в которое входило двое русских: князь Д.И. Мезецкий и дьяк И.Т. Грамотин, и два поляка — бывшие тушинцы А. Зборовский и А. Млоцкий. «Суть их посольства», — пишет Я. Задзик, — «рассказать, что его королевское величество проводит королевича в столицу и желает короновать его так, как они этого желали» [6]. Однако ксендз секретарь более реалистично смотрел на вещи, нежели его государь, в том же письме он отмечал: «Языки, которых мы взяли из Волока, говорят, что [москвитяне] уже не вспоминают о его милости королевиче и, разумеется, думают и совещаются о другом государе» [6]. Тем не менее, по королевскому приказу был выделен отряд смоленских солдат под командованием коронного обозного Адама Жолкевского, племянника гетмана, князя Самуила Корецкого и киевского подчашего Лозки, которые и направились к столице, сопровождая послов. «Я помогаю их компании, не желая оставаться здесь, в лагере», — пишет энергичный ксендз канцлеру [7]. Судя по всему, при всем внешнем выражении христианского смирения воинственный шляхетский дух и военное дело были вовсе не чужды ксендзу Якубу, он даже шутливо пишет в одном из своих посланий, что «оказачился» из-за постоянного употребления водки [8].

Итак, назначенные Сигизмундом послы отошли от Вязьмы по направлению к столице в сопровождении небольшого отряда и прежде отправили в Москву гонцов, лишь после долгого их отсутствия было решено идти к столице всем. На рассвете 8 декабря польский отряд встал в Тушино, где ксендз Задзик из первых рядов наблюдал за переговорами, описанными им в письме Гембицкому от 11 декабря 1612 г. «Трубач подъехал к стенам, однако своим долгим трубением никого не мог оттуда вызвать, также там не было никакой стражи. Так были беспечны эти люди после недавно свалившегося на них счастья», — пишет Задзик о первой попытке наладить контакт с москвичами [9]. Наконец, когда полякам удалось вызвать их на переговоры, с ними хотели говорить только о пленных, объясняя это тем, что сейчас «не время для разговоров, когда у нас в руках и столица, и ваши», попутно ругая короля «за его лживые сказки». В результате произошедшей между сторонами стычки в плен поляками был захвачен сын боярский Иван Философов, чей допрос в изложении Задзика коренным образом отличается от приведенного в исторической литературе ранее. «Пленник подтвердил то», — пишет Задзик, — «что нам не стоит думать ни о каких переговорах, а закончить все силой и сейчас, потому что [москвитяне] не имеют продовольствия и [число] их самих не более 6 тысяч. Он добавил и то, что если бы их взять в осаду сейчас, они поддадутся за месяц» [9]. Однако на такое предприятие, как штурм или осада российской столицы у поляков не было достаточно ни людей, ни продовольствия, ни артиллерии, к тому же зимовать в поле в условиях наступивших холодов и при всеобщем недовольстве солдат было делом безнадежным. Кажется, Задзик в полной мере осознавал последствия такового исхода переговоров: «По слабому разумению моему я принимал во внимание то, что из этого выйдет: умаление славы, хлопоты для государя, потеря (упаси Боже) всего в этой земле, а потом — великие затруднения и смута в делах нашего отечества» [9].

Вернувшись вместе с послами в королевский лагерь под Вязьмой, Якуб Задзик застал короля «с тоской в душе», и наряду с другими участниками похода информировал Сигизмунда о неудаче переговоров.

Примечательно, что ксендз-секретарь в своих письмах ни разу не упоминает мнение Владислава на предмет происходящих событий, похоже, что семнадцатилетний юноша был ревниво ограждаем от дел собственным отцом, не позволявшим ему вмешиваться в политику. Приняв решение быстрого ухода из России, польский король оставил небольшие гарнизоны в Вязьме и Дорогобуже, которые должны были стать своего рода рубежом обороны между Москвой и Смоленском. Весьма неосмотрительным и жестоким поступком его своевольных офицеров стало сожжение Можайска и Борисова, как отмечал Задзик, «с большой провокацией этого народа», это вызвало недовольство и у россиян, находившихся при короле и поддерживавших его дело. Таким образом, на пути из Москвы к Смоленску оставалось две крепости, которые могли бы стать преградой для наступления русских. Как показало время, расчет короля обезопасить Смоленск не оправдался, и его стратегия в этом отношении потерпела крах. Пытаясь найти союзников, перед уходом из России Сигизмунд III, по совету гетмана Ходкевича, приказал написать письма шведскому военачальнику Якову Делагарди и поддерживающему сына Марины Мнишек казачьему атаману Ивану Заруцкому. К последнему он послал его брата, Захара Заруцкого, служившего у поляков, суля щедрые награды и командование над запорожскими казаками. Захар Заруцкий убеждал короля, что легко склонит брата к послушанию, поскольку он «разошелся» с москвитянами в столице [10]. Сложно сказать, что заставило атамана Заруцкого оставаться верным Марине и ее сыну: собственное ли честолюбие, недоверие к королю или истинная страсть к бывшей царице, но фактически, как писал современник событий С. Кобежицкий, «до самой смерти он был верным и преданным Марине» [13].

С грустью Задзик пишет о прибытии короля в Смоленск в январе 1613 г., куда он и его свита добрались «не без больших трудов и хлопот на переправах, кои многочисленны. Мы было положились на морозы и не приготовили мостов, но наступившая там непостоянная зима перепутала наши планы и очень затруднила [передвижение], потому и, приехав на Днепр, пришлось строить плоты, а на других реках – мосты. При этом был такой недосмотр старших, что это вызывало у людей сожаление; один чиновник смотрел на другого…» [11]. В королевском войске действительно царил полный хаос: часть солдат составила конфедерацию и отправилась в Польшу, гетман Ходкевич, по-видимому, чем-то уязвленный со стороны короля, не желал брать на себя командование отступлением, а выполняющий обязанности «маршалка» литовский канцлер Лев Сапега «отдыхал», переложив все на подчиненных. В итоге, по словам Задзика, Сигизмунд III «ехал не так, как подобало его достоинству, не так, как необходимо безопасно ехать во вражеской земле» [11]. По прибытии в Смоленск стали очевидны большие людские потери, которые потерпела польская армия вследствие голода и болезней. «Пехоту Денхоффа и Урсемберга, коей также немного, приказано распустить. Ее едва наберется полторы тысячи, болезни и трудности дороги так много их погубили, [что] было жаль средств, потраченных на этих людей», – писал Задзик Гембицкому [11]. Что же касается лошадей, то ксендз-секретарь не без грустной иронии отмечал: «Они не могут не только тянуть, но и ходить – так им докучала нужда» [12]. Ситуация же в Вильно, где в это время находилась ожидавшая Сигизмунда супруга, королева Констанция с сыном Казимиром, была настолько напряженной, что население столицы Великого княжества Литовского, опасаясь конфедератов, просило королеву на время остаться в городе, поскольку думали, что пребывание в городе монаршей особы остановит разбушевавшихся солдат. Единственной утешительной новостью для Сигизмунда стало взятие Путивля 16 декабря 1612 г. казаками князя Михаила Вишневецкого, о чем ксендз Якуб выразился следующим образом: «Теперь мы уже держим Северскую землю за обе руки, дай только Боже, чтобы удержали и научились, наконец, когда-либо сохранять приобретенное» [12].

В заключение следует отметить: проанализированные нами письма ксендза Якуба Задзика свидетельствуют о том, что московская политика Сигизмунда III не находила поддержки у подавляющего большинства польского и литовского дворянства и духовенства. В том числе и сам автор, являясь представителем католической духовной иерархии, был далек от одобрения действий своего государя, совершенно справедливо предрекая «великие затруднения и смуту» в делах собственного отечества.

В качестве приложения к настоящей статье мы предлагаем читателям выполненный нами перевод фрагментов двух писем Я. Задзика канцлеру Л. Гембицкому.

№ 1. Из письма от 25 ноября 1612 г.

...Само теперешнее время не обещает ничего хорошего, установившаяся плохая погода так испортила нам дорогу, что все войско может пройти лишь по миле [в день]. К тому же его милость пан гетман [литовский] повел это войско по такому голодному краю, что едва можно достать пищу для коней. Посему от здешних солдат на него такие нарекания, что трудно описать. Да и на самого его королевское величество часто жалуются, что не в добрый час ведет эту войну, что не скоро к ним прибыл, что раньше не обещал этому народу его милость королевича, что не привез им никаких денег. Даже уши болят и уста не шевелятся отвечать на их различные мнения, коих также временами трудно упрекать, видя их нужду, в которую одни уже впали, а другие в таком голодном крае вскоре впадут. Правда сначала были охочие и в этом походе, хотя и голодном, и шли без большого принуждения. Теперь же, когда пришла весть, что наши сначала потеряли Китай-город, а потом из-за великого голода вынуждены были отдать Кремль, все упали духом. Куда-то ушло и горячее желание поддержки этой войны, видя, что она затягивается, и что все их надежды, которые они возлагали на приход его милости королевича, уничтожила эта несчастная потеря столицы. Они ничего не имеют на устах, кроме как «sextam Januarii» [шестое января (лат).], дождавшись которого, намерены составить конфедерацию и насколько я могу видеть, от этого их ничто не удержит, так как они не ждут никаких денег от его королевского величества, и здесь также ни на что нет надежды. Таково multiplicatur mala [приумножение зла (лат).], а бедной отчизне нашей прибудет бремени; vix Priamus tanti totaque Troia fuit [Приам и вся Троя не стоят так много (лат).]. А что здесь еще будет с нами — известно только Богу, если с нами не захотят ни сражаться, ни договариваться, либо при переговорах предложат такие несносные кондиции, что придется вернуться в отечество col poco honor (omen Deus avertat) [с умалением чести (упаси Боже) (лат).]. Штурмовать их при наших vires [условиях (лат).] и при том, что этот город укреплен — почти невозможно. Солдаты не протянут и недели в этом голодном месте и если бы даже хотели, то не смогли, потому как нужно было бы отказаться от тягловых лошадей, а почтовых бы долго не прокормили, что легко доказывает и само положение [дел], говоря о теперешнем времени. Если Господь Бог не сотворит с нами какое-то чудо, едва ли можем ожидать что-то хорошее.

Из крепостей никто не показывается к его королевскому величеству, как мы ожидали этого перед взятием столицы; и далее rebus sic stantibus [положение дел не меняется (лат).], едва ли кого увидим. Хорошим знаком для нас может быть Погорелье, крепостица достаточно маленькая, которую его королевское величество легко мог бы взять силой, потому что стоял от нее только в полумиле. Она не хотела, как это надлежало бы, поклониться его королевскому величеству и королевичу, но ссылалась на тех, что стоят под столицей, желала учинить то же, что и они. Однако [жители] просили его королевское величество, дабы не приказывал их штурмовать, обещая при этом всяческую securitatem [безопасность (лат).] тем, кто пойдет за его королевским

величеством, чем мы воспользуемся согласно тому, как повернется фортуна…

… Отсюда мы надеемся подойти к столице через неделю, даст Бог, если ничего не задержит, или его королевское величество не прикажет остановиться. Сегодня его королевское величество в полутора милях от Волока, однако он не желает там никого привлекать на свою сторону, несмотря на то, что те, кто заперлись [в крепости] на стороне тех, что в столице. Мы сейчас хотим постепенно расположить их к себе, не знаю, что из этого выйдет.

Его королевское величество с его милостью королевичем по милосердию Божьему здоровы, как и те, что [находятся] при его королевском величестве; я сам также здоров. Дай Бог так до конца. Varietas [разнообразие (лат).] блюд не повредит [здоровью]: сухари, горох, крупы, временами копченая грудинка – тончайшие кушанья; ко всему этому вода с чесноком или уксусом, потом водка – всему этому fames optimu condimentum [лучшая приправа – голод (лат).]…

№ 2. Из письма от 11 декабря 1612 г.

Из первого моего письма ваша милость, мой милостивый государь, уразумели, что смоленское войско с послами его королевского величества (на которых вся надежда на доброе окончание наших дел) подступило к столице, желая узнать от тех людей что-либо наверняка об их дальнейших планах и о благорасположении по отношению к его королевскому величеству и его милости королевичу. Но мы мало что узнали на этот счет, не получив от них никакого ответа на письма, посланные с двумя нашими гонцами. Однако солдаты двинулись [туда] охотно. С субботы на воскресенье в день Conceptionis B[eatae] V[irginis] [Зачатия П[ресвятой] Д[евы] (лат).] мы на целую ночь пустились [в путь], взяв с собой обученных коней, оставив в лагере только роту казаков и свободную челядь. На рассвете мы встали в Тушине, где был лагерь покойного Дмитрия, будучи наготове, ожидая, что неприятель поприветствует нас в такой близости от города. Однако вопреки ожиданиям, мы не застали не только какого-то неприятельского отряда, но и стражи. Затем, дав отдых людям и коням, потому как мы шли целую ночь 9 миль, его милость пан обозный как полковник послал к [городским] стенам своего трубача. Выслали и послы со своей грамотой некоего попа, пойманного в деревне, за коим ехали назначенные гусары из разных рот и около 60-ти людей без копий ради безопасности и этого трубача и для того, чтобы облегчить понимание их замыслов. Трубач подъехал к стенам, однако своим долгим трубением никого не мог оттуда вызвать, также там не было никакой стражи. Так были беспечны эти люди после недавно свалившегося на них счастья. Когда гусары и некоторые из нас, желая взглянуть на эти стены, политые нашей кровью, начали подступать ближе, показалось несколько москвитян, затем ударили во все колокола, после, однако, не скоро начали [к нам] выезжать. Наши, желая вызвать этих людей на переговоры, не показывали никакой враждебности и конечно склоняли их к разговорам, рассказывая им о прибытии послов. Но ничего нельзя было сделать с гордецами мирно. Они сказали: «Не время для разговоров, когда у нас в руках и столица, и ваши», – затем отпускали ругательства в отношении его королевского величества и королевича, не желая иметь его государем «за его лживые сказки» (это были слова этих людей). Однако дабы выкинуть перед нами какую-нибудь штуку, они послали нескольких, кои разговаривали с нашими, выпустив стороной своего застрельщика, наверное, чтобы напасть на нас врасплох. Когда [мы] заметили и стали указывать москвитянам на то, что их люди приехали для измены, они начали несколько уступать, всюду равняясь со своим застрельщиком. Но несколько [их] осталось под защитой своих для завершения переговоров, на коих не было ничего другого, как только то, что они не

хотят говорить ни о каких делах, только о пленниках, о государе будут совещаться в другое время. Затем они все больше стали ругаться, а потом один, подскочив сбоку, выстрелил в наших, с этого initium [началась (лат).] стычка, на которой наши были столь мужественны, что несколько десятков человек сдерживало собой impet [нападение (лат).] 800 людей в течение полутора часов. Я cavi mihi loco post principia [с освобожденного для меня места в первых рядах (лат).] следил за дальнейшим развитием [событий]. Практически при первой стычке был пойман боярин, некий Философов, полтора десятка [москвитян] ранено, также [ранены их] кони. Наши, по милости Божьей, не понесли потерь, кроме нескольких раненых коней и легко раненых стрелой двух гусар, одного из роты его милости пана подскарбия, а второго из роты пана Захаровского. Наши было хотели после этого удачного начала довести [дело] до общей битвы, но его милость пан Зборовский, хорошо зная этого неприятеля и то, что наших было немного (общее число не достигало и тысячи) не советовал praelium [сражение (лат).]. Пан полковник [Адам Жолкевский] тоже не желал этого, имея приказ от его королевского величества не начинать битву, а только узнать, склонны ли [москвитяне] к каким-либо переговорам, что уже стало достаточно [понятно]. Также этот пленник подтвердил то, что нам не стоит думать ни о каких переговорах, а закончить все силой и сейчас, потому что [москвитяне] не имеют продовольствия и [число] их самих не более 6 тысяч. Он добавил и то, что если бы их взять в осаду сейчас, они поддадутся за месяц. Получив от него известия и отчаявшись [завязать] переговоры, в три часа ночи, после долгих совещаний (потому что многие хотели дождаться дня, чтобы [отход] не казался бегством), имея на этот счет много верных соображений и то наиважнейшее, что челядь на сильном морозе, без огня, никоим образом не могла бы выдержать, мы двинулись в лагерь, до которого доехали перед самым рассветом. Мы были столь измучены трудами и [отсутствием] сна, что если бы кто-то подступил к лагерю, то застал бы спящим почти все войско. Я признаюсь в том (и знаю, других таких было немало), что как сошел с коня, сразу уснул возле него, так что меня спящего челядь отнесла к огню в укрытие. После я этому менее дивился, потому что не смыкал глаз целых две ночи и день, при той усталости, без коей не обойтись, так должно было случиться. При всем этом была summus angor animi [великая тревога в душе (лат).], по слабому разумению моему я принимал во внимание то, что из этого выйдет: умаление славы, хлопоты для государя, потеря (упаси Боже) всего в этой земле, а потом великие затруднения и смута в делах нашего отечества. Москвитяне, те, которые были назначены послами от его королевского величества, уезжая, горько плакали, почти прощаясь со своей отчизной и не имея надежды когда-либо в нее возвратиться, особенно хорошо зная об этих наших трудностях и задолженности солдатам, а также о том, что смоленские солдаты непременно хотят отсюда уйти. Я сомневаюсь, чтобы они задержались. Они явно показывают, что в надежде на помощь и спасение от его королевского величества не желают запираться в крепости, ссылаясь на недавнюю гибель своих братьев в столице [и] de multa alia [многое другое (лат).]. Об этом я сам с ними постоянно говорю, parvo cum fructu [с небольшим результатом (лат).], хотя они все-таки слушают мои советы. Я уже уезжаю от них на этих днях [вместе] с теми послами к его королевскому величеству, не имея возможности сделать это прежде [из соображений] безопасности. Думаю, что мы застанем его королевское величество на том же месте, где он был до сих пор, если он не пожелал двинуться к Вязьме из-за этого решения столичной Москвы. Волок штурмовали немцы, однако безрезультатно, [москвитянам] уступали и те, коих и в Пруссии пули не могли настигнуть. Не знаю, что они дальше захотят делать, кажется, придется, не дай Бог, бесславно отступить и от этого курятника...

Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 105

Литература

1. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 105. Письмо Я. Задзика Л. Гембицкому от 5 сентября 1612 г.

2. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 105. Письмо Я. Задзика Л. Гембицкому от 26 сентября 1612 г.

3. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 105. Письмо Я. Задзика Л. Гембицкому от 6 октября 1612 г.

4. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 105. Письмо Я. Задзика Л. Гембицкому от 3 ноября 1612 г.

5. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 105. Письмо Я. Задзика Л. Гембицкому от 7 ноября 1612 г.

6. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 105. Письмо Я. Задзика Л. Гембицкому от 25 ноября 1612 г.

7. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 105. Письмо Я. Задзика Л. Гембицкому от 6 декабря 1612 г.

8. Riksarkivet. Extranea Polen, vol. 105. Письмо Я. Задзика Л. Гембицкому от конца ноября 1612 г. В документе отсутствует точная дата, оно помечено: «Из лагеря близ городка Груза в 14-ти милях от столицы».

9. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.105. Письмо Я. Задзика Л. Гембицкому от 11 декабря 1612 г.

10. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.105. Письмо Я. Задзика Л. Гембицкому от 26 декабря 1612 г.

11. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.105. Письмо Я. Задзика Л. Гембицкому от 5 января 1612 г.

12. Riksarkivet. Extranea Polen, vol.105. Письмо Я. Задзика Л. Гембицкому от 11 января 1612 г.

13. Kobierzycki S. Historia Władysława, królewicza polskiego i szwedzkiego. Wrocław, 2005. S. 212.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Эйльбарт Н.В., д-р истор. наук, доцент, профессор каф. «История», Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
ejlbart@mail.ru

N. Eylbart, doctor of historical sciences, associate professor, professor, history department, Transbaikal State University

Научные интересы: история Сибири, история науки и техники, славяноведение, история Речи Посполитой, Смутное время в Московском государстве

Scientific interests: history of Siberia, history of science and technology, Slavic studies, history of the Polish Lithuanian Commonwealth, Time of Troubles in the Muscovite state

Культурология

УДК 069(571.53)

Тихонов Владимир Викторович
Vladimir Tihonov

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСПОЗИЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ МУЗЕЯ «ТАЛЬЦЫ», ОТРАЖАЮЩЕЙ ТРАДИЦИОННУЮ КУЛЬТУРУ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ

THE PECULIARITIES OF EXPOSIYION INFRASTRUCTURE FORMATION OF THE MUSEUM «TALTSY» BASED ON THE TRADITIONAL CULTURE OF NATIVE PEOPLES OF PREDBAIKALIE

Представлен анализ как существующих, так и перспективных экспозиций Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск), отражающих традиционную культуру коренных этносов Предбайкалья: западных бурят, эвенков (тунгусов) и тофов (карагасов), с показом в экспозициях характерных элементов материальных носителей культуры, отличающих данный этнос от других этносов и этнических групп

Ключевые слова: *архитектурно-этнографический музей, экспозиция, западные буряты, эвенки, тофы*

In article the analyses of the existing and perspective exhibitions in the Architectural and Ethnographic museum «Taltsy» (Irkutsk) which shows traditional culture of the aborigines of Predbaikalie: the Western Buryat, the Evenk, the Tofalars is analyzed. The author considers the difference between their cultures and cultures of other ethnic groups

Key words: *architectural and ethnographic museum, exhibition, the Western Buryat, the Evenk, the Tofalars*

Согласно проведенному в 70-90-х гг. XX – начале XXI вв. историко-культурному зонированию Предбайкалья, в нем по этническим, географическим, экономическим, архитектурным признакам и особенностям хозяйственного быта населения второй половины XIX – начала XX вв. выделяются три историко-культурные зоны, где проживало коренное население региона: западные (предбайкальские) буряты, эвенки (тунгусы) и тофы (карагасы) [17; С. 22-25]. Это бурятская (современный Усть-Ордынский Бурятский автономный округ, часть Качугского района, прибрежная полоса Байкала от пос. Бугульдейка и Онгурен до острова Ольхон), эвенкийская (территория Катангского, Витимского, Усть-Кутского, Казачинско-Ленского районов) и тофаларская (представляет малочисленный этнос Предбайкалья – тофов, проживающих в горных массивах Восточных Саян Нижнеудинского района) зоны.

Исходя из этого, в архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» в 1989 г. приступили и в 2001 г. закончили строительство бурятского улуса-летника [14; С. 46], в 2002 г. приступили и в 2011 г. закончили строительство маломорского бурятского рыболовецкого стана, в 1994 г. приступили

к строительству эвенкийской, а в 2006 г. – тофаларской экспозиции.

Бурятская экспозиция. В конце XIX – начале XX вв. большинство бурят исключило из системы кочевания весенники и осенники, переезжая из зимников после завершения весенних полевых работ в летники для выпаса скота на пастбищах [1; С. 40]. Жилища в обоих видах поселений были стационарными. В музее в бурятской экспозиционной зоне предполагается показать два вида поселений: традиционные улус-летник и улус-зимник, а также рыболовецкий стан бурят, проживавших по побережью Байкала от Бугульдейки до Кочериково, так как рыбный промысел играл огромную роль в жизнеобеспечении бурят побережья озера. По религиозному воззрению западные буряты в конце XIX – начале XX вв. были двоеверцами. Знакомство с православием, а затем крещение шло через миссионерские станы, организованные в крупных бурятских селениях духовной миссией Русской православной церкви. Несмотря на крещение, буряты не отказались от шаманизма и по-прежнему устраивали в честь хозяев мест, родников, рек тайлаганы, поклонялись священным деревьям и духу почившего шамана, устанавливая на месте его захоронения фигурный столбик – бариса. Поэтому духовная культура бурят должна быть представлена и христианством – через миссионерский стан, и шаманизмом – через памятники шаманского и дошаманского культов. Примерно 10 % западных бурят были ламаистами. Эта часть населения должна быть представлена если не через дацаны, то хотя бы через монхо [4].

Улус-летник состоял чаще всего из восьмиугольных юрт, рубленных из лиственницы [15; С. 40; 9]. Юрты в улусе располагались группами. Каждая группа состояла из пяти-шести юрт и находилась от другой на расстоянии примерно в 1,5 км. Юрты ставились выходом на юг, разбросанно, в форме неправильного круга – гнезда и заселялись близкими родственниками. Располагались улусы-летники у небольших речек, ручьев [5]. Непременным условием при выборе местности для улуса-летника был хороший травостой. Экспозиция должна отражать фрагменты улуса-летника, хозяйство которого имело скотоводческо-земледельческое направление.

Гнездо улуса-летника уже сформировано на территории музея и состоит из шести деревянных юрт-оригиналов конца XIX в. и вспомогательной инфраструктуры (печь для выпечки хлеба, навесы и т.д.), выполненной в новоделе. Юрты восьмистенные, стены сложены из цельных бревен или полубревен. Покрытие кровель от архаичного дернового до дранья и теса. Пять юрт вывезено из улуса Алагуй, находящегося в окрестностях Бугульдейки Ольхонского района Иркутской области, и отреставрировано в музее с 1989 по 1996 гг. Авторы проекта реставрации Г. Г. Оранская и А. В. Субботин [8].

Шестая, наиболее уникальная юрта, сложенная из пятигранных бревен и покрытая пятислойной кровлей, вывезена из улуса Баянгазуй Эхирит-Булагатского района Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. В музее реставрировалась с 1990 по 2001 гг. Автор проекта реставрации А. П. Бельский.

Улус-зимник. Традиционно планировка улуса-зимника аналогична планировке улуса-летника. В усадьбах находилось несколько жилых построек, в которых проживали близкие родственники – отец, сын, братья. По существу, такая усадьба представляла собой родовое гнездо. К началу XX в. у бурят все больше распространялся тип усадеб, в котором хозяином был один человек. Особенно характерно это было для богатых бурят, у них в усадьбах стояло несколько домов, один – летний, другой – для приема гостей, третий – для жизни в зимний период. Строительство зимних жилищ бурятами было заимствовано у русских [10; С. 162]. Первых бурятских домов, которые объединяли в себе жилище и скотную постройку, отделенную от жилья высоким полом, не сохранилось, но еще достаточно домов, в которых вторая половина дома, отделенная сенями от жилой части, представляла помещение для содержания скота

[12; С. 29]. Такие постройки характерны для середины XIX в. Это дома в усадьбах Бутухунова (с. Малые Голы, Качугский район) и Баяна Баяновича (Качугский район). Поэтому эти дома должны войти в экспозицию улуса-зимника, как и дома городского типа конца XIX – начала XX вв., такие как в усадьбах Бичиханова (улус Наран, Качугский район), Александрова (улус Шетхулун, Баяндаевский район). Планировочной особенностью бурятской усадьбы является постановка домов в глубине чистого двора. Утуг со скотными постройками находился за домами и был продолжением усадьбы. В чистом дворе кроме домов стояли юрты и амбары.

Кузница располагалась в улусе-зимнике обособленно от селения (с. Кутанка). Рядом с ней ставился станок для ковки лошадей. Кузница была священным местом для бурят.

Тайлаганы, посвященные хозяину местности, родника, реки. Тайлаган представляет жертвенную каменку, вокруг которой устроено девять кострищ, где готовилось жертвенное мясо животного. Экспозиция должна быть выполнена по аналогу тайлагана с. Гоган Качугского района. У ручья должен стоять бариса – хозяин родника. Бариса – памятный фигурный столбик с выемкой внизу для жертвоприношений – ставился на месте захоронения шамана. Он должен быть изготовлен по аналогу барисы, стоявшего у пос. Еланцы, посвященного шаману Варнашке. Здесь же должны быть поставлены срубленные березки – тугрэ и ширэ – жертвенная каменка, выполненные по аналогу тугрэ и ширэ из с. Малые Голы. Культовые шаманские и дошаманские памятники, горные онгоны – три столба с выдолбленными нишами, в которые были вставлены онгоны – помощники шамана, должны быть представлены в улусе-зимнике рядом с домом шамана Степанова (усадьба вывезена из улуса Баянгазуй). Они обнаружены в с. Малые Голы, стояли вдоль дороги рядом с домом шамана.

Православный миссионерский стан. Миссионерский стан состоял из церкви, дома священника, миссионерской школы (с. Аларь). Он должен располагаться во фрагменте улуса-зимника. В Иркутской губернии на начало XX в. было 26 православных бурятских миссионерских станов. К настоящему времени для формирования православного бурятского миссионерского стана в музей вывезена церковно-приходская школа начала XX в. из пос. Кимильтей.

Маломорский бурятский рыболовецкий стан. Рыбным промыслом, игравшим большую роль в жизни бурят, занимались взрослое мужское население и часть подростков. Промысел был сезонный. Первая путина шла с начала мая по июнь в Малом Море и с августа по ноябрь – на восточном берегу Байкала. Доходная часть промысла составляла в среднем за сезон 33 руб. на человека. Работали артелями, в которые объединялись на добровольных началах. Артель летней путины состояла из 15 человек, осенней – из восьми. Маломорский рыболовецкий стан располагался на тони на береговом участке Байкала и состоял из рыбодела – однокамерного амбара с навесом, крытого односкатной желобочной кровлей, сушила для сушки неводов и одежды, берегового участка, используемого для закидки неводов, лодки-неводника, лодок-подъездков и двух воротов, используемых для вытаскивания невода из воды.

В составе сформированной экспозиции «Маломорский бурятский рыболовецкий стан» все объекты, за исключением навеса для лодок и амбара для засолки и хранения рыбы, относятся к малым формам архитектуры. Амбар с навесом выполнен в новоделе по аналогу маломорского рыбодела XIX в., зафиксированного на фотографии, находящейся в фондах Иркутского областного краеведческого музея. При проведении проектировочных работ автором рабочего проекта рыболовецкого стана А. П. Бельским кроме фотографий были использованы архивные, литературные и экспедиционные источники, предоставленные музеем «Тальцы». Навес для лодок – вообще искусственное сооружение, включенное в экспозицию с целью сохранения уникальных экспонатов – байкальских лодок первой трети XX в. Навес стилизован под прибай-

кальские завозни конца XIX в. Автор рабочего проекта навеса для лодок А.В. Субботин. Автором экспозиции «Маломорский бурятский рыболовецкий стан» является А. К. Нефедьева.

Эвенкийская экспозиция. Традиционная культура эвенков в конце XIX – начале XX вв. сохранилась в тех районах, где она практически не соприкоснулась с русской [3]. Это места обитания катангских, частично – северобайкальских и витимских эвенков [11]. Все эти группы эвенков – кочевые [18]. Круг кочевания составлял в диаметре до 250...300 км. Катангские эвенки отличались от витимских тем, что держали оленей только для перевоза вьюков, и поэтому количество оленей было незначительным [13; С. 22-24]. Витимские эвенки использовали оленей для перевоза вьюков и езды на них. Кочевание шло вслед за движением зверя и зависело от наличия корма для оленей. Все эвенки имели четыре вида стойбищ – весенники, летники, осенники и зимники. На стойбище ставился чум. В зависимости от времени года покрытие его менялось. Так, например, летний чум покрывался берестой и ровдугой, осенний и весенний утеплялись полубревнами, покрытыми лиственничной корой. Кроме чума в стойбище входили разного рода хозяйственные постройки: лабаз для хранения продуктов, будка для собак, в летний период ставились дымокуры, навесы для лодок, кузница, различного рода сушила и т.д. [2; С. 194].

В настоящее время в будущей верхоленской экспозиционной зоне расположилась временная эвенкийская экспозиция, состоящая из весенне-осеннего и летнего недостроенного стойбищ, а также комплекса различного вида эвенкийских захоронений. Экспозиция не завершена. Сама тема требует дополнительного изучения, как экспедиционного, так и литературного, чтобы на основе этих изысканий была возможность показать как можно шире материальную и духовную культуру эвенков. Во временной эвенкийской экспозиции совсем не представлен образ жизни витимских и северобайкальских эвенков, наиболее тесно соприкоснувшихся с русской культурой. Часть этих эвенков перешла к оседлому образу жизни и жила постоянно в домиках, почти ничем не занимаясь, так как получала хорошую арендную плату: витимские эвенки – за оленей, отдаваемых в наем для перевоза груза золотопромышленникам и геологическим партиям, северобайкальские – за аренду рыбных тоней. Поэтому будущая новая эвенкийская экспозиция, размещенная за трактом Иркутск–Листвянка, в лесу, в котором сохранилось больше сосен, должна будет отразить традиционную культуру эвенков исходя из жизни эвенков Катангского района и изменений, которые произошли в быту витимских и северобайкальских эвенков. Духовная культура эвенков должна быть отражена как через могильный комплекс, так и через шаманизм, представленный священными местами эвенков и изображениями духов – помощников шаманов.

Временный вариант размещения эвенкийской национальной экспозиционной зоны на месте будущей верхоленской объясняется несколькими причинами. Первая – это то, что территория верхоленской экспозиционной зоны расположена на пути уже функционирующего маршрута, а основное место постоянной экспозиционной эвенкийской зоны пока расположено по другую сторону Байкальского тракта и не может быть задействовано в ближайшее время по причине территориальной удаленности от главного экскурсионного маршрута. Строительство верхоленской экспозиционной зоны в ближайшей перспективе (10...20 лет) не предполагается. Эвенкийская экспозиционная зона формируется в новоделе, основной состав ее строений относится к малым (некапитальным) формам, которые легко переносятся на новое место. Строительство эвенкийской экспозиционной зоны хотя бы во временном варианте объясняется стремлением администрации музея как сформировать для сегодняшнего турпотока, по возможности, разноплановые экспозиции, так и отработать наиболее приемлемые варианты формирования эвенкийской национальной экспозиции, в

максимальном объеме и с максимальной достоверностью реконструирующие материальную и духовную культуру наиболее малочисленного народа Предбайкалья — предбайкальских эвенков [16].

Тофаларская экспозиция. Находится в стадии строительства [7]. По завершении строительства экспозиция будет состоять из летнего и зимнего стойбищ с присущими им хозяйственными постройками. Зимнее стойбище должно состоять из чума, крытого лиственничной корой, наземного лабаза, в котором тофы хранили продукты, открытого лабаза и столбиков для привязи оленей. При переходе к летнему стойбищу будет устроен другой, более крупный лабаз, предназначавшийся для хранения вещей. Летнее стойбище будет состоять из чума, крытого берестой, загона для оленей, кострища, дымокуров, будки для собак [6; С. 27-28]. Покрытие чумов предполагается ровдужное и берестяное. Религиозные воззрения по разработанному плану будут показаны только через захоронения.

Тофаларская экспозиция пока, как и эвенкийская, создается во временном варианте на месте будущей верхоленской экспозиционной зоны. Принцип временности такой же, как и у эвенкийской экспозиционной зоны. В постоянном варианте тофаларская экспозиционная зона будет создаваться по другую сторону Байкальского тракта, рядом с эвенкийской.

Формирование этнической экспозиции западных бурят позволит реконструировать их уникальную традиционную культуру, отличную от традиционной культуры других этносов и этнических групп, проживающих в Предбайкалье. Планируется сформировать зимнее поселение западных бурят (утэх) с типичной гнездовой планировкой из реальных объектов, отразив при этом наиболее распространенный характер комплектования усадеб с наличием в них старого и нового домов, деревянных юрт различной конструкции (четырех- и восьмистенных), иных хозяйственных построек и утугов. Формирование тайлагана, отражающего шаманские верования западных бурят, в связи с тем, что его архитектура в основном представлена малыми формами, будет проводиться в новоделе. Создание православного миссионерского стана и монхо, отражающих иные верования западных бурят, будет осуществляться посредством транслокации объектов-оригиналов. Дальнейшее расширение улуса-летника, уже сформированного, не предполагается.

Традиционная культура эвенков и тофов как охотников-оленеводов, во многом сходная, при создании экспозиций ставит проблему выявления отличающих эти этносы элементов культуры главным образом в материальных носителях. Основными жилищами обоих этносов являются чумы, различающиеся в зависимости от сезона. В экспозициях у данных этносов они будут весьма похожи по конфигурации. Тем не менее, покрытия чумов будут различаться — лиственничные, березовые, ровдужные. Имеющими наибольшие особенности будут малые сооружения, разнообразные по форме лабазы, помосты и иные элементы инфраструктуры. У эвенков хозяйственная инфраструктура значительно объемнее. В эвенкийской экспозиции возможен показ шаманского чума, отражающего верования эвенков.

Если экспозиция западных бурят в музее «Тальцы» будет объемной, то эвенкийская и тофаларская экспозиции будут локальными. В музейной практике материальную культуру западных бурят представляет также экспозиция в музее «Верхняя Березовка» (две усадьбы зимника и три юрты летника).

Материальную культуру прибайкальских эвенков отражают экспозиции в этнографических музеях «Верхняя Березовка» (г. Улан-Удэ) и «Ангарская деревня» (г. Братск). Экспозиция в музее «Тальцы» будет отличаться от них, так как она сформирована по другому принципу, посредством отражения традиционной культуры через сезонные стойбища (летнее, осеннее, зимнее) и комплекс захоронений.

Тофаларская экспозиция будет первой в музейном экспозиционном пространстве.

Отражение экспозиционными методами традиционной культуры коренных жи-

телей Предбайкалья позволит сохранить в наиболее неискаженном виде их народную культуру в современном глобальном мире и передать ее будущим поколениям нынешними ее свидетелям.

Литература

1. Богданов. Очерки истории бурят-монгольского народа // Сибирь: Историческая хрестоматия. Иркутск, 1932. С. 39-40.
2. Болдунников А.И. Внеохотничьи хозяйственные занятия тунгусо-олекминских эвенков // Известия общества изучения Восточно-Сибирского края. Иркутск, 1936. Т. I, LVI. С. 183-211.
3. Василевич Г.М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л, 1969. 304 с.
4. Губин А.А. Монхо // Тальцы. 2004. № 2 (21). С. 46-49.
5. Манушкина Е.Г. Отчет о результатах экспедиции в Качугский район в 1999 г. // Тальцы. 2000. № 3 (10). С. 34-37.
6. Мельникова Л.В. Тофы. Иркутск, 1994. 302 с.
7. Мельникова Л.В., Свинин В.В. Проблемы создания тофаларской этнографической зоны в музее под открытым небом и сохранения памятников материальной и духовной культуры Тофалярии // Проблемы развития музеев под открытым небом в современных условиях. Иркутск, 1995. С. 161-162.
8. Нефедьева А.К. Бурятский летник и проблема его реставрации в архитектурно-этнографическом музее // Народные традиции и архитектура в современном музее. Иркутск, 1992. С. 81-84.
9. Нефедьева А. К. Бурятский улус-летник в музее «Тальцы»// Тальцы. 2004. № 2 (21). С. 56-61.
10. Нефедьева А.К. К вопросу о строительстве бурятских жилых комплексов на территории архитектурно-этнографического музея // Материалы по археологии и этнографии. Иркутск, 1991. С. 160-162.
11. Павлов А.А. Охотники-оленеводы верховьев Нижней Тунгуски // Тальцы. 1998. № 2 (4). С. 44-47.
12. Петри Б.Э. Далекое прошлое бурятского края. Иркутск, 1922. 43 с.
13. Сирина А.А. Катангские эвенки в XX в. М., 1995. 200 с.
14. Тихонов В.В. Анализ методической базы музеев под открытым небом России. Иркутск, 2003. 180 с.
15. Тихонов В. В. Бурятская юрта конца XIX – начала XX века из улуса Баянгазуй // Тальцы. 2002. № 1 (13). С. 39-45.
16. Тихонов В.В. К вопросу строительства эвенкийского стойбища в музее «Тальцы» // Известия АЭМ «Тальцы». 2002. Вып. 1. С. 173.
17. Тихонов В.В., Нефедьева А.К. Основные направления развития Архитектурно-этнографического музея «Тальцы»: (программа). Иркутск, 2006. 216 с.
18. Туров М.Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX – начале XX вв. Иркутск, 1990. 176 с.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Тихонов В.В., канд. культурологии, директор, Архитектурно-этнографический музей «Тальцы», г. Иркутск
eukolganova@gmail.com

V. Tikhonov, *Candidate of Cultural Sciences, Director of the Architectural-ethnographic Museum «Taltsy», Irkutsk*

Научные интересы: культурология, музееведение, скансенология

Scientific interests: *cultural studies, museum studies, scancernology*

Науки о Земле

УДК 556.3

Васютич Людмила Александровна
Lyudmila Vasyutich

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ТЕХНОГЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КАЧЕСТВО ПОДЗЕМНЫХ ВОД ЧИТИНСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

THE PECULIARITIES OF TECHNOGENIC INFLUENCE ON THE CONDITION OF GROUNDWATER CHITA AGGLOMERATION IN THE GLOBAL CLIMATE CHANGE

Рассмотрены особенности изменений гидрогеологических условий на территории г. Чита в результате деградации криолитозоны с учетом развития урбанизации в пространстве и во времени. Показано, что техногенные воздействия на геоэкологические условия наиболее концентрированы и интенсивны на урбанизированных территориях криолитозоны. Выявлено, что подземные воды обладают наибольшей динамичностью и скоростью ответной реакции на воздействия источников загрязнения

Ключевые слова: *подземные воды; криолитозона; техногенные воздействия; геоэкология; загрязнение подземных вод; урбанизация*

In this article the author describes changes' features of hydrogeological conditions in the city of Chita as a result of degradation of permafrost with the development of urbanization in space and time. Manmade effects on geoekological conditions, which are showed in this paper, are most concentrated and intense in urban areas permafrost. In this paper the author has revealed that groundwater has the greatest dynamism and speed of response to the impact of pollution sources

Key words: *groundwater, cryolitozone, human impacts, geoecology, groundwater pollution, urbanization*

Читинская городская агломерация начала формироваться с середины XX в. В это время в состав города были включены близлежащие поселения городского типа и построены микрорайоны, территории которых находились на значительном отдалении от «Ядра» агломерации – Читы-1 и Читы-2. В настоящее время значительная часть поселений, микрорайонов и «Ядро» агломерации представляют единое целое (рис. 1).

Особенности формирования агломерации г. Чита и ее воздействия на криолитозону в условиях глобального изменения климата оказали существенное влияние на состояние подземных и поверхностных вод (криогидросферу) в ее пределах и, особенно, в черте селитебных и промышленных территорий. Несомненно, эти и другие причины оказали влияние на ухудшение экологических условий в границах агломерации. В связи с этим, начиная с 2011 г., на кафедре гидрогеологии и инженерной геологии ЗабГУ под руководством Д.М. Шестернева выполняются исследования в рамках госбюджетной темы «Оценка антропогенных воздействий на геоэкологические условия урбанизированных территорий южной криолитозоны (на примере г. Чита)», регистрационный номер 01201066651.

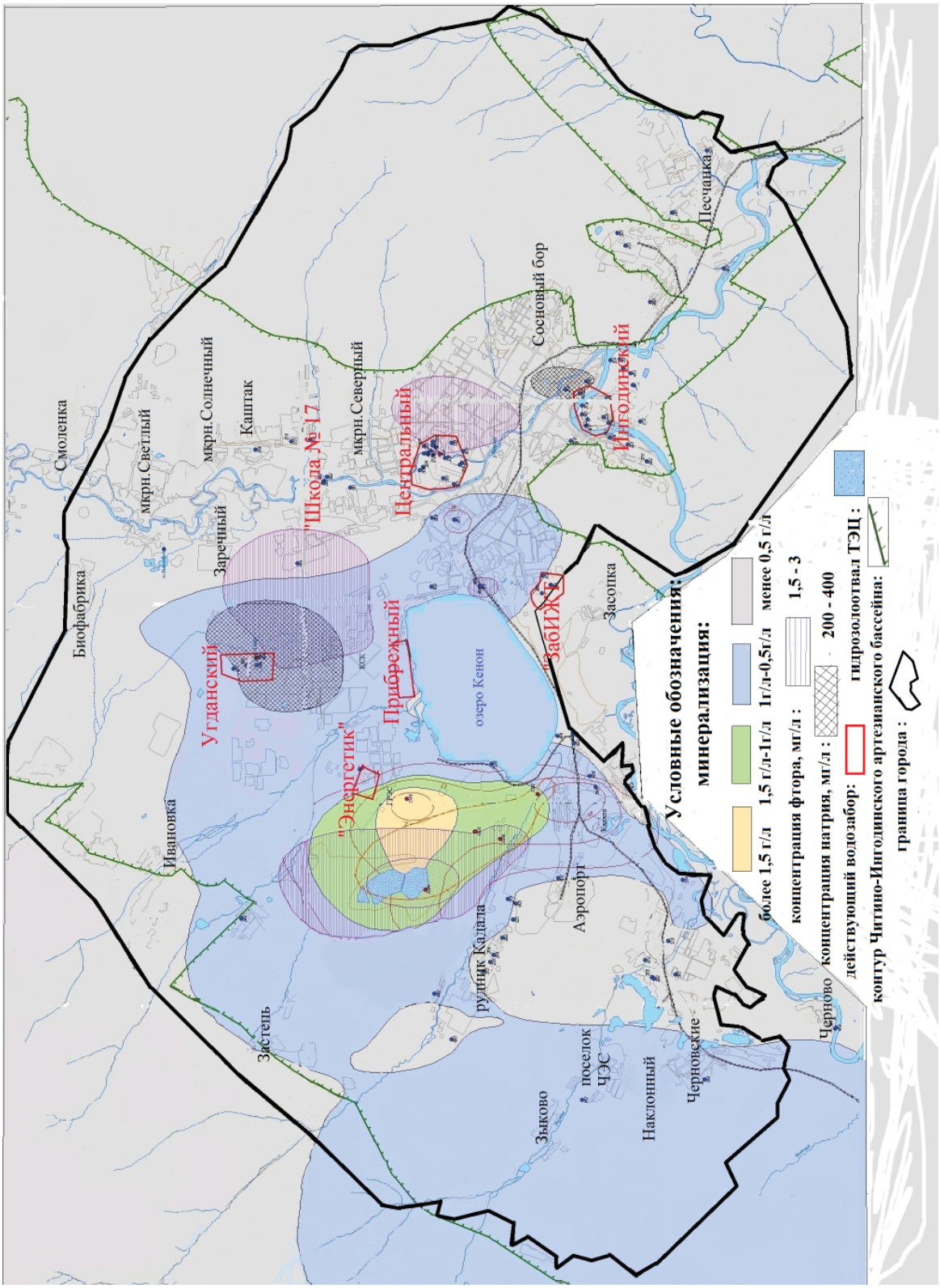


Рис. 1. Состояние подземных вод на территории г. Чита [5]

Техногенные воздействия на природные условия наиболее концентрированы и интенсивны на урбанизированных территориях. Значительное влияние они оказывают на изменение приземной атмосферы, рельеф почвенно-растительного покрова, подземной и поверхностной гидросферы и т.п. Из всех элементов окружающей среды подземные воды обладают наибольшей динамичностью и скоростью ответной реакции на техногенные воздействия [11]. Влияние деятельности человека на подземную гидросферу, проблемы защиты подземных вод от истощения и загрязнения рассмотрены в работах Н.И. Плотникова, Е.В. Пинеккера, А.А. Шварца, В.М. Гольдберга, И.К. Гавич, Б.И. Писарского, В.М. Шестакова, В.В. Шепелева, В.А. Мироненко, А.П. Белоусовой, С.В. Алексева и др. В их работах показано воздействие антропогенных факторов на качество подземных вод, определена задача обеспечения безопасной жизнедеятельности. Особенно актуально это для урбанизированных территорий в пределах криолитозоны, где динамика изменений качества подземных вод имеет тесную взаимосвязь с динамикой изменения площади распространения и строения многолетнемерзлых пород. Это вызвано тем, что при деградации криолитозоны, при прочих равных условиях, степень загрязнения подземных вод увеличивается, при аградации – существенно снижается.

Подземная крио- и гидросфера читинской городской агломерации, начиная с 60-х гг. прошлого века, испытывает всё возрастающую техногенную нагрузку вследствие как их интенсивной эксплуатации, так и загрязнения окружающей среды. Загрязнение подземных вод происходит не только непосредственно от техногенного источника загрязнения, но и через другие компоненты окружающей среды: поверхностную гидросферу, атмосферу, литосферу.

За период интенсивной урбанизации с 60-х гг. прошлого столетия и по настоящее время криолитозона в пределах г. Чита сократилась с 70 до 15...20 %. На участках ранее ее сплошного развития теперь распространены многолетнемерзлые породы не сливающегося типа [9]. Это привело к формированию новых путей транзита теплового, химического и механического загрязнения гидросферы, изменению геотермического поля криолитозоны. Динамика их дальнейшего развития обусловлена тепловым загрязнением окружающей среды (воздуха, поверхностной и подземной гидросферы); геологической среды; изменением фоновых значений основных климатических параметров – температуры воздуха и количества атмосферных осадков в твердом и жидком состоянии и т.п. Сказанное привело к кардинальной перестройке криолитозоны по площади и в разрезе [10]. Эти изменения обеспечили трансформацию путей переноса загрязняющих веществ и, несомненно, являются источником ухудшения экологических условий.

В структуре агломерации г. Чита выделяются промышленная, селитебная, коммунально-складская и др. зоны (см. таблицу). В их пределах расположены различные типы предприятий, улицы, площади, наземный городской транспорт, подземные коммуникации, горные выработки, гидрозолоотвалы, подсобные хозяйства и др. Часто их некачественная эксплуатация приводит к вовлечению в городскую среду огромных масс химических элементов с твердыми промышленными и бытовыми отходами, пылевыми выбросами, промышленными и коммунальными стоками [4]. Установлено, что значительному загрязнению подвергаются подземные воды в зоне влияния гидрозолоотвалов, городских очистных сооружений, предприятий на Большом Острове, Читинской автобазы, канализационно-насосной станции, расположенной на правом берегу р. Чита.

Источники и виды техногенных воздействий на подземную гидросферу г. Чита

Источники техногенных воздействий	Виды воздействий	Характер воздействия	Показатели интенсивности
Селитебные и промышленные территории	Химическое, биологическое	Загрязнение подземных вод	Содержание нитратов 0,5...2,0 мг/л, нитриты и аммоний появляются в воде периодически в концентрациях до 1,1 мг/л; появление нефтепродуктов; повышение перманганатной окисляемости вод
Коммунальное хозяйство	Тепловое, биологическое	Сброс технических и сточных вод	Биогенные элементы – азот в виде аммония, нитритов, нитратов и фосфор; сульфаты и хлориды
Транспортные системы	Статические нагрузки от насыпей, тепловое воздействие	Нарушение подземного стока	Образование наледей подземных вод
Гидрозолоотвал ТЭЦ	Инфильтрация технологической воды	Повышение уровня подземных вод	Изменение среднегодового уровня на 3,6 м
	Тепловое воздействие	Отепляющее воздействие на горные породы	Изменение температуры, деградация криолитозоны
	Химическое	Загрязнение подземных вод	Увеличение в водоносном комплексе нижнемеловых отложений минерализации (до 2...2,5 г/л), сульфатов (до 750...800 мг/л), железа (до 17 мг/л), жесткости (до 16...22 мг-экв/л), фтора (до 22...26 мг/л)
Водозаборные скважины	Водоотбор	Снижение уровня подземных вод	Понижение уровня в центре депрессионной воронки на 26,1 м
	Химическое загрязнение	Подтягивание некондиционных вод	Увеличение минерализации до 1,4 г/л (первоначально 0,45...0,5 г/л)
Шахта Восточная	Осушение и восстановление водоносного комплекса	Нарушение гидродинамического режима подземных вод	Понижение (восстановление) уровня подземных вод на 90 м

В 60-х гг., когда в пределах г. Чита площадь криолитозоны составляла более 70 % от общей площади урбанизированной территории, локальные источники загрязнения практически не распространялись на всю территорию артезианского бассейна в ее пределах. В настоящее время, когда деградация криолитозоны достигла максимальных значений, в связи с увеличением гидродинамической связи локальных источников загрязнения поверхностных и подземных вод отмечается загрязнение подземных вод регионального характера. Основной причиной регионального загрязнения грунтовых вод являются урбанизированная территория, объекты энергетики и транспорта [2, 3]. Локальные источники загрязнения подземных вод многообразны: гидрозолоотвалы, водозаборные скважины, свалки, нефтезаправочные станции и др. Линейные источники загрязнения – это автомагистрали, коллекторы промышленной и коммунальной канализации [8].

Совокупность воздействий техногенных объектов трансформирует гидродинамическое и гидрохимическое состояния подземной гидросферы. Техногенное воздействие на гидродинамическое состояние подземных вод на территории г. Чита связано с отбором подземных вод, утечкой технологической воды из объектов энергетического комплекса, восстановлением уровня вод в районе Черновского шахтного поля. Добыча подземных вод в г. Чита осуществляется двенадцатью крупными (производительностью более 1000 м^3/сут) и пятнадцатью средними (производительностью 100...800 м^3/сут) групповыми водозаборами, а также серией водозаборов малой производительности и одиночных скважин.

Суммарный среднесуточный водоотбор по г. Чита в 2010 г. достигал 103,81 тыс. м^3/сут. Наиболее интенсивный водоотбор осуществляется на 7 крупных групповых водозаборах, обеспечивающих централизованное водоснабжение г. Чита: Центральном, Ингодинском, Прибрежном, Угданском, «Школе № 17», на «Энергетике» и «ЗабИЖТ» (см. рис. 1).

В результате интенсивного водоотбора с конца восьмидесятых годов прошлого столетия на территории г. Чита сформировалась единая депрессионная воронка, площадь которой варьирует 72...93 км^2 с глубиной залегания динамического уровня до 60...80 м. Центр воронки тяготеет к территории Центрального водозабора, где понижение уровня подземных вод за сорокалетний период составило 26,1 м. В западной части г. Чита, где расположены гидрозолоотвал Читинской ТЭЦ и шахтное поле Черновского буроугольного месторождения, длительное время наблюдался подъем уровней [5]. Это связано с фильтрацией техногенных вод из золоотвала и прекращением водоотлива из подземных горных выработок буроугольного месторождения. На площади Черновского буроугольного месторождения с начала века до 1985 г. осушена 90-метровая толща угленосных отложений. До 2001 г. отмечен стабильный подъем уровней водоносного комплекса нижнемеловых отложений, связанный с их восстановлением. В настоящее время процесс восстановления можно считать завершенным [5]. На площади, прилегающей к гидрозолоотвалу Читинской ТЭЦ-1, в течение многих лет фиксируется повышение среднегодового уровня на 3,6 м. С 2003 г. здесь наблюдается колебание уровня подземных вод около определенной величины, что указывает на его относительную стабилизацию, обусловленную постоянным напором и постоянной разгрузкой фильтрующихся из гидрозолоотвала вод в долину р. Кадалинка (субаквально в русле и в виде родников), а также их перехватом дренажной системой Читинского аэропорта. Все это приводит к образованию в зимнее время наледи техногенного характера в приустьевой части долины ручья [5].

Гидрогеохимическое состояние подземных вод селитебной части г. Чита характеризуется распределением по площади нормируемых показателей в подземных водах нижнемелового водоносного комплекса: минерализации, сульфатов, фтора, натрия (рис. 1). Подземные воды с минерализацией до 500 мг/л распространены на 60 % территории – это Центральный, Ингодинский и частично Железнодорожный районы [5]. Минерализация 500...1000 мг/л (предельно-допустимая концентрация ПДК) наблюдается в виде крупного ореола сложной формы, занимающего 37 % площади и охватывающего юго-западную, западную и северо-западную части города – Черновский и часть Железнодорожного района.

Минерализация, превышающая ПДК, выделяется как площадная аномалия от золоотвала ТЭЦ до юго-западного берега оз. Кенон и пос. Кадала с максимальным значением 1586 мг/л. На этой же территории зафиксирован крупный ореол, в котором общая жесткость превышает ПДК. Значения жесткости в районе золоотвала ТЭЦ достигают 17...23 мг-экв/л, в районе пос. Кадала 18...34 мг-экв/л. Ореол распространения сульфатов с концентрацией выше ПДК (500 мг/л) также приурочен к району золоотвала ТЭЦ – пос. Кадала. Содержание сульфатов достигает 619...735 мг/л. В основном концентрация сульфатов в скважинах города не превышает 200 мг/л [5].

Гидрозолоотвал ТЭЦ расположен в 4 км северо-западнее оз. Кенон, в естественной котловине, и состоит из двух секций общей площадью 115 га. Технологическая вода в нём имеет гидрокарбонатно-сульфатный магниево-кальциевый состав с минерализацией 1,24 мг/л, жесткостью 14,7 мг-экв/л. Технологическая вода, фильтруясь по ослабленным тектоническим зонам и хорошо проницаемым слоям песчаников, загрязняет подземные воды криогенно-таликового нижнемелового водоносного комплекса и современного четвертичного

водоносного горизонта аллювиальных и озерных отложений, а через них – поверхностные воды р. Кадалинка и оз. Кенон. Ореол загрязнения подземных вод сульфатами вокруг золоотвала вытянут по потоку подземных вод в сторону долины р. Кадалинка и оз. Кенон и его площадь в 2010 г. составила 12,5 км^2 (см. рис. 1).

Гидрогеохимическое состояние подземных вод на водозаборах характеризуется на примере Угданского, который введён в работу в 1963 г. За пятьдесят лет эксплуатации первоначальное качество воды продолжает сохраняться лишь в одной из шести скважин, самой северной. В южной части водозабора (скв. 4026, 4030) происходит интенсивный подток некондиционных вод, что привело к увеличению концентрации натрий-иона до 360 мг/л (первоначально 120...160 мг/л), сухого остатка до 1,4 г/л (первоначально 0,45...0,5 г/л), фиксируется постоянный рост сульфатов, содержание которых в 2010 г. составило 283 мг/л (первоначально 4...8 мг/л) (рис. 2). Содержание гидрокарбонат-иона в воде возрастает с ростом минерализации, что указывает на природный характер загрязнения [5].

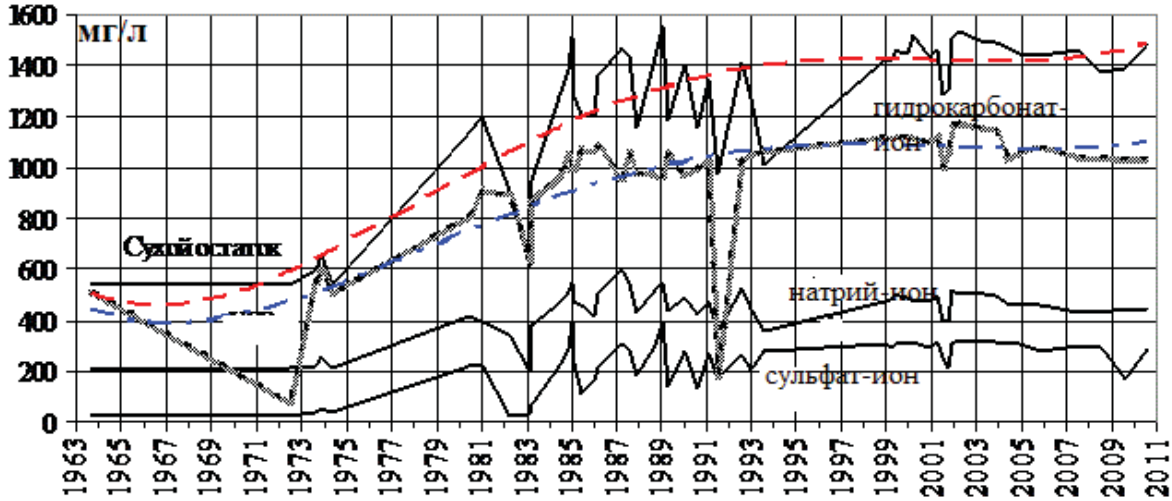


Рис. 2. Изменение концентраций некоторых компонентов в южной части Угданского водозабора (скв. 4026)

В пределах речных долин рек Ингода и Чита существуют благоприятные условия для восполнения эксплуатационных запасов, однако эксплуатируемый водоносный комплекс является недостаточно защищенным. В целом при удовлетворительном качестве подземных вод в отдельных скважинах в летний период ухудшаются бактериологические показатели воды, что связано с неудовлетворительным техническим состоянием скважин или несоблюдением зон санитарной охраны. Опасность загрязнения усугубляется размещением водозаборов в черте города [7].

Качество питьевых вод в г. Чита имеет отклонения от нормативов по железу, марганцу, иногда – фтору. Причинами этих отклонений являются природные факторы, фильтрация некондиционных вод из смежных горизонтов, поступление железа из обсадных труб недействующих скважин [6]. Также общим почти для всех водозаборов является постоянное или периодическое присутствие в подземных водах нитратов, нитритов и аммония, что говорит о загрязнении подземных вод хозяйственно-бытовыми стоками. Это результат захламленности территории стихийными свалками бытового мусора, а также наличие всевозможных утечек и аварийных сбросов сточных вод с канализационно-насосных станций на рельеф и в р. Чита. В соответс-

твии с общей классификацией качества подземных вод, используемых для питья, в пределах читинского месторождения подземных вод неудовлетворительное качество характерно для питьевых вод Угданского, Прибрежного водозаборов и «Энергетик». Удовлетворительное качество характерно для подземных вод на Центральном водозаборе. Требованиям СанПиН 2.1.4.1074-01 соответствуют подземные воды Ингодинского водозабора [1].

Охрана источников питьевого водоснабжения от загрязнения и истощения является актуальной проблемой. Механизмом, позволяющим отследить состояние подземных вод и предотвратить загрязнения, служит система мониторинга [6]. Анализ последних данных о современном мониторинге на Читинском месторождении подземных вод позволяет говорить, что в настоящее время сохраняется тенденция сокращения наблюдательной сети за состоянием подземных вод, что недопустимо в условиях растущей техногенной нагрузки в пределах г. Чита и развития коммунальной инфраструктуры города, связанной с введением в эксплуатацию Сибирского и Смоленского водозаборов [5].

Таким образом, изучение гидрогеохимического состояния питьевых подземных вод г. Чита позволило сделать вывод о том, что качество подземных вод соответствует нормам по основным показателям, однако существует ряд проблем. Практически повсеместно в подземных водах отмечается превышение предельно-допустимых концентраций по железу и марганцу, относящихся к третьему классу опасности. На Угданском водозаборе наблюдается рост содержания натрия, сульфатов и минерализации, вызванный подпиткой некондиционных вод. Анализ гидродинамического режима работы водозаборов указывает на увеличение площади депрессионной воронки, поэтому при построении прогнозных моделей эксплуатации водозаборных сооружений необходимо учитывать влияние граничных условий. Техногенные воздействия на подземные воды в большинстве случаев обратимы, это воздействия, которыми можно управлять и изменять с целью создания приемлемой экологической обстановки в г. Чита.

Литература

1. Васютич Л.А. Исследование влияния антропогенных воздействий на качество питьевых вод урбанизированных территорий (на примере г. Чита) // Комплексные проблемы гидрогеологии: тез. докл. науч. конф. – СПб.: Санкт-Петерб. ун-т, 2011. С. 39-41.

2. Васютич Л.А. Оценка качества питьевых вод Читинского месторождения подземных вод // Гидрогеология, инженерная геология, геология и геоэкология Забайкалья и сопредельных территорий: материалы науч.-практ. конф. Чита: ЧитГУ, 2008. С. 140-145.

3. Васютич Л.А., Белова А.С. Характеристика грунтовых вод г. Чита // Кулагинские чтения: XI Междунар. науч.-практ. конф. Чита: ЗабГУ, 2011. Ч. 3. С. 107-109.

4. Верхотуров А.Г., Васютич Л.А. Ресурсы и экологическое состояние питьевых подземных вод Забайкалья // Недропользование – XXI век. М., 2008. № 3. С. 79-81.

5. Геолого-экологическое исследование на территории г. Чита с целью оценки антропогенного воздействия на окружающую среду: отчёт / Е.В. Белякова [и др.]. Чита: Забайкалгеомониторинг, 2011. 299 с.

6. Мироненко В.А., Румынин В.Г. Проблемы гидрогеоэкологии: в 3 т. Прикладные исследования. М.: МГГУ, 2002. Т. 3, кн. 1. 312 с.

7. Шестернев Д.М., Васютич Л.А. Изменение климата и окружающая среда урбанизированной территории г. Чита // Кулагинские чтения: XII Междунар. науч.-практ. конф. Чита: ЗабГУ, 2012. Ч. 4. С. 30-32.

8. Шестернев Д.М., Васютич Л.А. Исследование влияния антропогенных воздействий на изменение геэкологических условий урбанизированных территорий южной криолитозоны (на примере г. Чита) // Вестник Чит. гос. ун-та. Чита, 2011. № 6. С. 117-121.

9. Шестернев Д.М., Васютич Л.А. Тепловое загрязнение геологической среды криолитозоны урбанизированных территорий Забайкалья (на примере г. Читы) // Вестник Читинского гос. ун-та. Чита, 2012. № 1. С. 43-51.

10. Шестернев Д.М., Шестернев Д.Д. Пучение пород в условиях деградации криолитозоны. – Якутск: Ин-т мерзлотоведения СО РАН, 2012. 194 с.

11. Экологическая гидрогеология / А.П. Белоусова и др. М.: Академкнига, 2006. 397 с.

Коротко об авторе / *Briefly about the author*

Васютич Л.В., доцент каф. «Гидрогеология и инженерная геология», Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
lyudmila-vasyuti@mail.ru

L. Vasyutich, assistant professor, Hydrogeology and engineering geology department, Zabaikalsky state University

Научные интересы: геоэкология; экология подземных вод; гидрогеология городов

Scientific interests: geoecology, groundwater ecology, hydrogeology of cities

УДК 622: 622.23.05

Красильников Антон Евгеньевич
Anton Krasilnikov

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ СТАБИЛЬНОГО КАЧЕСТВА УГЛЯ ПРИ ОТКРЫТОЙ ДОБЫЧЕ

FORMATION OF STABLE QUALITY COAL IN OPEN PIT

Рассмотрены основные показатели качества углей. Дана характеристика углей и технологий разработки в условиях Харанорского буроугольного месторождения. Рассмотрена целесообразность сортировки угля по гранулометрическому составу для получения сортового угля. Приведен перечень основных методов планирования открытых горных работ на отечественных угольных разрезах. разработана методика оперативного планирования и оптимизации суточной добычи угля с учетом требований качества, экономической эффективности и технологических возможностей в условиях ОАО «Разрез Харанорский». Предложено применение сортировочных установок на перегрузочных пунктах Харанорского разреза

Ключевые слова: *показатели качества, усреднение, разрез, месторождения угля, добыча, сортировка, зольность, влажность, сортность, крупность, гранулометрический состав, забой*

The main indicators of quality of coal are observed in the article. The characteristics of coal and technology development in Kharanorskaya lignite deposits are presented. The expediency of grading coal particles on size is described. A list of the main methods of planning for open pit mining of domestic coal mines and the method of operational planning and optimization of the daily production of coal meeting the requirements of quality, efficiency and technological capabilities in OAO «Cut Kharanorskaya» are given. The use of screening facilities at the transfer points Kharanorskaya cut is proposed

Key words: *quality indicators, average, cut, deposits of coal, mining, ash, moisture, grade, size, grading, slaughter*

Угольная отрасль является важной частью топливно-энергетического комплекса России. Ее развитие на современном этапе связано с повышением качества угольной продукции, обеспечением ее конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках и уменьшением вредного воздействия на окружающую среду. Основная масса энергетических углей сжигается в мощных пылеугольных котлах, которые рассчитываются на средние значения показателей качества угля определенного угольного разреза и чувствительны к отклонениям этих показателей от заявленных средних значений. Сжигание топлива нестабильного качества приводит к загрязнению окружающей среды и применению штрафных санкций к потребителям угля. Поэтому для потребителей одним из важнейших требований является стабильность качества угля.

Требования к качеству добытого угля выражаются в виде государственных стандартов (ГОСТ), технических условий (ТУ) и технических норм.

Основными показателями качества углей являются зольность, влажность, размер кусков (сортность), содержание серы, выход летучих веществ, теплота сгорания, содержание минеральных примесей.

Зольность является косвенным показателем содержания минеральных частиц и пород в угле. Наличие этих примесей сни-

жает теплоту сгорания угля и КПД котлоагрегатов, а также увеличивает затраты на приготовление и транспортирование топлива. Повышение содержания влаги увеличивает продолжительность процесса коксования углей, их смерзаемость при транспортировании в холодный период года, а также расход тепла на испарение влаги при сжигании. Крупность добываемого угля нормируется по величине максимального куска и влияет на получение сортового топлива крупных и средних классов.

Основы управления качеством продукции угольного разреза закладываются на стадии его проектирования, когда устанавливаются кондиции на уголь, выбирается система разработки, система вскрытия рабочих горизонтов и структура комплексной механизации добычных работ. В эксплуатационный период управление качеством угля осуществляется за счет определенной последовательности и порядка отработки добычных блоков, выбора технологии разработки сложных забоев, выполнения основных производственных процессов.

Стабилизация качества угля достигается путем его усреднения на различных стадиях добычи, а также в процессе первичной переработки. Мероприятия по стабилизации обеспечивают постоянство химического и гранулометрического состава, однородность и другие технологические свойства угля в определенном объеме (часовая, сменная, суточная добыча, объем автосамосвала, вагона, состава и др.).

Вместе с тем, угли разных пластов даже одного месторождения могут значительно отличаться по своим характеристикам, что приводит к нестабильности качества отгружаемого разрезом угля. Так, например, статистическая обработка данных по скважинам на угольных разрезах Забайкальского края показала, что значения зольности колеблются в весьма широком диапазоне – 6,4...55,6 %, влажность – 26,6...50,3 %, составляя в среднем 38,3 % [10].

Необходимое потребителю постоянство качества угля достигается усреднением, которое осуществляется на всех стадиях промышленного освоения месторождения и является составной частью управления комплексом горных работ. Оно подразделяется на генеральное, перспективное, текущее и оперативное.

Усреднение качества углей на разрезе происходит:

1) при его выемке и погрузке в забоях (внутризабойное усреднение). Оно достигается за счет установленной последовательности выемки угля из забоя;

2) на усреднительных складах разреза;

3) в исходящем из контура грузопотоке (межзабойное усреднение). Оно достигается за счет регулирования нагрузки на забои и при управлении транспортными потоками.

Усреднение на разрезе также включает:

– планирование горных работ в режиме усреднения;

– специальные способы усреднения добытого угля, которые дополняют, но не заменяют друг друга.

Способы усреднения являются наиболее радикальным средством уменьшения колебаний качества угля.

Нами изучены методы планирования открытых горных работ на отечественных угольных разрезах, на основании чего разработана методика оперативного планирования и оптимизации суточной добычи угля с учетом требований качества, экономической эффективности и технологических возможностей в условиях ОАО «Разрез Харанорский».

В настоящее время добыча бурого угля на Харанорском месторождении производится открытым способом. Основной добычной машиной при использовании железнодорожного транспорта является роторный экскаватор с теоретической производительностью, равной 1250 м^3 / час. Погрузка угля осуществляется в вагоны МПС непосредственно в забое (рис. 1).

На отдельных участках, где невозможно завести железнодорожные пути в угольные забои, погрузку угля предусматривается производить экскаватором ЭКГ-8И в автосамосвалы БелАЗ-75131 (рис. 2).

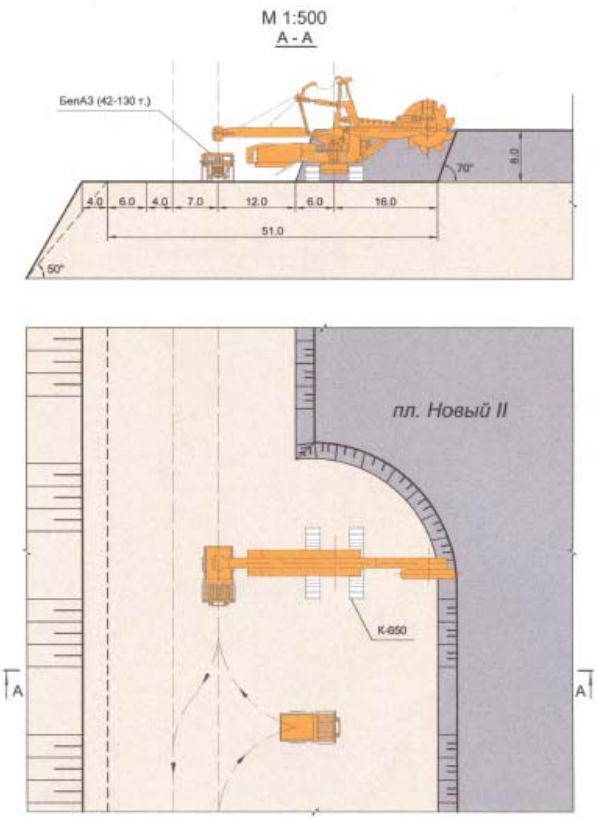


Рис. 1. Схема ведения добычных работ роторным экскаватором ЭР-1250 ОЦ с погрузкой в средства железнодорожного транспорта

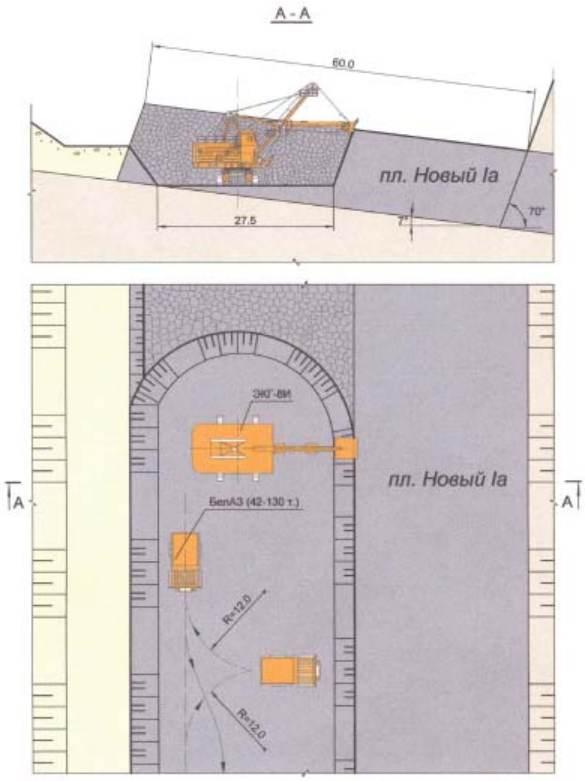


Рис. 2. Схема ведения добычных работ одноковшовым экскаватором ЭКГ-8И с погрузкой угля в автосамосвалы

Автосамосвалы подвозят уголь к ближайшим железнодорожным забойным тупикам, откуда он отгружается в вагоны МПС.

По крупности харанорские угли представлены различными фракциями (куски угля с размерами более 70 мм составляют до 16 %; 15...70 мм – до 62 %; мелочь, менее 15 мм – до 22 %). Наличие большого количества мелких фракций значительно снижает качество товарного угля.

Например, при сжигании добытого харанорского угля в топках котельных и бытовых печей с колосниковыми решетками, имеющими размер щели 8...15 мм, частицы угля размером менее 8 мм в процессе горения не участвуют, т.к. проваливаются в зольное отделение, что в среднем составляет 25 % от общей массы подаваемого в топку угля. Кроме того, они поглощают часть тепла на их нагревание. В связи с чем эффективность сжигания углей составляет лишь 36 % [2].

Несгоревшая масса мелких частиц угля вместе с золой попадает на золоотвалы и, продолжая гореть, выделяет в атмосферный воздух вредные газообразные продукты горения – различные соединения углерода, серы и азота с кислородом атмосферного воздуха.

Для регулирования качеством углей и повышения эффективности производства добычных работ при отработке карьерного поля № 2, 3 Харанорского буроугольного месторождения сотрудниками кафедры открытых горных работ ЗабГУ рассмотрена целесообразность сортировки угля по гранулометрическому составу для получения сортового угля.

Основные методические положения управления качеством добываемого бурого

угля на ОАО «Разрез Харанорский» путем внутрикарьерного усреднения и сортировки заключаются в следующем:

1) на ранее принятых этапах планирования подготавливается полная и объективная информация о качественных показателях угля в экскаваторных блоках;

2) производится технологическое картирование добычных участков разреза с учетом разносортности угля на основе оперативных данных опробования эксплуатационной разведки;

3) составляется недельно-суточный план-график, предусматривающий планируемые объемы добычи угля на каждый роторный и одноковшовый экскаватор;

4) выполняется имитационное моделирование процесса отработки разнокачественных забоев с целью определения возможных колебаний качества угля с учетом его усреднения и на основании этого устанавливается рациональный порядок отработки и оптимальная нагрузка на добычные блоки;

5) определяется производительность роторных и одноковшовых экскаваторов, их количество и расстановка в забоях;

6) осуществляется непосредственное управление горнотранспортным потоком угля;

7) производится сортировка угля по грансоставу на перегрузочных пунктах разреза.

Применение сортировочных установок на перегрузочных пунктах Харанорского разреза позволит потребителям получать сортовой уголь и определять направление его дальнейшего использования в зависимости от сорта и конструкции устройств для его сжигания на электростанциях и котельных. В условиях угольных разрезов обычно применяют слоевой способ усреднения или слоевой сдвиг.

Первый из них реализуется в слоевых штабелях, второй заключается в разделении угольного потока на две части, задержке (сдвигу) одной части потока относительно другой с последующим соединением обеих частей в единый поток. Однако оба эти способа недостаточно изучены. Поэтому важное значение представляет задача исследования этих способов усреднения качества угля с целью определения наиболее рационального их использования в условиях конкретного угольного разреза, а также возможности более эффективного совместного применения обоих способов в одной усреднительной системе.

Опыт работы угледобывающих предприятий России показывает, что затраты, вложенные для формирования стабильного качества добытого угля путем его усреднения, компенсируются более высокой стоимостью его при реализации потребителям.

Литература

1. Снетков Д.С., Косолапов А.И., Тодинов А.М. Разработка Черногорского угольного месторождения с применением мероприятий по управления качеством продукции // Проблемы освоения минеральной базы Восточной Сибири: сб. науч. трудов. Иркутск: ИрГТУ, 2004. Вып. 4. С. 103-105.

2. Субботин Ю.В., Овешников Ю.М., Самойленко А.Г., Циношкин Г.М. Управление качеством бурых углей Харанорского месторождения. М.: МГГУ, 2012. № 4. С. 64-72.

3. Томаков П.И., Манкевич В.В Открытая разработка угольных и рудных месторождений: учеб. пособ. М.: МГГУ, 2000. 611 с.

4. Щадов М.И., Фрейдина, Е.В., Дворникова А.Н., Ботвинник А.А. Системное управление качеством углей при открытой добыче и переработке // Уголь. М., 2003. № 2. С. 18-21.

5. Субботин Ю.В., Овешников Ю.М., Авдеев П.Б. Процессы открытых горных работ. Чита: ЧитГУ, 2009. 334 с.

6. Анистратов Ю.И. Технология открытых горных работ. М.: Недра, 1984. 287 с.

7. Проблемы управления качеством руды в условиях отставания вскрышных работ // Совершенствование технологий производства цветных металлов: сб. матер. Всерос. науч.-техн. конф. Красноярск, 2002. С. 51-53.

8. Управление качеством руды при открытой отработке // Молодежь и наука – третье тысячелетие: сб. матер. Всерос. науч.-техн. конф. Красноярск, 2002. С. 79-80.

9. Моделирование качества руды для формирования грузопотоков карьеров // Ресурсовоспроизводящие малоотходные и природоохранные технологии освоения недр: тезисы докл. второй междунар. конф. М., 2003. С. 23-25.

10. Угольная база России // Угольные бассейны и месторождения Восточной Сибири (под ред. В.Ф. Череповского). М.: Геоинформмарк, 2001. т. IV.

Коротко об авторе / *Briefly about the author*

Красильников А.Е. **,** аспирант, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
kae1990@mail.ru

A. Krasilnikov, postgraduate student, Zabaikalsky State University

Научные интересы: открытая разработка угольных, рудных и россыпных месторождений, охрана окружающей среды

Scientific interests: open pit coal, ore and placer deposits, environmental protection

УДК 622.01

Немчин Николай Павлович
Nikolai Nemchin

Терентьев Павел Юрьевич
Pavel Terentyev

ОЦЕНКА ДАВЛЕНИЯ НА КРЕПЬ С ПОМОЩЬЮ ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЭВМ «ГОРНОЕ ДАВЛЕНИЕ В ОДИНОЧНЫХ ГОРИЗОНТАЛЬНЫХ ВЫРАБОТКАХ-3»

THE ESTIMATION OF PRESSURE ON SHORING WITH THE AID OF A COMPUTER PROGRAM «ROCK PRESSURE AT HORIZONTAL SINGLE EXCAVATION-3»

Предложен полуэмпирический метод расчёта с учетом влияния буровзрывных работ. Проведено сравнение расчётного и реального состояний крепи существующих выработок для ОАО «Ново-Широкинский рудник». На основании сравнения определены наибольшее перемещение, при котором крепь вступает в работу, и коэффициент перегрузки. Согласно расчётам, дан прогноз на строящуюся выработку ОАО «Ново-Широкинский рудник»

Ключевые слова: *буровзрывные работы, горное давление, запредельная зона, горизонтальная выработка, давление на крепь*

A semi-empirical method of calculation with the influence of blasting is proposed. The estimated calculated state and the actual state of shoring of existing horizontal excavations of Public Company «Novo-Shirokinsky mine» were compared. The largest displacement is determined in which shoring starts working. The overload factor is based on this comparison. On the basis of calculations the forecast for a building stage excavation of Public Company «Novo-Shirokinsky mine» is given

Key words: *drilling and blasting operations, rock pressure, area of plastic deformations, horizontal excavation, pressure at the shoring*

Программа предназначена для определения давления на крепь в зависимости от перемещения контура выработки с учетом проведения буровзрывных работ. Математический аппарат программы реализован на основе результатов исследований из [1]. Опубликованная ранее программа «Горное давление в одиночных горизонтальных выработках-1а» [2] не учитывает влияние буровзрывных работ.

Неоднородность горных пород, возникающая при проведении буровзрывных работ, проявляется в зависимости от модуля Юнга и предела прочности на сжатие от радиуса [3].

Данные для капитальных и подготовительных выработок ОАО «Ново-Широкинский рудник» взяты из [4]. Для получения последних в [4] использовались сведения из [5-9]. Также в [4] приведены несущая способность крепи и ее реальное состояние, что позволяет ориентировочно судить о горном давлении. Несущая способность крепи определялась по методике В.К. Шехурдина [8].

Расчетные параметры для описания горного давления. На рис. 1 изображено главное окно ввода входных данных программы «Горное давление в одиночных горизонтальных выработках 3» [10].

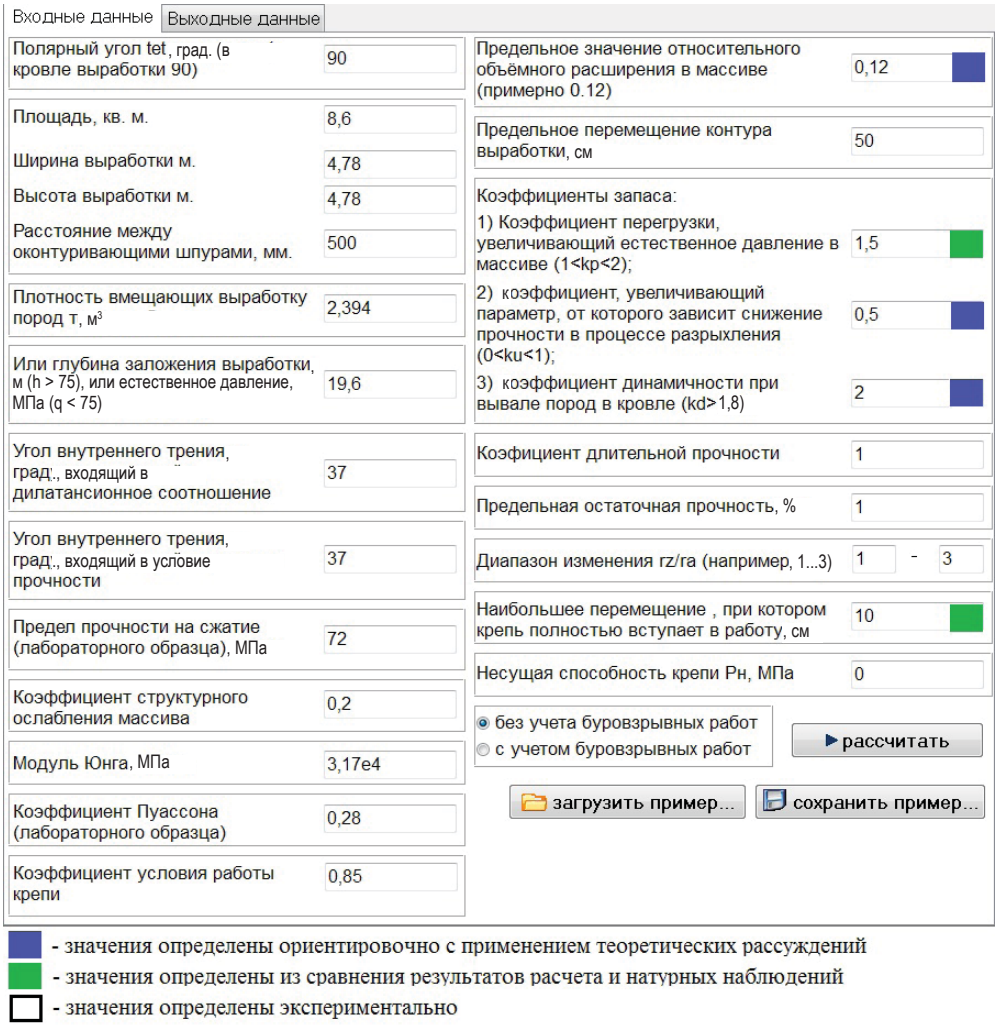


Рис. 1. Входные данные для выработки № 4 (из табл. 1)

Далее приводится комментарий к техническим и физико-механическим параметрам, принятым как входные данные в программе и показанным на рис. 1.

Предельное значение относительного объемного расширения в приконтурной зоне массива для расчёта горного давления выработок Ново-Широкинского рудника ориентировочно принято 0,12. При этом учтено, что разрыхление осуществляется в стеснённых условиях.

При расчетах использовались различные значения коэффициента перегрузки, влияющего на увеличение естественного давления в массиве пород. Использование коэффициента перегрузки связано с неточностью в определении естественного давления, отклонением принимаемой математической модели от реальной и ориентировочным характером некоторых параметров.

Наибольшее перемещение, при котором крепь полностью вступает в работу (U_a^*), зависит от качества и физико-механических свойств закладки, способа проведения выработки, естественного давления, податливости крепи и др. При этом перемещении отпор крепи становится достаточным для прекращения увеличения запредельной зоны.

Коэффициент ku влияет на снижение прочности в процессе разрыхления и принят нами ориентировочно равным 0,5.

Значение коэффициента динамичности в сопротивлении материалов при ударе зависит от того, с какой высоты падает

груз. Минимальное значение этого коэффициента равно двум при высоте падения, равной нулю. Мы считаем, что вывал пород обычно происходит в стеснённых условиях и при высоте падения, близкой к нулю, поэтому коэффициент динамичности принят равным двум. В случае дизъюнктивных нарушений значение коэффициента динамичности может быть значительно большим. Коэффициент динамичности используется для определения давления на крепь от обрушенных пород $P_{об}^{рас}$ по формуле

$$P_{об}^{рас} = к_д * \gamma * (r_z - r_a), \qquad (1)$$

где $к_д$ – коэффициент динамичности;

r_a – радиус выработки, принятый равным полуширине выработки, м;

r_z – внешний радиус границы запредельной зоны, м;

γ – удельный вес пород вблизи выработки, кН/м^3.

Коэффициент длительной прочности учитывает изменение предела прочности на сжатие в массиве по истечении времени, так что расчётное значение определялось по соответствующей формуле из [7].

Коэффициент условий работы крепи влияет на конечные результаты в расчётах давления на внутреннюю поверхность выработки $P = \frac{P^{рас}}{m_y}$ и давления, в случае обрушения пород $P_{об} = \frac{P_{об}^{рас}}{m_y}$, где $P_{об}^{рас}$ определено ранее формулой (1).

Углы внутреннего трения, входящие в дилатансионное соотношение и в условие прочности, определялись в соответствии с монографией [11].

На основании расчётов определяются значения возможного максимального (P_{max}) и минимального (P_{min}) давлений на крепь со стороны кровли. Методики расчёта приведены на рис. 2 и 3. По абсциссе отложено перемещение контура выработки Ua. За P_{min} принимается точка, соответствующая пересечению графиков P и $P_{об}$ (на рис. 2 равно 65 кПа).

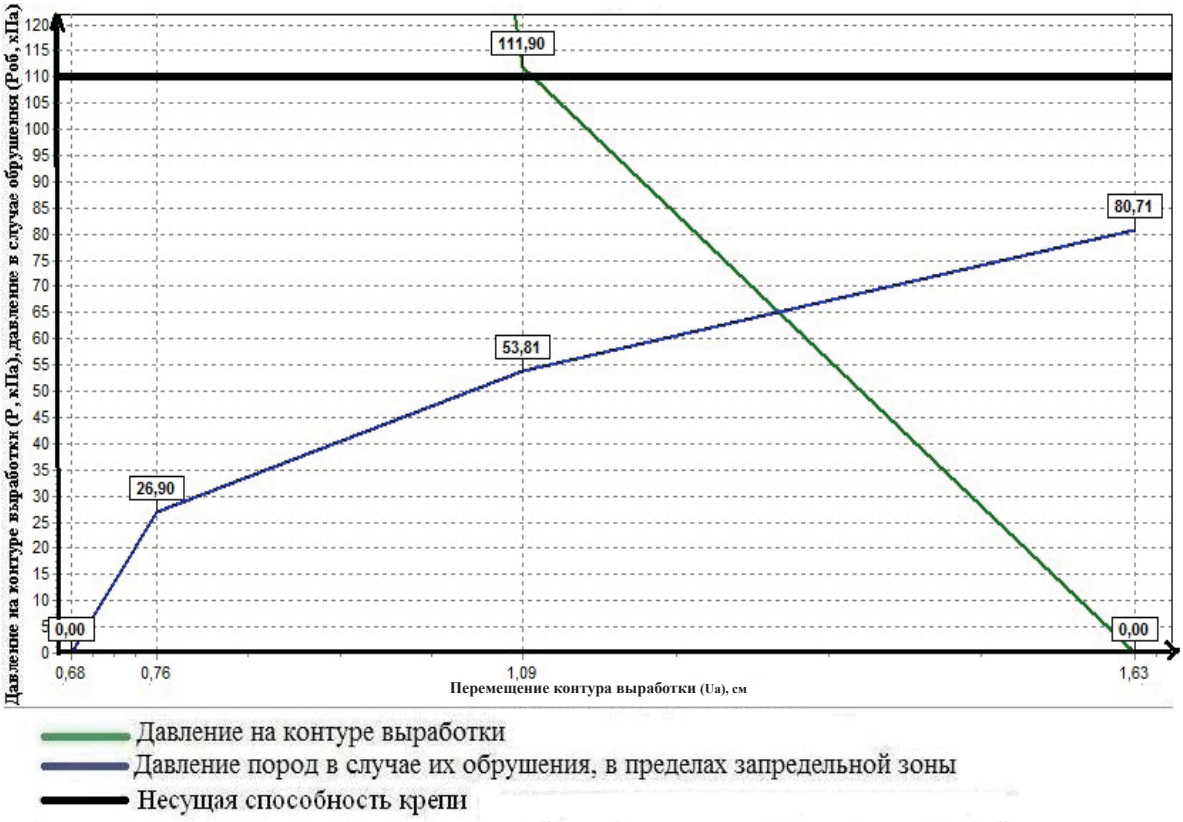


Рис. 2. График результатов расчёта для выработки № 4 (из табл. 1)

В случае, изображённом на рис. 2, принимается значение $P_{max} = P_{об}$ в точке, где P становится равным нулю, поскольку в этой точке прекращается увеличение размеров неупругой зоны. Соответственно P_{max} = 80,71 кПа. Из рисунка видно, что несущая способность крепи $P_н$ = 110 кПа больше максимального значения давления. Это означает, что крепь не разрушена.

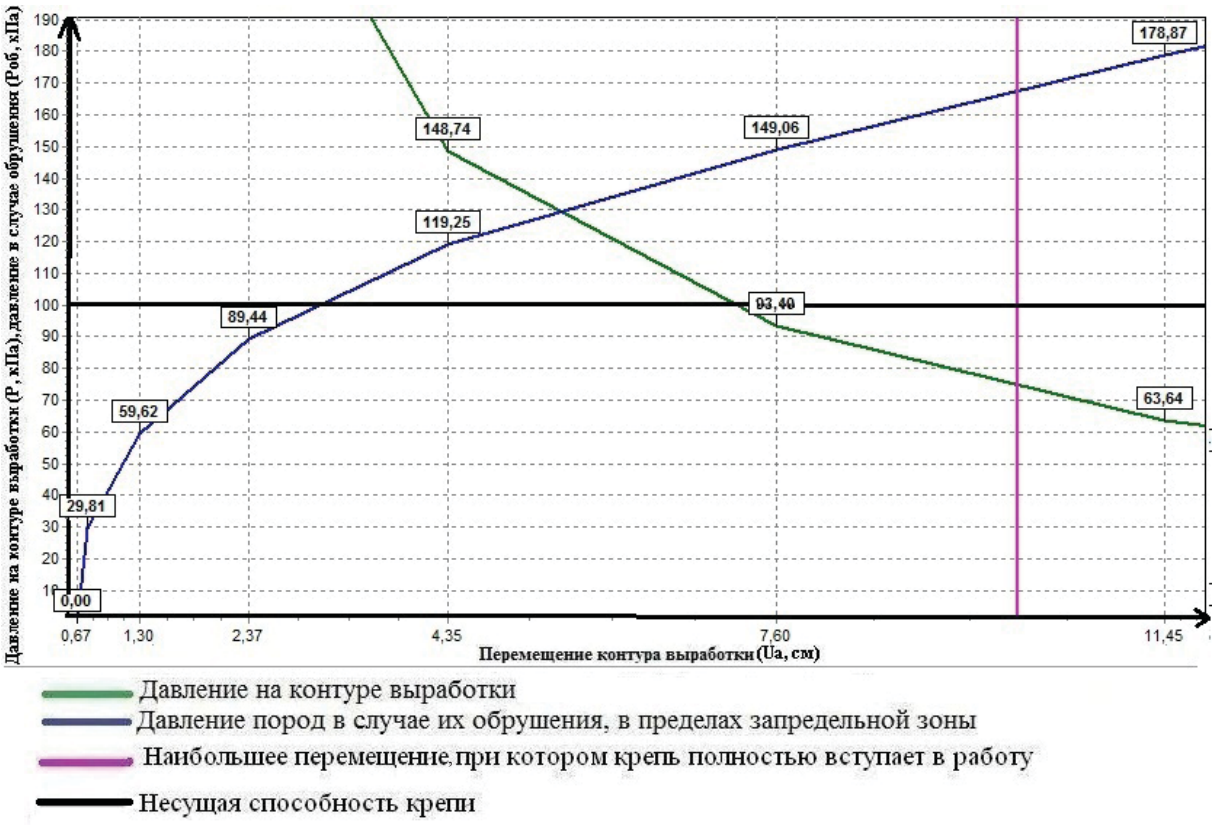


Рис. 3. График результатов расчёта для выработки № 10 (из табл. 1)

Во втором случае (рис. 3) значение давления P на контуре выработки не пересекает нулевое. При таком варианте за P_{max} принимается значение $P_{об}$ в точке, где перемещение $U_a = U_a^*$. Для рассматриваемого примера видно, что отпор крепи для прекращения роста неупругой зоны должен достигать 75 кПа. В соответствии с изложенным P_{max} = 170 кПа и P_{min} (значение, соответствующее пересечению графиков P и $P_{об}$) равно 130 кПа. Из рисунка видно, что несущая способность крепи $P_н$ = 100 кПа. Следовательно, крепь разрушена. Сравнение результатов расчета и натурных наблюдений приведено в таблице.

Наибольшее перемещение, при котором крепь полностью вступает в работу – U_a^*. При U_a^* отпор крепи становится достаточным для прекращения увеличения запредельной зоны.

Коэффициент перегрузки и U_a^* могут меняться в зависимости от условий месторождения. Их следует подобрать таким образом, чтобы удовлетворительно описать наблюдения над горными выработками. В этом смысле предлагаемый метод расчёта является полуэмпирическим.

Для условий ОАО «Ново-Широкинский рудник» определены: U_a^* =10 см; коэффициент перегрузки, значение которого лежит между 1,8 и 2,1, что подтверждается данными таблицы.

Результаты применены к прогнозу проектируемой выработки (выработка № 15 из таблицы), они показывают, что крепь будет разрушена.

Сравнение результатов расчета и натурных наблюдений для выработок ОАО «НовоШирокинский рудник»

№ п/п	Наименование выработок	Коэф. перегрузки	Pmin кПа	Pmax, кПа	Рн, кПа	Неупругая зона (расчёт)	Состояние крепи (реальное)	Состояние крепи (расчёт)	Примечание
Капитальные выработки									
1	Гор. 933, штольня	1,8	0	0	140	Не образуется	Не разрушена	Не разрушена	Конструкция крепи не экономична
		2,1							
2	1-й гор.850	1,8	0	0	114	Не образуется	Не разрушена	Не разрушена	Конструкция крепи не экономична
		2,1	9,6	23,63		Образуется			
3	2-й гор. 800	1,8	17,4	24,82	113	Образуется	Не разрушена	Не разрушена	Конструкция крепи не экономична
		2,1	20,8	24,82					
4	3-й гор. 750	1,8	65,1	80,71	110	Образуется	Не разрушена	Не разрушена	
		2,1	81,5	107,62					
5	1-й гор. 850, Руд. двор	1,8	0	0	252	Не образуется	Не разрушена	Не разрушена	Конструкция крепи не экономична
		2,1	13	25,50					
6	2-х путевой квершлаг	1,8	3,8	29,23	110	Образуется	Не разрушена	Не разрушена	Конструкция крепи не экономична
		2,1	18	29,23					
7	Околоствол. двор	1,8	15,2	34,20	252	Образуется	Не разрушена	Не разрушена	Конструкция крепи не экономична
		2,1	23,4	34,20					
8	Гор.800. Вент. квершлаг ВШТ	1,8	23,8	30,70	113	Образуется	Не разрушена	Не разрушена	Конструкция крепи не экономична
		2,1	26,3	30,70					
9	3-й гор. 750. Руд. двор	1,8	145,2	258,7	252	Образуется	Не разрушена	Может быть разрушение	Разрушение крепи маловероятно
		2,1	165,5	243,9				Не разрушена	
10	Квершлаг № 1, гор. 750	1,8	129,6	166,9	100	Образуется	Разрушена	Разрушена	
		2,1	138,6	159,7					
11	Трансп. квершлаг (вост.)	1,8	116,7	157,1	100	Образуется	Разрушена	Разрушена	
		2,1	126,1	145,9					
Подготовительные выработки									
12	1-й гор. 850. Штрек 5-го рудного тела	1,8	20,2	83,94	25,2	Образуется	Разрушена	Может быть разрушение	Крепь близка к разрушению
		2,1	26,1	80,5				Разрушена	
13	2-й гор. 800. штрек, кольцевой 7-го рудного тела	1,8	39,2	84,01	25,5	Образуется	Разрушена	Разрушена	
		2,1	41,6	81,2					
14	Камера ЦПП	1,8	55,6	96,2	252	Образуется	Не разрушена	Не разрушена	Крепь не экономична
		2,1	60,5	92,2					
Строящиеся выработки									
15	4-й гор. 670 (в проекте)	1,8	137,6	184,1	110	Образуется	В проекте	Будет разрушение	
		2,1	151,1	174,5					

Совпадение результатов расчёта с натурными наблюдениями означает, что программа может эффективно использоваться для прогноза горного давления в строящихся одиночных горизонтальных выработках рассматриваемого месторождения.

Метод, предложенный в статье, может применяться также для других месторождений при условии проведения соответствующих натурных наблюдений и экспериментов.

Таким образом, создана программа для ЭВМ [10] на языке высокого уровня в среде Delphi 7, что позволяет осуществить быстрый перебор множества вариантов расчёта горного давления с целью подбора указанных ранее коэффициентов.

Предложен полуэмпирический метод расчёта с учетом влияния буровзрывных работ на основе численного метода, разработанного авторами ранее.

Этот метод успешно апробирован на данных конкретного месторождения.

Литература

1. Немчин Н.П., Терентьев П.Ю. Расчет горного давления в одиночных горизонтальных выработках, проведенных буровзрывным способом // Кулагинские чтения: матер. XI Междунар. науч.-практ. конф. Чита: ЗабГУ, 2011. Ч. III. С. 55 -57.

2. Немчин Н.П., Костырский В.С. Горное давление в одиночных горизонтальных выработках–1а.: программа для ЭВМ, свидетельство о государственной регистрации № 2011611751. Правообладатель ФГБОУ ВПО ЗабГУ. Зарегистрирована 16 марта 2011 г. в реестре программ для ЭВМ Федеральной службы по интеллектуальной собственности.

3. Баклашов И.В. Геомеханика. Основы геомеханики. В 2 т. М.: МГТУ, 2004. Т. 1. 208 с.

4. Немчин Н.П., Жувак А.С. Геомеханическая характеристика капитальных и подготовительных выработок ОАО Ново-Широкинского рудника как основа для тестирования методов расчета давления на крепь // Аспирант: труды молодых ученых, аспирантов и студентов: приложение к журналу «Вестник Читинского государственного университета». 2011. № 2 (10). С. 106-114.

5. Афанасьев А.Д., Райковский П.Н., Сосновский Л.И. Временные методические указания по креплению и поддержанию капитальных, подготовительных и нарезных выработок на Ново-Широкинском руднике. Иркутск: ИрГТУ, 2008. 110 с.

6. Афанасьев А.Д., Райковский П.Н., Сосновский Л.И. Временные методические указания по управлению геомеханическими процессами и определению параметров конструктивных элементов системы разработки на Ново-Широкинском руднике. Иркутск: ИрГТУ, 2008. 64 с.

7. Шехурдин В.К., Несмотряев В.И., Федоренко П.И. Горное дело. М.: ОАО Недра, 1987. 430 с.

8. Шехурдин В.К. Задачник по горным работам, проведению и креплению горных выработок. М: ОАО Недра, 1985. 240 с.

9. Лисихин В.Г., Ермоленко Е.А., Соболев А.И. Технология проведения горизонтальных и наклонных горных выработок. Чита: ЧитГУ, 2005. 95 с.

10. Немчин Н.П., Терентьев П.Ю. Горное давление в одиночных горизонтальных выработках-3: программа для ЭВМ, свидетельство о государственной регистрации № 2012616033. Правообладатель ФГБОУ ВПО ЗабГУ. Зарегистрирована 2 июля 2012 г. в реестре программ для ЭВМ Федеральной службы по интеллектуальной собственности.

11. Немчин Н.П. Применение нелинейного программирования в технике и геомеханике: монография. Чита: ЧитГУ, 2009. 202 с.

Коротко об авторах — *Briefly about the authors*

Немчин Н.П., канд. техн. наук, доцент, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
nemchin_np@mail.ru

Научные интересы: применение численных методов в геомеханике

Терентьев П.Ю., аспирант, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
stalkertok@gmail.com

Научные интересы: горное давление в одиночных подземных выработках

N. Nemchin, Candidate of Technical Sciences, associate professor, Zabaikalsky State University

Scientific interests: aapplication of numerical methods in geomechanics

P. Terentyev, postgraduate student, Zabaikalsky State University

Scientific interests: rock pressure in isolated underground

УДК 66.047.75

Субботин Михаил Юрьевич
Mikhail Subbotin

ВЛИЯНИЕ ЗАВИСИМОСТИ УГЛА ЕСТЕСТВЕННОГО ОТКОСА СЫПУЧЕГО МАТЕРИАЛА ОТ ЕГО ВЛАЖНОСТИ НА КОНСТРУКЦИЮ СУШИЛЬНЫХ АППАРАТОВ

THE INFLUENCE OF DEPENDENCE OF CORNER OF NATURAL SLOPE OF LOOSE MATERIAL FROM HIS MOISTURE CONTENT ON THE DESIGN OF DRYING MACHINES

Дан анализ понятия угла естественного откоса, соотношения угла естественного откоса и угла внутреннего трения сыпучего материала. Представлены результаты исследования зависимости угла естественного откоса от его влагосодержания. Приведена формула, отражающая данную зависимость. Изложены перспективы использования формулы в вопросах интенсификации сушки сыпучих материалов, а именно – создание усовершенствованных насадок для барабанов промышленных сушилок. Описана принципиальная конструкция данных насадок и лабораторного аппарата, используемого при их проектировании

Ключевые слова: *угол естественного откоса, физико-механические свойства, концентрат, сыпучие материалы, влагосодержание, сушка*

The analysis of concept of a corner of a natural slope, ratio between a corner of a natural slope and corner of an internal friction of a loose material is displayed in article. Results of research of dependence of a corner of a natural slope from its moisture content are shown. The formula, which reflects this dependence, is given. Outlook of using this formula in matters intensify drying of bulk materials is given. Namely, creation of advanced attachments for trommel of industrial dryers. The basic design of these attachments, and the laboratory device used at their design is described

Key words: *corner of the natural slope, physicomechanical properties, concentrate, loose materials, moisture content, drying*

Термическая сушка является последним этапом обезвоживания товарного концентрата. Необходимость данной операции обусловлена тем, что товарная влажность рудных концентратов в большинстве случаев не достигается механическими методами обезвоживания. Термическая сушка – это один из самых энергоемких процессов во всей технологической цепочке переработки минерального сырья. Затраты на термическую сушку достигают 10 % от общих затрат на обогащение минерального сырья и выше при нарушении технологических параметров процесса. Но, не смотря на это, на большинстве действующих горно-перерабатывающих предприятий операции сушки не уделяется должного внимания [1].

Более глубокое изучение процесса сушки и снижение связанных с ним энергозатрат – весьма актуальная задача, которая требует создания высокоэффективных, экономичных режимов сушки и сушильных установок. Для разработки таких режимов и установок необходим комплексный анализ влажных материалов [2].

Интенсивность термической сушки рудных концентратов в значительной степени зависит от механических свойств

материала, в частности, от его сыпучести. Оценку сыпучести высушиваемого материала, как правило, начинают с измерения угла естественного откоса сыпучего материала.

Углом естественного откоса называют максимальный возможный угол между образующей линией неукреплённого склона свободно лежащего сыпучего материала и горизонтальной линией [3].

Говоря о методах определения угла естественного откоса, невозможно обойти понятие угла внутреннего трения сыпучего материала. Угол внутреннего трения сыпучего материала – это угол наклона прямолинейной части диаграммы, показывающей зависимость сопротивления сыпучего массива сдвигу от нагрузки на массив сыпучего материала (рис. 1). Этот параметр является показателем сил трения, возникающих в массиве при явлениях сдвига [4; С. 81].

Выделим на откосе с углом к горизонту φ_0 некоторый элемент, воздействующий весом P на склон (рис. 2). Разложим эту силу на две составляющие: перпендикулярную склону N и касательную склону Q:

$N = P \cos \varphi_0$;

$Q = P \sin \varphi_0$.

В работе Н.Н. Маслова [4] приводится формула, выражающая силу трения, возникающую под воздействием силы N по контактной плоскости выделенного элемента и склона (рис. 2)

$$T = N \operatorname{tg} \varphi_{вн.\,тр.} = P \cos \varphi_0 \operatorname{tg} \varphi_{вн.\,тр.} \quad (1)$$

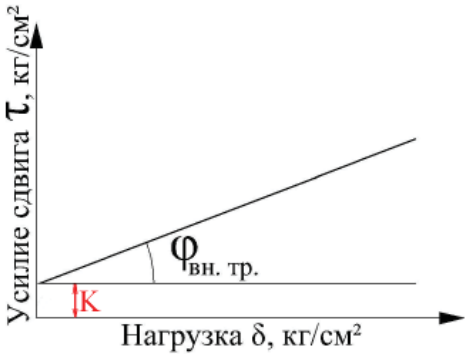


Рис. 1. Зависимость усилия сдвига от нагрузки, уплотняющей слой сыпучего материала

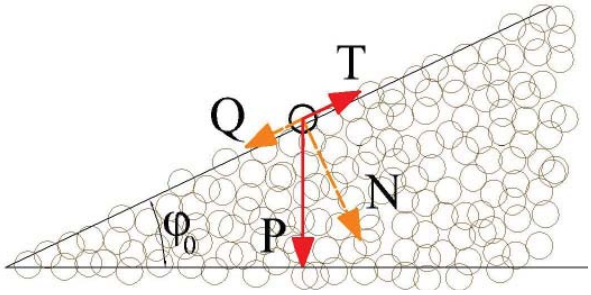


Рис. 2. Силы, действующие на элемент, выделенный на склоне и находящийся в состоянии предельного равновесия

Однако данная формула является верной лишь в случае идеальных порошков, то есть воздушно-сухих материалов с небольшим углом естественного откоса. Этот факт упоминается в работе [4], но не раскрывается с достаточной полнотой. Необходимо в формулу ввести коэффициент, отражающий связующие силы в сыпучем материале, обусловленные наличием влаги и значением коэффициента трения скольжения частиц

$$T = N \operatorname{tg} \varphi_{вн.\,тр.} + U = P \cos \varphi_0 \operatorname{tg} \varphi_{вн.\,тр.} + U. \quad (2)$$

По мере увеличения угла наклона φ_0 элемент придёт в состояние предельного равновесия, когда $T = Q$, т.е.

$$P \cos \varphi_0 \operatorname{tg} \varphi_{вн.\,тр.} + U = P \sin \varphi_0.$$

Отсюда

$$\operatorname{tg} \varphi_{вн.\,тр.} + U / P \cos \varphi_0 = \operatorname{tg} \varphi_0. \quad (3)$$

Рассмотрим, что представляет из себя величина, обозначенная U. Очевидно, что в воздушно-сухом состоянии сыпучей пробы это сила трения покоя, возникающая под действием веса частицы, покоящейся на откосе. Сила трения [5] определяется по формуле

$$F_{тр} = k * F, \quad (4)$$

где $F_{тр}$ – сила трения покоя частицы данного сыпучего материала на горизонтальном слое частиц того же сыпучего материала, кг/см²;

k – коэффициент трения, определя-

ется по справочным данным или опытным путём;

F – нормальная сила реакции опоры, Н.

В нашем случае F = N, а значит

$$tg\ \varphi_{вн.\ тр.} + k*N/\ P\cos\varphi_0 = tg\ \varphi_0, \qquad (5)$$

или

$$tg\ \varphi_{вн.\ тр.} + k*\ P\cos\varphi_0/\ P\cos\varphi_0 = tg\ \varphi_0,$$

$$tg\ \varphi_{вн.\ тр.} + k = tg\ \varphi_0,$$

$$\varphi_{вн.\ тр.} + arctg\ k = \varphi_0. \qquad (6)$$

Таким образом, угол откоса для свободно отсыпанного сыпучего грунта во влажном состоянии (угол естественного откоса), как правило, незначительно превышает угол внутреннего трения. Причём с повышением влажности возрастает и угол естественного откоса.

С целью проверки существования данной зависимости, её точного определения проведена серия экспериментов на технической базе кафедры «Обогащение полезных ископаемых и вторичного сырья» Забайкальского государственного университета.

Рассмотрим вопрос об экспериментальном определении угла естественного откоса. Различают статический и динамический углы естественного откоса сыпучих материалов. Под статическим понимается угол естественного откоса, образованный при разрушении слоя частиц после удаления подпорной стенки. Под динамическим же понимается угол естественного откоса, образованный при падении частиц на плоскость, например, при отсыпке дамбы, рудного склада.

В естественных условиях угол определяется прямым замером (например, угломером); в лабораторных условиях для этой цели применяется весьма широкий спектр методик и приборов, самым распространённым из которых является прибор, описанный в ГОСТ 28254 – 89 С. 2 [6].

Для определения статического угла естественного откоса тонкодисперсных сыпучих материалов, например, зол, Семибратовским филиалом НИИОГаз разработан руководящий документ РТМ 26-14-10-78 «Пыль промышленная. Лабораторные методы исследования физико-химических свойств», регламентирующий методы определения как статического угла естественного откоса, так и динамического [7].

Автором другого прибора, получившего широкое распространение, является В.Г. Науменко. С помощью этого прибора возможен замер статического угла сыпучего материала как в воздушно-сухом состоянии, так и под водой. Замер проводится с помощью диска с нанесёнными на него концентрическими кругами, на который установлен вертикальный тарировочный стержень. Угол $ф_0$ измеряется по откосу, остающемуся после удаления избыточных масс грунта с диска. В данном случае мы имеем дело с измерением статического угла естественного откоса.

После проведения библиографического и патентного поиска и выявления набора самых распространённых методик и приборов для определения угла естественного откоса нами изготовлено пять приборов для измерения статического и динамического углов естественного откоса (рис. 3). Приборы № 1 и 2 служат для измерения динамического угла естественного откоса, а приборы № 3...5 – для измерения статического угла естественого откоса. Все приборы изготовлены по образцам существующих приборов, указанных в стандартных методиках и ГОСТах. Прибор «УВТ-3М» (№ 3) изготовлен с существенными усовершенствованиями, позволяющими вести испытания двух проб одновременно, при этом избегая их смешивание.

На данных аппаратах проведена серия тестов сухого материала с целью определения приборов, дающих минимальный «разброс» показаний. На всех изготовленных аппаратах проведено по пять измерений угла естественного откоса, и на основании полученых данных построена диаграмма, демонстрирующая разницу между показаниями приборов, а также между показаниями одного прибора (рис. 4). На данной диаграмме каждому прибору соответствует четырёхугольник,

верхняя граница которого представляет максимальное из пяти показаний прибора, а нижняя – минимальное.

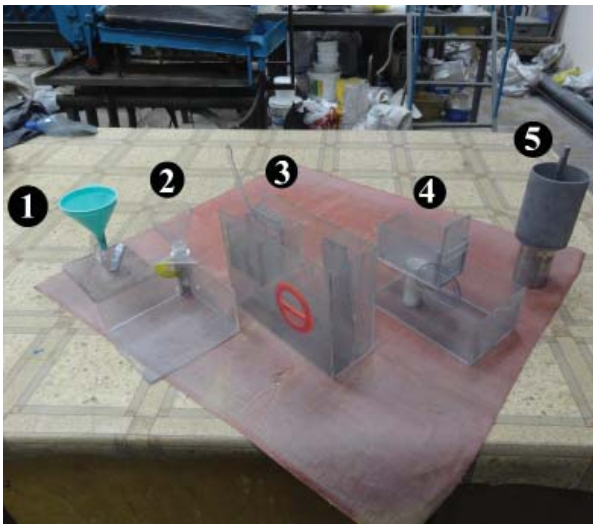


Рис. 3. Изготовленные приборы для определения угла естественного откоса сыпучих материалов

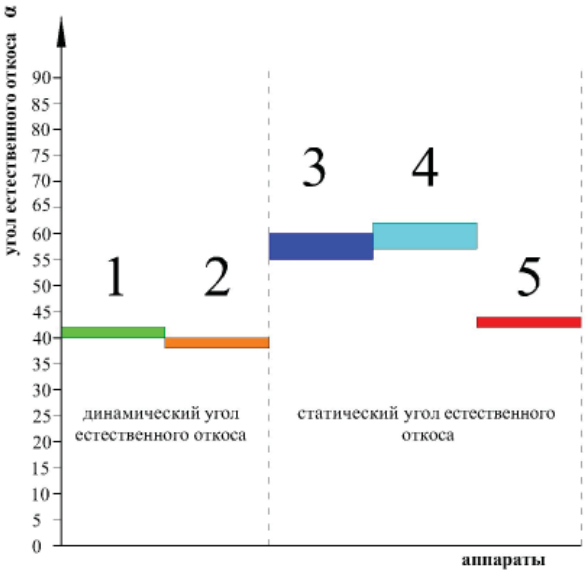


Рис. 4. Результаты измерений угла естественного откоса, полученные на изготовленных приборах

По даннной диаграмме видно, что точность измерений аппаратов № 1 и 2 практически идентична. При этом в процессе измерений на аппарате № 2 образующая линия склона имеет выгнутый вид, и для получения угла естественного откоса её необходимо аппроксимировать. Результаты измерений на аппарате № 5 явно занижены по причине того, что верхняя часть образуемого пробой конуса при проведении испытаний разрушается (рис. 5). Если линию склона продлить, восстановив его образующую, представляется возможным получить верные данные. Однако такая методика вносит значительную долю неточности и субьективных ошибок [8]. По этим причинам в процессе далнейших исследований от испытаний приборов № 2 и № 5 решено отказаться.

Сущность дальнейших исследований состояла в выявлении зависимости между углом естественного откоса и влажностью испытуемой пробы.

На концентратах, полученных на рудах Ново-Широкинского и Гарсонуйского месторождений, проведены определения

Рис. 5. Проведение испытаний на приборе № 5

углов естественного откоса при влажности 0; 2,5; 5; 7,5; 10 %, при влажности 12,5% сыпучий материал приобретает пластические свойства и понятие угла естественного откоса теряет смысл.

Результаты испытаний свинцового концентрата, полученного на рудах Ново-Широкинского месторождения, представлены на рис. 6. На диаграмме отчётливо видно, что зависимости угла естественного откоса от влажности сыпучего материала имеют линейный вид. Коэффициент корреляции при математической обработке массива экспериментальных данных составил R = 0,99. На основании полученных результатов можно сделать вывод, что зависимость статического угла естественного откоса свинцового концентрата подчиняется линейной функции

$$\alpha = \varphi_0 + w*B, \qquad (7)$$

где α – угол естественного откоса влажного сыпучего материала, град.;

ω – влажность испытуемого сыпучего материала, %. При математической обработке данных на рис. 6 представлена переменной X;

φ_0 – угол естественного откоса сухого сыпучего материала, град.;

B – коэффициент, отражающий зависимость угла естественного откоса сыпучего материала от его влажности и устанавливаемый опытным путём для каждого сыпучего материала. При математической обработке данных на рис. 6 представлен множителем переменной X.

Результаты испытаний флюоритового концентрата, полученного на рудах Гарсонуйского месторождения, представлены на рис. 7. Коэффициент корреляции при математической обработке массива экспериментальных данных составил R = 0,97...0,98. Очевидно, что зависимость статического угла естественного откоса данного концентрата подчиняется аналогичной функции.

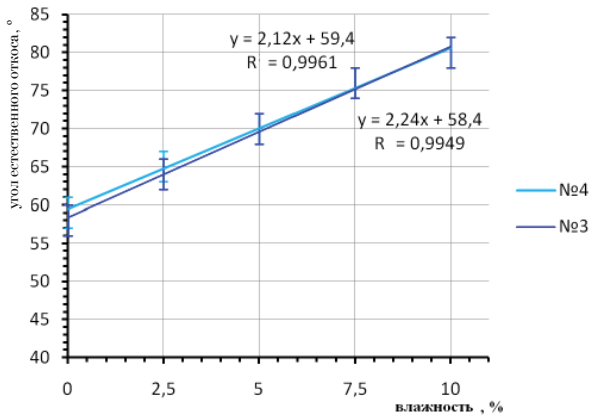


Рис. 6. Зависимость угла естественного откоса от влажности свинцового концетрата

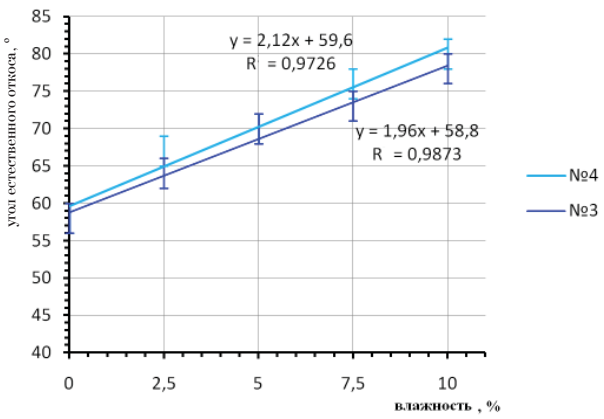


Рис. 7. Зависимость угла естественного откоса от влажности флюоритового концетрата

Также видно, что φ_0 обоих концентратов около 59 град., а B не зависит от минерального состава сыпучего материала и составляет

$$B = \frac{2{,}12 + 2{,}24 + 2{,}12 + 1{,}96}{4} = 2{,}11.$$

На основании изложенного можно утверждать, что величина угла естественного откоса влажного сыпучего материала определяется следующим образом:

$$\varphi_{влаж} = \varphi_{вн.\ тр.} + \mathrm{arctg}\, k + B * \omega, \qquad (8)$$

где $\varphi_{влаж}$ – угол естественного откоса влажного сыпучего материала, град.

k – коэффициент трения, определяется по справочным данным или опытным путём;

B – коэффициент, отражающий зависимость угла естественного откоса сыпучего материала от его влажности и устанавливаемый опытным путём для каждого сыпучего материала;

ω – влажность испытуемого сыпучего материала, %.

Данное выражение позволяет вычислять точное значение угла естественного откоса сыпучего материала в заданных условиях влажности.

Уравнение (8) применимо, например, в геотехнологиях, для вычисления угла откоса, предельной высоты отвалов [10] при известных значениях влажности сыпучего материала и окружающего атмосферного воздуха.

Основной же областью применения полученного выражения является проектирование внутренних насадок промышленных барабанных сушилок с учётом угла откоса высушиваемого материала и его изменением на протяжении сушки с целью максимально полного использования внутреннего объёма барабана.

На рис. 8 показано строение стандартной насадки промышленной барабанной сушилки. Как видно, завеса падающего материала не закрывает всю площадь сечения барабана. Поток сушильного агента в таких условиях проходит по пути наименьшего сопротивления, то есть в свободное от высушиваемого материала пространство. Следствием этого являются низкая эффективность теплопередачи, повышенная скорость теплового агента, унос пыли. В некоторых случаях перечисленные проблемы пытаются компенсировать повышением температуры теплового агента, что ведёт к перерасходу тепла, более интенсивному износу сушилки и выходу из строя уплотнений барабана.

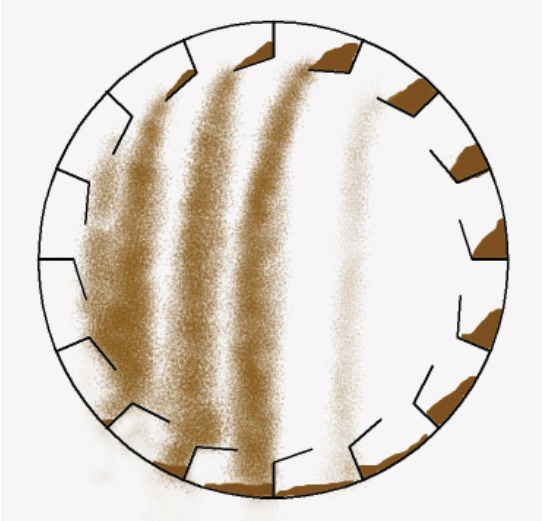


Рис. 8. Строение стандартной насадки промышленной барабанной сушилки

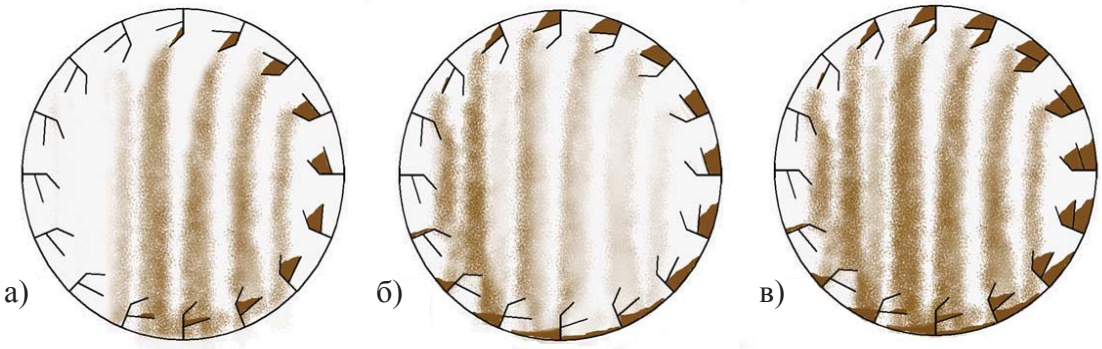


Рис. 9. Строение предлагаемой насадки промышленной барабанной сушилки

Строение предлагаемой насадки показано на рис. 9. Данная насадка имеет набор из двух типов лопаток, каждая из которых установлена под углом, определённым на основании выражения (8). Лопатки, расположенные ближе к центру сечения барабана, обеспечивают завесу материала в правой части сечения барабана (рис. 9, а). Лопатки, расположенные ближе к периферии сечения барабана, обеспечивают завесу материала в левой части сечения барабана (рис. 9, б). Такое расположение лопаток насадки барабана обеспечивает полное покрытие сечения барабана завесой высушиваемого материала (рис. 9, в) [2]. Для обеспечения оптимального течения процесса сушки на всей длине барабана необходимо выяснить как меняется влажность материала на протяжении сушки, то есть изучить кинетику сушки [9].

Для этой цели спроектирован лабораторный аппарат, имеющий соотношение и последовательность контактного и конвективного способов сушки, близкие к тем же параметрам промышленной барабанной сушилки. Данный аппарат позволяет отслеживать изменение влажности материала после известного числа циклов сушки в барабанной сушилке. В настоящее время подана заявка на предполагаемое изобретение.

Применение описанной конструкции насадки барабанной сушилки позволит снизить температуру сушильного агента за счёт более эффективного теплообмена между агентом и высушиваемым материалом, снизить температуру отходящих газов, износ уплотнений барабана, а также унос материала за счёт снижения скорости сушильного агента (топочных газов).

Таким образом, установление точной зависимости угла естественного откоса высушиваемого материала от его влажности позволяет снизить унос частиц с отходящими газами, расход тепла и время сушки в барабанных сушильных аппаратах за счёт усовершенствования их конструкции.

Литература

1. Жукова Т.А., Алтухов А.В. Пути интенсификации барабанных сушильных аппаратов // Вестник ТГТУ. 2008. № 3.

2. Храмов А.Н. Интенсификация процесса сушки флотационных флюоритовых концентратов за счет реконструкции насадки барабанной сушилки // ГИАБ. 2009. С. 290-294.

3. Большая Энциклопедия Нефти Газа / дизайн и разраб. Р. Мавлютов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ngpedia.ru/id533983p1.html . – Загл. с. экрана.

4. Маслов Н.Н. Основы инженерной геологии и механики грунтов. – М.: Высш. школа, 1982. 511 с

5. Сила трения скольжения / дизайн и разраб. Creative Commons Attribution-ShareAlike. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Сила_трения_скольжения. – Загл. с. экрана.

6. ГОСТ 28254 – 89 С. 2.

7. Руководящий документ РТМ 26-14-10-78 «Пыль промышленная. Лабораторные методы исследования физико-химических свойств».

8. Шершукова А.И., Чулков Е.Ю., Мороз А.В., Селезнев А.А. // Автоматизированное определение углов обрушения зернистых материалов // Sworld: матер. междунар. науч.-практ. конф. Тамбов, 2007. С. 91-92.

9. Субботин М.Ю. Библиографическое исследование процесса сушки продуктов обогащения процесса сушки продуктов обогащения полезных ископаемых // Кулагинские чтения: материалы XI междунар. науч.-практ. конф., ч. 3. Чита: ЗабГУ, 2011. С. 84-86.

10. Шпаков П.С., Долгоносов В.Н., Ожигин С.Г., Шпакова М.В. Исследование зависимостей предельной высоты откоса на слабом наклонном основании от сцепления пород массива и геометрических параметров слабого слоя для условий качарского месторождения // ГИАБ. 2010. № 3. С. 155-165.

11. Янюк Ю.В. Математическое моделирование и оптимизация процессов сушки сыпучих материалов в сушильной установке барабанного типа: автореф. дис. канд. техн. наук. Петрозаводск, 2004. 21 с.

Коротко об авторе — *Briefly about the author*

Субботин М.Ю., аспирант, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
barlog88@mail.ru

M. Subbotin, postgraduate student, Zabaikalsky State University

Научные интересы: горные науки, обогащение полезных ископаемых, вспомогательные процессы, криогенез, обезвоживание, сушка, тепломассоперенос

Scientific interests: mining, mineral processing, auxiliary processes, криогенез, dewatering, drying, heat and mass transfer

Политические науки

УДК 351/354

Грудинина Светлана Юрьевна
Svetlana Grudinina

РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОМИССИИ ПО ВОПРОСАМ КОНТРОЛЯ В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

EFFECTIVE FUNCTIONING OF THE COMMISSION ON THE ISSUES OF CONTROL IN MANAGEMENT ACTIVITIES OF THE BODIES OF STATE POWER OF ZABAIKALSKY KRAI

Рассматривается одно из средств улучшения управленческой деятельности органов государственной власти, а именно: обеспечения исполнительской дисциплины государственных и муниципальных служащих в части выполнения ими документов, определенных Губернатором контрольными (на примере Забайкальского края). Этим средством представлена Комиссия по вопросам контроля при заместителе председателя Правительства Забайкальского края. Установлено, что организация ее работы позволяет совместить властные полномочия контрольной функции и демократизацию, обеспечить неформальное влияние на результат исполнения контрольных документов, а также их полное и безусловное выполнение

The article deals with one of the means of improving the management activity of the bodies of state authorities, namely the ensuring of the executive discipline of public and municipal servants in their implementation of the documents defined by the Governor as the control ones (on the example of Zabaikalsky Krai). This mean is the Commission on the issues of control headed by the Deputy Chairman of the Zabaikalsky Krai Government. The organization of its work allows combining the power authorization of control function and democratization, to provide non-formal influence of the result of the execution of control documents, to ensure their full and unconditional implementation

Ключевые слова: *губернаторский контроль, управленческое решение, комиссия, контрольные документы, орган власти*

Key words: *Governor's control, administrative decision, Commission control documents, authority*

Вне зависимости от исторических условий контроль является важнейшей функцией государственного управления, ибо только посредством применения контроля можно обеспечить достижение цели и результатов в управленческой деятельности. Актуальность поставленной проблемы связана со спецификой административного контроля в системе государственного управления [1]. Контроль как процесс, как способ взаимного согласования действий применительно к разным видам управленческой деятельности составляет предмет данной статьи.

Слово «контроль» возникло от французского «controll», что в переводе означает вторичная запись с целью проверки первой. По свидетельству В.Е. Чиркина: «Выявляя

отклонения и их причины, работники контроля определяют пути корректирования организации объекта управления, способов воздействия на объект с целью преодоления отклонений, устранения препятствий на пути оптимального функционирования системы» [10]. В системе государственного управления контроль является одним из ключевых элементов. В статье мы рассматриваем лишь одну его составляющую – контроль за исполнением документов, определенных в качестве «контрольных» в нашем случае Губернатором Забайкальского края. [4,5]. Примерами таковых являются поручения Губернатора края, касающиеся его полномочий, по исполнению документов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, различного вида писем и т.д. [3]. Контроль большого потока документов ежегодно выявлял такую их часть, которая отличалась многократными переносами отчетных дат, растянутыми сроками исполнения (до нескольких лет!), отсутствием запланированного результата. Задача повышения исполнительской дисциплины, качества исполнения контрольных документов, поставленная Президентом Российской Федерации в Указе «О мерах по совершенствованию организации исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации» [2], потребовала поиска резервов совершенствования контрольной деятельности главного контрольного управления Губернатора Забайкальского края. Нами проанализированы контрольные документы и выявлено, что контроль успешен тогда, когда он адекватен требованиям, уровню организации и характеру деятельности контрольного объекта. При работе над содержанием ответов исполнителей на контрольные документы использовался традиционный порядок контроля: 1) подготовка к контрольному мероприятию; 2) определение фактического состояния дел; 3) сравнение фактических данных с требованиями; 4) оценка выявленных отклонений; 5) выявление причин отклонений; 6) принятие адекватных мер по устранению и предупреждению отклонений в будущем; 7) контроль за принятыми решениями по результатам контрольного мероприятия (контроль за результатами контроля!) [6].

На четвертом, пятом этапах работы порядок диктовал необходимость не только статистической оценки исполнения, но и измерения его качества, компетентной (экспертной) оценки степени объективности причин невыполнения (некачественного либо несвоевременного выполнения) поручения. Полученные выводы как в отношении организационно-управленческой стороны исполнения поручения, так и степени его результативности следовало сделать активным мотивом достижения поставленной в документе цели. Также необходимо было найти способ принятия таких мер, которые бы обеспечили безусловное и полное исполнение поручения. Принятые решения следовало вывести из общего потока документов с целью индивидуализации контроля за безотлагательностью их исполнения. Выполнение этих процедур является необходимым условием эффективного контроля [8].

Ответом на эти вопросы стали организация аналитического направления работы в главном контрольном управлении Губернатора Забайкальского края и создание Комиссии по вопросам контроля. В системе государственного управления распространена комиссионная форма организации работы. Комиссия понимается как орган, создаваемый для выполнения какой- либо определенной функции или проведения специальных мероприятий. Перед нами стояла задача не заформализовать работу и в то же время не сделать ее декларативной (основные недостатки работы большинства комиссий). В основу работы комиссии были положены два несовместимых понятия: *властность* и *демократичность*.

Контроль как управленческая функция есть властная деятельность. Властность контроля проявляется в наличии у контрольных органов ряда полномочий, связанных с возможностью:

а) давать подконтрольным объектам обязательные для исполнения указания об устранении выявленных нарушений и о недопущении их в будущем;

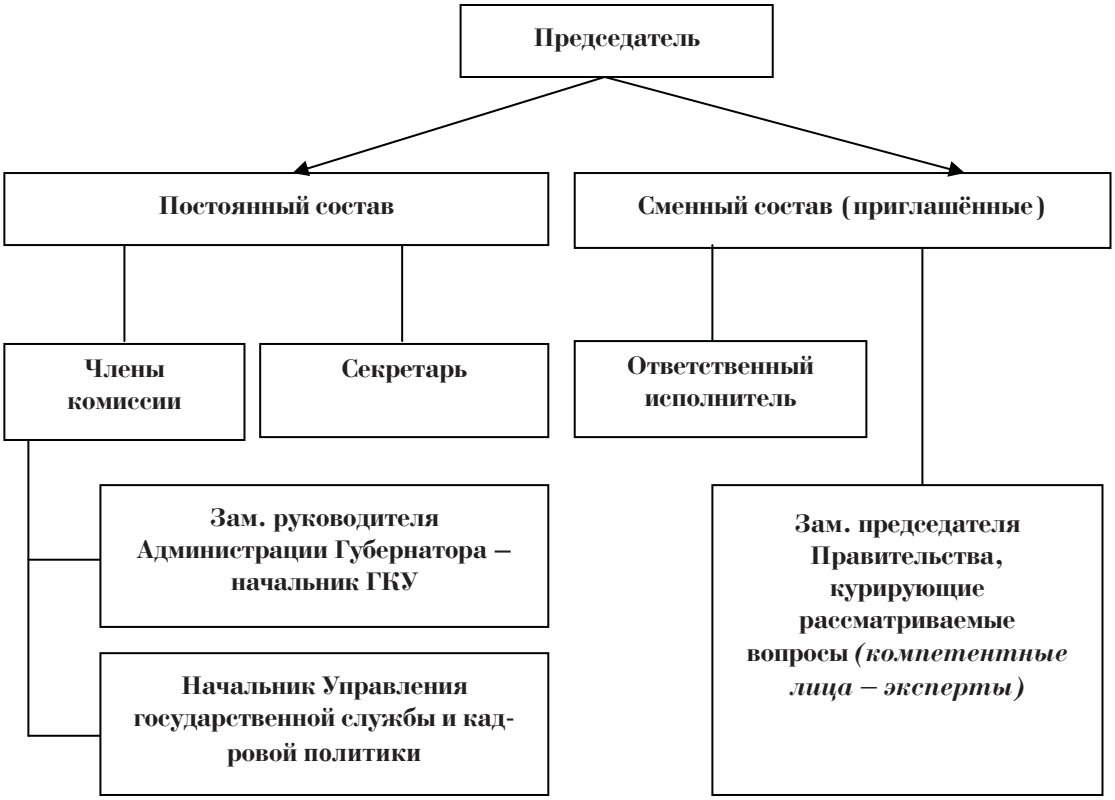
б) ставить перед компетентными инстанциями вопрос о привлечении к ответственности лиц, виновных в обнаруженных нарушениях;

в) непосредственно применять в установленных случаях меры государственного принуждения.

Властность контроля направлена на обеспечение эффективности реализации контрольной функции [9]. Именно этот факт положен в основу организации работы комиссии по вопросам контроля при заместителе Председателя Правительства Забайкальского края – руководителе Администрации Губернатора Забайкальского края.[7]

В то же время следовало повысить объективность рассмотрения содержательной стороны исполнения, придать ему гласность, сделать комиссию институтом демократизации. Демократизация здесь – это не только воля субъекта контроля принять решение по формальным признакам неисполнения документа, предложить принять меры административного воздействия на исполнителя, но и защита его прав на объективное рассмотрение вопроса с участием ответственного исполнителя и компетентных в содержательной части лиц (экспертов), также выступающих в роли «субъектов» как и контролирующая сторона. «Объектом» контроля в данном случае является заявленный в повестке заседания Комиссии вопрос – предмет обсуждения (эффективность организации, качество исполнения того или иного поручения). Здесь мы рассматриваем контроль не как инструмент директивного воздействия на исполнителя, а как способ взаимного согласования действий, как метод совершенствования управления на всех уровнях, а выявление позитивных и негативных фактов – как мотивацию к самоконтролю.

В соответствии со сказанным найдена структура комиссии по вопросам контроля при заместителе Председателя Правительства Забайкальского края – руководителе Администрации Губернатора Забайкальского края, приведенная на рисунке:



За три года работы комиссии сложилась определенная система ее подготовки, проведения и доведения до результата принятых на заседаниях решений. Приводим ее как алгоритм подготовки и работы комиссии:

1) выявление отклонений от контрольно-целевого результата на основании планового анализа исполнения поручений (далее контрольных документов) по запросу начальника отдела;

2) анализ характера отклонений от контрольно-целевого результата; определение потребности в дополнительных резервах контроля (экспертная оценка качества исполнения, самооценка деятельности исполнителем);

3) подготовка заключения о рассмотрении результативности, качества выполнения поручений на Комиссии по вопросам контроля;

4) ознакомление с заключением Главного контрольного управления членов Комиссии по вопросам контроля, ответственного исполнителя, компетентных в поставленном вопросе лиц посредством уведомления о дате, времени и повестке заседания комиссии;

5) рассмотрение вопроса на комиссии; определение решений, рекомендаций в отношении качества исполнения поручения, его исполнителей: административно-управленческих (провести служебное расследование, применить административное взыскание, др.) и целевых (получить результат);

6) ознакомление исполнителя с решением через выписку из протокола соответствующего заседания комиссии;

7) контроль выполнения решений, рекомендаций комиссии (контроль за результатами контроля).

Таким образом, осуществляемый контроль обрел логическую завершенность и качественный смысл – влиять на результат исполнения поручений. Заседания комиссии проводятся по мере необходимости. Наиболее интенсивной работа комиссии была в 2008-2009 гг. (первое время после ее создания), что подтвердило насущную необходимость инициативы управления по введению такого института контроля. Целый ряд контрольных документов, исполнение которых требовало межведомственной координации, новых управленческих решений, нацеленных на результат, комплексность, а не линейность деятельности, имеющих признаки формального подхода, бюрократической волокиты, подвергнут анализу и коллегиальному рассмотрению с участием компетентных лиц. Контроль принятых решений позволил получить запланированные результаты, принять меры к исполнителям, допустившим выявленные нарушения. По результатам анализа неисполнения в срок контрольных документов на заседания комиссии выносятся вопросы, в том числе о невыполнении контрольных документов; необъективности причин переноса сроков исполнения; нарушении исполнительской дисциплины; ненадлежащем выполнении контрольных документов, приведшем к возобновлению контроля. С целью принятия объективных решений к участию в работе комиссии привлекаются специалисты, компетентные в содержательной части указанных документов: заместители председателя Правительства Забайкальского края, в чьей компетенции находятся вопросы, вынесенные на рассмотрение комиссии; начальник или заместитель начальника государственно-правового управления Губернатора Забайкальского края. В соответствии с решениями комиссии, к исполнителям, допустившим нарушения, применяются административные взыскания в виде выговора, замечаний, указаний на факт допущенной волокиты, на необходимость нормативно-правового обоснования изменения срока исполнения документа.

Результатом работы стал рост следующих показателей: предоставление исполнителями информации по выполнению заданий в установленный срок; предоставление исполнителями информации по выполнению заданий в первоначально установленный срок; исполнение заданий, указанных в контролируемых документах.

Таким образом, работа Комиссии по вопросам контроля при заместителе Пред-

седателя Правительства Забайкальского края – руководителе Администрации Губернатора Забайкальского края стала средством обеспечения исполнительской дисциплины государственных и муниципальных служащих Забайкальского края, совершенствования системы государственного управления, улучшения результативности ее работы. Действенный контроль – необходимое условие сильной власти, важнейший механизм повышения эффективности государственного управления во всех звеньях и на всех уровнях.

Литература

1. Об утверждении Положения о Контрольном управлении Президента Российской Федерации: Указ Президента РФ от 8 июня 2004 № 729 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 24. Ст.2395.

2. О мерах по совершенствованию организации исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28 марта 2011 № 352 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 14. Ст. 1880.

3 Устав Забайкальского края: Закон Забайкальского края от 17 февраля.2009 № 125-ЗЗК //Забайкальский рабочий. 2009. № 30.

4. Об утверждении Положения о Главном контрольном управлении Губернатора Забайкальского края: Приказ Администрации Губернатора Забайкальского края от сентября 2008 № 182 // Система электронного документооборота Забайкальского края. Распоряжение Правительства Забайкальского края от 28 декабря 2010 №717.

5. О внесении изменений в Положение о Главном контрольном управлении Губернатора Забайкальского края: Приказ Администрации Губернатора Забайкальского края от 10 декабря 2008 № 344 // Система электронного документооборота Забайкальского края. Распоряжение Правительства Забайкальского края от 28 декабря 2010 № 717.

6. Об утверждении Порядка организации контроля за исполнением документов: Распоряжение Губернатора Забайкальского края от 17 октября 2011 № 507-р // Система электронного документооборота Забайкальского края. Распоряжение Правительства Забайкальского края от 28 декабря .2010 №717.

7. О создании Комиссии по вопросам контроля: Приказ Администрации Губернатора Забайкальского края от 20 октября 2008 № 209 // Система электронного документооборота Забайкальского края. Распоряжение Правительства Забайкальского края от 28 декабря 2010 № 717.

8. Кочерин Е.А. Основы государственного и управленческого контроля. М.: Филинъ, 2000. С. 40.

9. Тарасов А.М. Государственный контроль в России: монография. М.: Континент, 2008. С. 21-23.

10.Чиркин В.Е. Государственное управление. М.: Юристъ, 2001. С. 13.

Коротко об авторе — *Briefly about the author*

Грудинина С.Ю., первый заместитель начальника главного контрольного управления Губернатора Забайкальского края, Администрация Губернатора Забайкальского края
kontrol@adm.e-zab.ru

S. Grudinina, the first deputy of the head of the main control management department of the Governor of Zabaikalsky Krai, the Governor's Administration of Zabaikalsky Krai

Научные интересы: федеральная, региональная политика; политическое управление, контрольная деятельность

Scientific interests: federal and regional politics, political management, activity control

УДК 323

Новикова Анна Владимировна
Anna Novikova

ПОЛИТИКА РАЗВИТИЯ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ НА 2010-2020 гг.: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

POLICY DEVELOPMENT ZABAIKALYE REGION IN 2010-2020: POLITICAL INSTITUTIONALIZATION IN THE SOCIAL MANAGEMENT SYSTEM

Рассматривается понятие «социальное управление», определена его структура, выделена основная часть этой структуры, в которой наиболее часто могут возникать девиации. Этой частью является исполнительная власть, которая должна быть ориентирована на эффективную инвестиционную политику. Политика рассмотрена как система управления, выделены ключевые (социально-экономические) параметры развития Забайкальского края и Сибири. Дана оценка перспектив улучшения инвестиционной политики в субъектах России по материалам заседания Государственного Совета в декабре 2012 г.

Ключевые слова: *политика, социальное управление, политические институты, политическая институализация, инвестиционная политика, политика развития, Забайкальский край*

The article considers the notion of social management, its structure and singles out the main part of this structure in which deviations can occur more frequently. This part is the executive branch which should focus on the effective investment policy. The policy is viewed by the author as a system of management, she also points out key social and economic factors of the development of Siberia and Zabaikalie Region. The author estimates the perspectives of investment policy improvement in the subjects of the Russian Federation as it was discussed at the meeting of Council of State in December 2012

Key words: *politics, social administration, political institutions, political institutionalization, investment policy, development policy, Zabaikalie Region*

Для России, как и для других стран, осуществляющих системный переход, характерно сочетание «старых» и «новых» политических институтов. Поскольку страна находится в состоянии продолжительного системного кризиса, институты, «отвечающие» за переход, и соответствующие региональные практики начинают доминировать в системе социального управления.

Объектом социального управления выступает политическая система общества, включающая государство, политические и общественные организации, объединения граждан. Политическая институализация предполагает учёт динамических характеристик системы или процессов. Под процессом, мешающим изменению организации системы, можно понимать усложнение структуры системы управления, то есть добавление органов управления, ввод лишних должностей и т.д. В общем смысле под таким процессом понимается процесс бюрократизации. Нарушение перевода системы в новое состояние может быть вызвано недобросовестным выполнением функций или использованием своего служебного положения в корыстных целях. Бюрократизация – это процесс роста численности

служащих и уровней иерархии в системе социального управления, связанной с узкой специализацией функций служащих, усложнением формальной регламентации деятельности. Но при этом невозможно без бюрократии становление системы управления. Бюрократизация систем управления является необходимым процессом для их функционирования, но излишняя бюрократизация является негативным процессом, который препятствует развитию системы.

Наши исследования показали, что «процесс российской институализации региона не завершен и связан с территориальным, социально-экономическим и политическим развитием России... Институциональная эффективность политических институтов является низкой (недостаточной) в области экономики, принятия политических решений, безопасности» [1]. Особенно недостаточность институциональной эффективности в регионах проявляется в инвестиционной политике. Статистические показатели и опросы предпринимателей демонстрируют, что инвестиционный климат в регионах России в целом неблагоприятен, однако существенно отличается от региона к региону. Эта неравномерность показывает, что не только федеральные законодатели и правоприменители, но и руководители регионов несут ответственность за инвестиционный климат, и что опыт регионов-лидеров мог бы помочь развитию менее успешных регионов [2].

Однако благодаря чему именно успешные регионы становятся успешными, по большей части не очевидно. То, что делают наиболее успешные регионы, как правило, достигают и менее успешные. Анализ Агентства стратегических инициатив показал, что успех от неуспеха отделяет не то, что делает регион, а как он это делает, т.е. ноу-хау [2]. Подготовленный Агентством стратегических инициатив в партнерстве с общероссийской общественной организацией «Деловая Россия» «Стандарт деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе» (далее – Стандарт) является попыткой описать это ноу-хау, опираясь на реально действующие в российских регионах практики при учете мнения предпринимательского сообщества. В оценке Т.Е. Бейдиной: «необходимо описать технологию, стандарт получения этой услуги. Очевидно, что стандарт этот должен быть, с одной стороны, достаточно общим, чтобы давать возможности оптимизации затрат, с другой стороны, достаточно конкретным, чтобы мы были уверенны в том, что получили желаемое» [3]. Особенно значимое влияние на содержание Стандарта оказали меры, которые были приняты для обеспечения благоприятного инвестиционного климата руководством Республики Татарстан, Калужской и Липецкой областей, Пермского края, Свердловской и Ульяновской областей.

Президент Российской Федерации Владимир Путин 27.12.2012 г. провёл заседание Государственного совета «О повышении инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации и создании благоприятных условий для развития бизнеса», где было отмечено следующее. «Одна из ключевых задач региональной власти – создание хороших условий для работы предпринимателей. На федеральном уровне реализуется национальная предпринимательская инициатива. В сотрудничестве с бизнесом устраняются административные барьеры, совершенствуется законодательство и административные институты. Опыт Калужской области, других успешных регионов: Белгородская область, Липецкая, Томская – положен в основу стандарта создания регионального инвестиционного климата [Стандарт деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе]. Он прошёл обкатку в «пилотных» регионах. И уже с января 2013 г. Стандарт станет руководством к действию для всех субъектов Российской Федерации. ... все дополнительные доходы, как регионов, так и муниципалитетов, должны, прежде всего, идти на развитие, на создание инфраструктуры, на благоустройство

территорий, должны инвестироваться в человеческий потенциал, в здравоохранение и образование. Если регион привлекателен для жизни, если он притягивает лучшие кадры, талантливых, образованных людей, – сюда потянутся и инвесторы, в конце концов» [4]. Существуют четыре ключевые проблемы в области инвестиционного климата в России. Это сохраняющиеся административные барьеры, низкая эффективность региональных органов власти и местного самоуправления, ограниченный кадровый потенциал, нехватка финансовых ресурсов для создания инвестиционной инфраструктуры и развития бизнеса. Эти проблемы имеют место как в Забайкальском крае, так и в российской политике.

В различных словарях и справочниках политика (древнегреч. – politika) определяется и как искусство управления, и как государственные и общественные дела, и как учение о способах достижения государственных целей, и как общественные взаимодействия, взаимоотношения структурных частей общества. Достаточно определить политику как один из механизмов в системе управления, как ту его часть, с помощью которой осуществляются воздействия на тот или иной процесс. Очевидно, что чем более обоснована и продумана политика, тем эффективнее управление, тем в большей мере оно подобно искусству. В сложной системе управления политика – её основная часть, придающая управлению целевую направленность и определяющая направления, средства и методы достижения поставленных целей. Все остальные элементы управления (анализ ситуации, прогнозирование, организационные структуры, кадровое обеспечение и др.) носят соподчиненный характер. Сами по себе они могут обслуживать любую политику, как, кстати, и её отсутствие.

В зависимости от природы управленческого объекта возможны два типа воздействия на него: непосредственное и опосредованное. В первом случае воздействие осуществляется на естественные процессы. Здесь определенное изменение условий, в которых функционирует объект воздействия, вызывает заранее известное изменение его параметров. Во втором – прямое управление объектом невозможно, так как воздействие осуществляется на человека, оно опосредовано его поведением. Именно поэтому результативной политика бывает лишь тогда, когда между средствами воздействия и объектом управления создается нужная реакция. Острота и направленность этой реакции зависит не только от существа вводимых мер, но и от социального опыта населения, его менталитета, той ситуации, в которой осуществляется политика. В этом состоит специфика управления социальными процессами. Именно поэтому политика – это не только усилия со стороны государства (принятие тех или иных мер), но и встречное, притом адекватное отношение к ним со стороны людей. К внутренним факторам политической институализации относятся социально-экономические и политические характеристики субъектов Российской Федерации. Рассмотрим их последовательно.

В Законе Забайкальского края «О стратегических направлениях развития Забайкальского края на период до 2025 г. и программе социально-экономического развития Забайкальского края на 2010-2014 годы» определены следующие стратегические ориентиры: [5]

– увеличение коэффициента естественного прироста населения (на 1000 человек) с 1,9 в 2010 г. до 2,8 в 2020 г. и до 3,2 в 2025 г.;

– стабилизация численности населения и некоторый его рост с 1114,6 тыс. человек в 2010 г. до 1119,2 тыс. чел. в 2020 г. и до 1125,4 тыс. человек в 2025 г.;

– увеличение ввода в действие жилых домов;

– сокращение удельного веса численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума;

– увеличение объема производства валового регионального продукта в 2,6 раза, производства промышленной продукции в 2,4 раза, сельскохозяйственной продукции не менее чем в 2 раза;

– увеличение доли инновационной продукции;

– увеличение относительной производительности труда в 1,9 раза.

В числе стратегических целей Забайкальского края фигурируют повышение качества жизни населения до среднероссийских показателей, экономический рост, основанный на развитии горнорудного и агропромышленного комплексов, строительной индустрии и инновационной системы края, транспортно-логистического и инфраструктурного развития.

Приоритетными отраслями социально-экономического развития Сибири в 2010-2020 гг. будут являться: [6]

– информационные телекоммуникационные технологии, нанопромышленность, биотехнологии;

– машиностроение;

– добывающая промышленность (добыча нефти, газа, угля, черных, цветных, благородных и редкоземельных металлов) и увеличение добычи полезных ископаемых;

– геолого-разведочные работы;

– перерабатывающая промышленность – глубокая переработка первичного сырья (нефте-, газо-, угле-, лесохимия), производство целлюлозы, бумаги, высокотехнологичных горюче-смазочных материалов, древесных плит, мебели и продукции металлургии;

– агропромышленный комплекс (включая продукты питания органического производства);

– энергетический комплекс (включая малую (муниципальную) энергетику и возобновляемые источники энергии);

– инфраструктура железнодорожного, автомобильного, воздушного, морского, речного и трубопроводного транспорта;

– промышленность строительных материалов;

– строительство комфортного социального жилья по доступным ценам (в городах), индивидуальных домов (в сельской местности);

– прикладная наука и научное сопровождение промышленности, транспорта, строительства и агропромышленного комплекса;

– высококачественные (включая экспортно ориентированные) услуги транспорта, финансового сектора, образования, туристско-рекреационной сферы, здравоохранения и культуры.

Подобные ориентиры характерны и для субъектов Сибири. Достижение стратегической цели и приоритетов социально-экономического развития Сибири предполагает решение множества задач [6].

Политическая институализация зависит от социальных параметров и успешного осуществления социальных процессов. Существует двоякое определение структуры социальных процессов и соответственно с ним – разное понимание взаимоотношения социальной и демографической политики. Эта двойственность сводится к представлению социального в широком и узком значениях слова. В широком смысле социальное – это все то, что, так или иначе, связано с жизнедеятельностью человека. В этом смысле экономическая деятельность, миграционные перемещения, образовательные процессы, финансовые потоки, занятость населения относятся к социальному в широком понимании этого слова. Но существует и узкое понимание социальных процессов. К ним относят лишь то, что связано с изменениями качественных характеристик самого населения, его занятости, а также уровня и качества жизни. Что касается политического фактора институализации, то он предполагает создание эффективной системы государственного и муниципального управления. По свидетельству ряда авторов: «Важнейшим условием ускорения социально-экономического и политического развития Забайкальского края является оптимизация структуры исполнительных органов государственной власти и реформирование системы государственного управления» [7]. Важно и соблюдение законов управления. Французский специалист по государственному управлению Р. Драго [8] к законам управления относил закон Паркинсона, сущность которого заключается в том, что «всякая административная

единица склонна жить для себя самой и увеличивать как объем своих задач, так и число работников, необходимых для их выполнения». Из этого общего закона следуют два частных: закон роста подчиненных и закон роста объема работ. Закон роста количества подчиненных заключается в том, что любая администрация, которая получила новое задание, считает, что его выполнение возможно только в том случае, если количество работников будет увеличено [9]. Закон роста объема работ состоит в том, что каждый чиновник считает своим долгом увеличить объем своей служебной деятельности [9].

Повышение эффективности деятельности органов власти субъектов Российской Федерации должно осуществляться по трём основным направлениям [4]. Первое – это изучение успешных и неудачных практик других регионов. В настоящее время, по сути, не существует системы обмена лучшими практиками. Второе – повышение уровня квалификации должностных лиц, ответственных за привлечение инвестиций. Должен быть организован федеральный центр компетенций с соответствующими образовательными программами. Обучение рядовых сотрудников исполнительной власти необходимо организовать на региональном уровне. Третье – анализ полномочий федеральных ведомств в регионах, то, как они реализуют свои полномочия и как это сказывается на условиях ведения предпринимательской деятельности. На основе этого анализа следует подготовить предложения по передаче некоторых полномочий в субъекты, а также по совершенствованию того, как эти полномочия реализуются. Так, в Тульской области в региональном правительстве работает 1111 человек, около 3,5 тыс. человек работают в органах местного самоуправления. При этом в территориальных управлениях федеральных органов власти – более 4,5 тыс. человек, и это не считая сотрудников полиции, прокуратуры, ФСБ.

Одновременно в настоящее время создаются методики расчёта ключевых показателей эффективности, определённых Указом Президента РФ № 1276 от 10 сентября 2012 г. Мотивация сотрудников инвестиционного блока в органах исполнительной власти субъектов должна быть завязана на достижении соответствующих элементов целевых показателей. Чтобы повысить мотивацию к инвестированию и привлечению инвестиций, необходимо в рамках бюджетного планирования рассмотреть возможность дополнительного стимулирования регионов, привлекающих инвестиции. На федеральном уровне финансовые стимулы для привлечения инвестиций отсутствуют. Некоторым руководителям регионов легче обратиться за дотацией в Министерство финансов, чем заниматься развитием инфраструктуры и привлечением инвестиций.

Возникла ситуация, при которой чем активнее регион в привлечении инвестиций, тем меньше он получает от федерального бюджета. В итоге получается, что от привлечения инвестиций региональный бюджет может даже пострадать. Должна быть предусмотрена дополнительная стимулирующая дотация тем субъектам, которые показали значительный рост налогового потенциала, конечно, при наличии возможностей в национальном бюджете. Часть бюджета России, направленная на стимулирование инвестиционной активности региона, составляет менее 1,5 % от общего объёма трансферта. Дотации должны предоставляться тем субъектам, которые наиболее успешно достигли целевых показателей по направлениям оценки эффективности, предусмотренных Указом Президента РФ № 1276.

Учитывая важность развития инвестиционной инфраструктуры, представляется необходимым принятие на федеральном уровне нормативного правового акта, задающего стандарты деятельности индустриальных парков, механизмы и инструменты государственной поддержки их создания и развития. Финансировать строительство инфраструктурных инвестиционных объектов, в том числе индустриальных парков, из средств федерального бюджета следует, ориентируясь на результат.

Как было отмечено на заседании Государственного совета России: «Нужно запустить соревнование за инвестора, чтобы каждый регион стремился создать у себя наилучшие условия для ведения бизнеса. Только так мы можем рассчитывать на успех страны в глобальной конкуренции за прямые инвестиции» [4].

Решением проблемы инвестирования может стать создание на федеральном уровне системы, которая была бы нацелена на привлечение иностранных инвестиций и продвижение инвестиционных возможностей делового имиджа России за рубежом. Такие системы созданы и успешно функционируют в Сингапуре, Бразилии и Южной Корее.

Таким образом, достижение политической институализации предполагает, что основные показатели социально-экономического развития Забайкалья к концу 2020 г. должны соответствовать среднероссийским значениям, развитие бизнеса должно создать новые рабочие места и улучшить социальное управление. Необходимо преодолеть отставание развития социального сектора и превратить Забайкальский край в территорию комфортного проживания и успешного ведения бизнеса.

Литература

1. Новикова А.В. Институализация субъекта РФ – Забайкальского края и эффективность политического управления // Вестник Бурятского Государственного университета. Вып. 6а. Философия, социология, политология, культурология. Улан-Удэ, 2012. С. 222-223.

2. Министерство экономического развития Российской Федерации http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/44570c804ac2f40799ed9baf3367c32c/standart.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=44570c804ac2f40799ed9baf3367c32c Дата обращения 06.01.2013

3. Бейдина Т.Е. Эффективность государственной региональной политики и способы ее повышения // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 6 Философия, социология, политология, культурология. Улан-Удэ: БГУ, 2012. С. 169.

4. Президент России. [Электронный ресурс]. Режим доступа. http://state.kremlin.ru/state_council/17232 Дата обращения: 06.01.2013

5. Министерство экономического развития Забайкальского края. [Электронный ресурс]. Режим доступа. http://economy.e-zab.ru/page/program/programma_ser.php

6. [Электронный ресурс]. Режим доступа. http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=103600 Дата обращения 08.01.2013

7. Бейдина Т.Е., Федотов Д.А. Объединительные процессы в Забайкальском крае: обеспечение социально-политической безопасности // Известия Иркутского государственного университета. 2009. № 1(3). С. 29

8. Драго Р. Административная наука. М.: Прогресс, 1982. С. 7.

9. Паркинсон С. Законы Паркинсона: сб. М: Прогресс,. 1989. С. 12-14.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Новикова А.В., канд. полит. наук, доцент каф. «Государственное, муниципальное управление и политика», Забайкальский государственный университет
anna_novikova2010@mail.ru

A. Novikova, candidate of political sciences, assistant professor, State and Municipal Administration and Politics department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: федеральная и региональная политика, региональная политика субъекта Российской Федерации, управление

Scientific interests: federal and public policy, regional policy of the Russian Federation, management

Социологические науки

УДК 316

Джук Андрей Викторович
Andrey Dzhuk

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР СОГЛАСИЯ МЕЖДУ ОБЩЕСТВОМ И ГОСУДАРСТВОМ

ENSURING OF ECOLOGICAL SAFETY AS SOCIAL CONSENT FACTOR BETWEEN SOCIETY AND THE STATE

Рассматривается экологическая безопасность в социальном аспекте. Дана характеристика состояния окружающей природной среды как результата социального согласия между локальным сообществом и основными загрязнителями. Характеризуется здоровье населения, которое в результате загрязнения природной среды бытовыми и технологическими отходами имеет тенденцию к ухудшению, социальные последствия этого процесса, возрастающее появление экологических катастроф в глобальном масштабе. Доказана необходимость существенного совершенствования природоохранного законодательства, которое должно обеспечить новую систему эколого-правовых отношений

Ключевые слова: *экологическая безопасность, сообщество, государственная власть, биосфера, прогресс, экологические проблемы, законодательство*

Ecological safety in social aspect is considered. The characteristic of a condition of surrounding environment as a result of social consent between local community and the main pollutants is given. Health of the population which is a result of environment pollution by household and technological waste tends to deterioration, social consequences of this process; increasing emergence of ecological disasters on a global scale is characterized. The need of essential improvement of nature protection legislation which has to provide new system of ekologo-legal relations is proved

Key words: *ecological safety, community, government, biosphere, progress, environmental problems, legislation*

Стремление к обеспечению экологической безопасности всегда было одним из ведущих мотивов человеческой деятельности. Под безопасностью в экологической сфере понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от потенциальных или реальных угроз, создаваемых последствиями антропогенного и техногенного воздействия на природу, а также от стихийных бедствий и катастроф [2]. Состояние окружающей природной среды в любой местности есть результат социального согласия между локальным сообществом и основными загрязнителями, которые выступают чаще всего и как работодатели. Само сообщество, являясь потребителем, также оказывается загрязнителем среды. Арбитром при этом выступает государственная власть, которая в зависимости от уровня экологической напряженности в обществе и давления со стороны различных групп населения и производителей устанавливает правила и нормативы, с помощью которых

поддерживается заданный уровень состояния окружающей природной среды.

При этом показателем качества обычно выступают определенные концентрации загрязняющих веществ (предельно допустимые концентрации или их эквиваленты). Эти показатели прямого отношения к порогу устойчивости биосферы не имеют, а выражают лишь уровень социального согласия между загрязняющими среду производителями и локальным сообществом.

Проблема устойчивости биосферы и выживания человечества не ограничивается результатами социального согласия на основе ПДК и других показателей загрязнения окружающей природной среды, а находится в более значимом соотношении деятельности человека и биосферы.

Здоровье населения в результате загрязнения природной среды бытовыми и технологическими отходами имеет тенденцию к ухудшению. Человек несколько адаптирован к продуктам горения древесины и ископаемого топлива, так как в результате эволюции уже на ранних стадиях существования выработал некоторую физиологическую защищенность.

Гораздо сильнее на здоровье человека влияет то обстоятельство, что он разрушил свою экологическую нишу на значительной части биосферы. О распаде генома человека свидетельствуют данные о росте генетических заболеваний в развитых странах и прежде всего психических заболеваний и врожденных нарушений при рождении. Социальные последствия этого процесса требуют особого изучения, так как распространение алкоголизма, наркомании, токсикомании, вспышки невиданной жестокости при локальных конфликтах, снижение иммунного статуса организма человека, распространение традиционных и новых болезней неразрывно связано с отрывом человека как организма от природы, от его экологической ниши, т.е. нарушением естественного природного равновесия.

Таким образом, то, что мы обычно называем «экологическими» заболеваниями, на самом деле являются причинами невидимых и неощутимых глубинных механизмов, ведущих к распаду генома человека, подобно ионизирующему излучению, но намного более опасных.

Эта ощутимость процесса распада приводит к тому, что экологические приоритеты, отодвигаемые более очевидными и впрямую ощутимыми проблемами, отодвигаются на задний план. Современная наука дает нечеткие ответы на экологические кризисы, на причину их возникновений, пути предупреждения.

У руководителей и лидеров государств, экологические проблемы имеют более низкий приоритет, чем у населения. Большинство руководителей и лидеров озабочены демографическими проблемами в решении вопросов экономики. Уровень понимания этой проблемы в каждой стране решается по-своему, в зависимости от тех тенденций, которые преобладают: в одних странах – смертность превышает рождаемость, в других – наоборот.

Глобальной проблемой является уровень населения планеты в XXI в. и его стабилизация на границе 10...12 млрд человек [1]. Это имеет значение не столько с демографических, сколько с социальных и экологических позиций. Так, в условиях разрушенной и быстро разрушаемой природной среды наблюдается резкий рост населения, например, на субконтиненте Индостан и в Африке. В этих регионах отмечается самая низкая продолжительность жизни, самый высокий уровень смертности, очень низкий уровень грамотности, особенно женщин, самый низкий уровень валового национального продукта на душу населения. Основная часть рождающихся здесь детей обречена на бедность, болезни, голод, преждевременную смерть от вооруженных конфликтов и стихийных бедствий. В этих регионах очень высок уровень социальной напряженности, наибольшая частота конфликтов на национальной, племенной, конфессиональной и экологической почве, так как идет борьба за плодородные земли, воду, леса, т.е. проходит очередной процесс передела собственности. Этот процесс отмечается и в других регионах планеты.

Устойчивость сбалансированной в течение многих миллионов лет системы, называемой Биосферой, нарушена появившейся в ней подсистемой, созданной человеком, стремительно переключающей на себя поток энергии, потребляемой ранее другими подсистемами биосферы.

В подсистеме человека эволюцию заменил прогресс, на котором базируется экономический рост. Такая развивающаяся подсистема нестабильна, темпы ее роста стали угрожающими. Одним из таких признаков стало все возрастающее появление экологических катастроф в глобальном масштабе. При наличии большой группы развитых стран, разнообразных технических средств и технологий мировое сообщество в состоянии решать только отдельные локальные проблемы и конфликты. Реалии говорят о том, что современная политическая инфраструктура не в состоянии обеспечить глобальную политическую стабильность.

Социальный реализм свидетельствует о том, что число голодающих, а также людей, не обеспеченных чистой питьевой водой, в мире неуклонно растет. Увеличивается заболеваемость генетическими и связанными с загрязнениями среды болезнями, а также наркомания, алкоголизм и организованная преступность. Неуклонно понижается иммунный статус человека. Растет число новых заболеваний, среди которых наиболее опасными остаются СПИД и его аналоги. Растет число стихийных бедствий и пострадавших от них. Возрастает нагрузка на общество за счет увеличения числа инвалидов, больных, особенно детей, бездомных и беспризорных граждан.

Даже в развитых странах при экономических подъемах все еще сохраняется высокий уровень безработицы. Увеличивается разрыв между богатыми и бедными странами, а также людьми. Растет число экологических и экономических беженцев, особенно в результате этнических конфликтов и военных действий. Таким образом, социальные условия на планете Земля далеки от стабильности.

Экономический реализм показывает, что развитые страны не готовы отказаться от экономического роста, а развивающиеся страны стремятся пройти тот же путь в кратчайшие сроки на основе уничтожающего разграбления своих природных богатств и разрушения естественной природной среды. Такой тип экономики способствует разрушению фундамента жизни человека и биосферы в целом, тем самым работает против устойчивости экологического равновесия на планете.

Так, в 80-х гг. прошлого столетия ускорился процесс сокращения пахотных и орошаемых земель на душу населения, стали расти цены на продовольствие и сырье, во многих странах усилились эрозионные процессы почв. Сказанное свидетельствует о том, что экономический рост не обеспечивает стабильность, а напротив, служит фактором дестабилизации [7].

Демографический реализм предполагает дальнейший быстрый рост населения с приростом в XXI в. значительно более высоким, чем ранее.

Проекты планирования семьи в странах с высоким уровнем рождаемости не подкреплены ни экономически, ни социально. Идеи депопуляции не рассматриваются политиками, так как являются опасными для их имиджа в обществе. Таким образом, демографический фактор оказывается одним из наиболее дестабилизирующих.

Международная конференция по народонаселению в Каире в 1994 г. показала, что окружающая среда и демография взаимосвязаны [5]. В настоящее время на некоторый срок можно избежать роста населения и мощности хозяйственной деятельности. Для этого путь к устойчивости следует начинать с защиты нетронутой части природы и возвращения ей шаг за шагом земель с восстановленными естественными сообществами организмов. В рамках биосферной модели рассчитано, что при сохранении современной мощности хозяйства для стабилизации глобальных изменений необходимо сократить площадь нарушенных человеком земель с 61 до 38 %. Таким образом, человек должен уменьшить площадь своей деятельности на суше на 34 млн км^2. Это соответствует территории зоны уме-

ренных широт с преимущественно лесной растительностью. В тропической зоне за счет большей продукции эту площадь можно было сократить в 1,5...2 раза. Нетронутые территории можно использовать только для рекреации, туризма и спортивной охоты без применения механизированного транспорта. Для восстановления устойчивого уровня углерода, соответствующего современному, необходимо вернуть природе уже 46 млн км^2 суши [6]. Все эти шаги при сохранении быстрого роста населения и экономики невозможны. Параллельно и постепенно должны идти стабилизация численности населения и его сокращение. Для стабилизации необходима стратегия: одна семья – два ребенка; для сокращения: одна семья – один ребенок. На заключительном этапе: возврат стратегии: одна семья – два ребенка. Должно также снижаться и энергопотребление человечества.

В Северном полушарии наиболее готовыми к подобному переходу являются Россия и Канада, где имеется значительная площадь ненарушенных земель, представленных лесами и тундрами, здесь нет проблемы стабилизации и сокращения численности населения, так как российское население, в отличие от развивающихся и других стран, реагирует на падение производства путем снижения рождаемости.

Россия занимает 3-е место в мире по вредным выбросам (после США и Китая) и 74-е место среди стран мира по экологической чистоте [8]. Причины такого низкого уровня экологии в России:

1) 40 % территории России (центр, юг европейской части, Средний и Южный Урал, Западная Сибирь, Поволжье), где проживает более 60 % населения страны, на треть являют собой картину экологического бедствия;

2) более 100 млн россиян проживают в экологически неблагоприятных условиях;

3) только 15 % городских жителей России живут на территориях, где уровень загрязнения воздуха соответствует нормативам;

4) 40 % городских жителей живут в условиях периодического превышения в атмосфере предельно допустимых концентраций вредных веществ в 5...10 раз;

5) 2/3 водных источников России непригодны для питья, многие реки превращены в сточные канавы;

6) доля загрязнения от автотранспорта составляет 46 % общего выброса вредных веществ и доходит до 70...80 % в таких крупных городах, как Москва и Санкт-Петербург, а также в Красноярском и Приморском краях, Белгородской, Пензенской, Свердловской, Мурманской и Челябинской областях;

7) на каждого жителя приходится до 400 кг промышленных выбросов предприятий в воздух.

Таким образом, мы живем в период развивающейся катастрофы, созданной человеком, который в кратчайшие сроки нарушил баланс, поддерживаемой биосферой миллиарды лет.

В современном критическом состоянии биосферы важен новый подход к взаимодействию природы и общества. Человечеству необходимо в кратчайшие сроки перейти от антропоцентрического мышления к биосферному.

Человечество – лишь малая часть великого многообразия природы и это многообразие не создано человеком и ему не принадлежит. Антропогенный прессинг на биосферу достиг критического предела. Для дальнейшего существования человечеству необходимы не только малоотходные технологии, новая демографическая политика – осознанное сокращение числа людей на планете, но также и восстановление нарушенных экосистем до естественного уровня.

Потребности человечества могут быть удовлетворены настолько, чтобы не ущемлять интересов многообразия жизни на Земле, что является залогом ее устойчивого развития. Механизмом исполнения такой мировой экологической безопасности должно стать законодательство мирового содружества ООН [9].

Кроме того, во всех странах следует разработать систему нового биологического и географического образования, которое в короткие сроки позволило бы ликвидиро-

вать природоведческую малограмотность большинства населения планеты. Такое природоведческое воспитание необходимо начинать с раннего возраста, чтобы человек, вступая в самостоятельную деятельность, четко понимал свою зависимость от устойчивого развития биосферы и в соответствии с этим принимал осознанно практические решения. В воспитании биосферного мышления и на его основе нового общечеловеческого действия во взаимоотношениях с природой ведущую роль должны играть образовательные учреждения различного уровня.

В России начала складываться трехуровневая система управления природопользованием: первый объединяет подразделения, осуществляющие функции государственного контроля и инспекции; второй – подразделения, ведущие экологическую экспертизу; третий – подразделения, занимающиеся экономико-правовым регулированием деятельности природопользователей [3].

Среди первоочередных задач на переходный период следует отметить [4]:

а) повышение технологической дисциплины и поддержание проектных технологических параметров, максимальная экономия и сбережение ресурсов;

б) создание гибких организационных форм природоохранной инфраструктуры, в первую очередь для научного и информационного обеспечения управления природопользованием;

в) привлечение населения к участию в деле охраны окружающей среды.

Время требует существенного совершенствования природоохранного законодательства, которое должно воспроизвести новую систему эколого-правовых отношений, обеспечивающую включение экологических и санитарно-гигиенических требований в производственно-хозяйственную деятельность и обеспечить гарантии природоохранных мероприятий по обеспечению здоровья населения.

Анализ состояния окружающей среды, отраженный в многочисленных публикациях последних лет, показывает, что, несмотря на экологическую дестабилизацию, можно приостановить ее нарастание за счет решения наиболее насущных проблем, связанных с сохранением окружающей среды и более рациональным использованием ресурсов.

Литература

1. Абдуллин А.Г. Жизнедеятельность человека в экологически неблагоприятных условиях // Безопасность жизнедеятельности: Научно-практический и учебно-методический журнал. Полис. 2009. № 7. С. 5-12 .

2. Астахов А.С. Экологическая безопасность и эффективность природопользования. СПб: Горная книга, 2010. 328 с.

3. Боголюбов С.А. Экологическое право. М.: Норма, 2008. 224 с.

4. Гринин А.С., Новиков В.Н. Экологическая безопасность. Защита территории и населения при чрезвычайных ситуациях. М: ФАИР-ПРЕСС, 2011. 336 с.

5. Кукушкина А.В. Экологическая безопасность, разоружение и военная деятельность государств: международно-правовые аспекты. М.: ЛКИ, 2008. 176 с.

6. Передельский Л.В. Экология. М.: Проспект, 2009. 512 с.

7. Селедец В.П. Социальная экология. Владивосток: ТГЭУ, 2010. 152 с.

8. Хотунцев Ю.Л. Экология и экологическая безопасность. СПб.: Академия, 2004. 480 с.

9. Щетинина И.А. Экологическое образование в российских вузах // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов: Обзорная информация. Полис. 2009. № 2. С. 45-52 .

Коротко об авторе — *Briefly about the author*

Джук А.В., ст. преподаватель, каф. «Социология организации», аспирант, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
brilliant7a@mail.ru

A. Dzhuk, postgraduate student, senior teacher, Sociology of organization department, Zabaikalsky State University

Научные интересы: социально-экологическая безопасность российского общества

Scientific interests: social-and-ecological safety of the Russian society

УДК 316.4.051

Полутова Марина Александровна
Marina Polutova

ГЕНЕЗИС ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ О СУЩНОСТИ И ХАРАКТЕРНЫХ ПРИЗНАКАХ ФЕНОМЕНА «ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО»

THE GENESIS OF IDEAS ABOUT NATURE OF FOREIGN RESEARCHERS AND CHARACTERISTICS OF THE PHENOMENON OF «ENTREPRENEURSHIP»

Рассмотрены изменения представлений зарубежных ученых о природе и характерных признаках феномена «предпринимательство». Дана оценка равнозначности использования терминов «предприниматель» и «бизнесмен». В исторической ретроспективе выделены основные этапы генезиса теории предпринимательства за рубежом. Рассмотрены особенности развития теории предпринимательства в рамках синергетической экономической теории

Ключевые слова: *предприниматель, предпринимательство, собственность, капитал, прибыль, предпринимательские риски, инновационность, бизнесмен, бизнес, синергетическая экономика, открытая система, самоорганизация, нелинейная динамика*

The study of foreign scientists views about nature and characteristic features of the phenomenon of «entrepreneurship». The estimation of equivalence between the use of the terms «employer» and «businessman» is presented in the article. In historical retrospect, the author highlights the main stages in the genesis of the theory of business abroad. The features of the development of the theory of entrepreneurship within a synergetic combination of economic theory are described

Key words: *entrepreneur, entrepreneurship, property, capital, profits, business risks, innovation, business, synergetic economy, open system, self-organization, nonlinear dynamics*

Необходимость анализа феномена «предпринимательство» связана с тем, что в науке отсутствует единство в понимании сущности этого явления, его отличительных признаков и даже четкого и общепринятого определения самого термина «предприниматель». Основные причины этого обстоятельства, по мнению В.Н. Дружинина, следующие:

– предпринимательство – сравнительно новый, по крайней мере, в масштабах исторического развития общества феномен;

– это развивающееся явление, поэтому оно подвержено существенным изменениям даже в своих сущностных характеристиках и имеет глубокую специфику в различных исторических, экономических и социокультурных условиях;

– это сложное многоаспектное явление, в котором тесно переплетаются экономические, социальные и психологические стороны [1].

Понятие «предприниматель» появилось впервые во Франции в XIII в. и происходит от французского «entrepreneur» (антрепренёр, предприниматель) – посредник, из глагола «entreprendre» – предпринимать, затевать. Использовалось это понятие в двух значениях:

1) так называли лиц, отвечающих за выполнение крупномасштабных строительных или производственных проектов;

2) так обозначались организаторы парадов и музыкальных представлений.

С XV в. французский термин «entreprendre» ложится в основу английского «enterprise», что имеет три значения:

1) сложный, рискованные проект или дело;

2) готовность к активным действиям, инициативность;

3) совместное хозяйственное предприятие; разновидность бизнеса; постоянная направленная деятельность [2].

В формировании теории предпринимательства, с точки зрения мировой науки, выделяется несколько основных этапов.

На первом этапе исследователи делали акцент на таком важном и сложном аспекте предпринимательства как несение риска, поскольку в исторической ретроспективе исходным видом предпринимательской деятельности была торговля, связанная с перемещением товаров с рынка на рынок, а источником дохода служила разница в ценах.

Еще в XVIII в. ирладским банкиром и экономистом Ричардом Кантильоном (1680-1734) в работе «Очерк о природе торговли вообще» («Essai sur la nature du commerce en gnral», 1755) выдвинуто положение о риске в качестве основной функциональной характеристики предпринимательства. В этой книге, изданной в 1755 г. в Лондоне на французском языке, Р. Кантильон размышляет о богатстве и его распределении, подробно описывает теорию населения и теорию денежного обращения, особенно выделяет главенствующую роль предпринимателей. Именно в этой работе Р. Кантильоном сформулировано одно из первых определений человека, занимающегося частной экономической (коммерческой) деятельностью именно в качестве «предпринимателя» – «покупает по определенной цене, чтобы продать по неопределенной цене...». По Р. Катильону, предприниматель – это «человек, подвергающий себя риску непостоянных доходов: крестьянин, ремесленник, торговец, разбойник, нищий и т.п., но не рабочий и государственный чиновник с постоянным жалованием и не земельный собственник, получающий ренту» [3].

Точку зрения Р. Катильона разделял известный шотландский экономист, основоположник научной экономической теории – Адам Смит (1723-1790). А. Смит определял предпринимателя как собственника капитала, который ради реализации коммерческой идеи и получения прибыли идет на экономический риск, он был уверен, что либеральный подход к предпринимательству со стороны государства самый лучший – ни во что не вмешиваться и дать полную свободу «невидимой руке рынка». В своем капитальном труде «Исследовании о природе и причинах богатства народов» А. Смит отражает три основные составляющие деятельности предпринимателя: прибыль – как цель деятельности, коммерческая идея – как способ ее достижения, риск – как неизбежное негативное условие всего процесса [4].

Несколько позже интерес к фигуре предпринимателя отразился в работе французского экономиста и государственного деятеля Анна Роберта Жака Тюрго (1727-1781) «Размышления о создании и распределении богатства» («Réflexions sur la formation et la distribution des richesses», 1770). Развивая идеи А. Смита, А. Тюрго считает, что межотраслевое равновесие, нормальный процесс воспроизводства и бесперебойной реализации совокупного продукта обеспечивают именно предприниматели. А. Тюрго описывает трехклассовую структуру общества – производительный класс, класс собственников и непроизводительный (бесплодный) класс. Предприниматели (или капиталисты) получают прибыль за вложенный капитал (авансы по его терминологии), наемные работники – заработную плату за труд. А. Тюрго отмечает, что и представители класса собственников могут оказаться предпринимателями (капиталистами), если вложат свой капитал для получения прибыли в предприятия производительного или бесплодного класса [5].

Последователями теории рисков Р. Камильтона стали представители и немецкой классической школы XIX в. и Г. фон Мангольдт, и И. Тюнен.

Представитель немецкой классической школы Г. фон Мангольдт (1824-1868) опубликовал в 1855 г. работу «Действительное назначение предпринимателя и истинная природа предпринимательской прибыли» («Die Lehre vom Unternehmergewinn»). В центр своих теоретических исследований предпринимательства он поставил несение риска как важнейшую ролевую функцию предпринимателя, однако попытался более подробно рассмотреть ее в производственной плоскости. «То, что само по себе является неотделимым от понятия «предприниматель», заключается, с одной стороны, во владении ... контролем за произведенной продукцией, а с другой – в принятии на себя ответственности за любого рода возможные убытки». Относительно теории риска Г. фон Мангольдт разделил понятия «производство на заказ» и «производство на рынок». В производстве на заказ гарантирован доход, поскольку заранее ясен заказчик и определена цена. Следовательно, риск минимален или вообще отсутствует. В производстве на рынок такая неопределенность присутствует, так как продукт предназначен для продажи при неопределенном спросе и неизвестной цене. Относя деятельность предпринимателя к «производству для рынка», Г. фон Мангольдт первым ставит вопрос об оценке степени риска, который несет предприниматель [6].

Еще один представитель немецкой классической школы XIX в. Й. фон Тюнен (1783-1850), пытаясь определить величину предпринимательского дохода, или «выигрыша», прямо связывал его появление с предпринимательским риском. При этом исходной предпосылкой Й. фон Тюнен считал то обстоятельство, что «... не существует такой страховой компании, которая застрахует от любого вида риска, связанного с бизнесом. Всегда часть риска должен брать на себя предприниматель». По Й. фон Тюнену, ожидания предпринимателя отражают сознательный выбор в пользу неопределенной, чреватой риском потерь ситуации. В случае неблагоприятной для него ситуации он может потерять все, в отличие от служащего, а в качестве награды в общий доход предпринимателя помимо вознаграждения за риск входит как основа – вознаграждение за предпринимательское искусство, т.е. за деятельность предпринимателя как новатора. И как новатор-изобретатель, предприниматель вознаграждается за эту функцию из суммы экономического эффекта от применяемого им данного усовершенствования или изобретения. Таким образом, Й. фон Тюнен соединил в лице предпринимателя исполнение функций несения риска и реализации нововведений, тем самым преодолев известную односторонность взглядов основоположника теории предпринимательства Р. Кантильона [7].

И тем самым открыл второй этап развития теории предпринимательства, концентрируя внимание на особенностях личности предпринимателя, а также на отделении функции предпринимательства от собственника и интерпретации предпринимателя как менеджера, управляющего факторами производства: земля, капитал, человеческий фактор, необходимые для организации производственного процесса и производства продукта.

Французский экономист Жан Батист Сей (1767-1832), в отличие от А. Смита, полагал, что не предприниматели-землевладельцы, а промышленные и финансовые предприниматели являются основной движущей силой развития экономики страны. По мнению Ж.Б. Сея, предприниматель – «антрепренер перебрасывает экономические ресурсы из сферы малой продуктивности в сферу большой продуктивности и пожинает плоды». У Ж.Б. Сея прослеживается выделение специфических функций, отделяющих предпринимателя от капиталиста или менеджера. Важнейшими функциями предпринимателя являются:

1) соединение факторов производства (капитала и труда);

2) сбор информации и накопление необходимого опыта;

3) принятие решения и организация производственного процесса.

Особенно настойчиво Ж.Б. Сей подчеркивает творческий, экспериментальный и рискованный характер деятельности предпринимателя, в отличие от повседневного, рутинного руководства, а также рассматривал предпринимателя и предпринимательство в исторической перспективе, акцентируя внимание на преимуществах обществ, где действуют люди с предпринимательскими способностями [8].

Немецкий философ и экономист Карл Маркс (1818-1883) рассматривает термин «предприниматель» в своем главном произведении «Капитал» как синоним понятия «капиталист» («unternehmer», arbtitgeber»). По К. Марксу, не любой капиталист является предпринимателем, он делит их на две категории:

1) функционирующие капиталисты;

2) денежные капиталисты.

Первые создают товары и услуги, вторые обеспечивают их ссудным капиталом. Только капиталист, получающий предпринимательский доход от предпринимательской деятельности, является истинным предпринимателем, ростовщики в эту категорию не входят. Ростовщик же является истинным капиталистом, собственником капитала, который обслуживает предприниматель, являясь по сути «наемным работником» [9].

Ряд западных экономистов и социологов более позднего времени рассматривали предпринимателя и предпринимательство в исторической перспективе, говорили об универсальном характере предпринимательства, о наличии у определенной категории людей так называемого «предпринимательского духа», об особой чуткости предпринимателя к нахождению наиболее перспективных путей развития бизнеса и самостоятельности его суждений в принятии решений.

Своеобразен подход к проблеме предпринимательства у немецкого экономиста и социолога Вернера Зомбарта (1863-1941), который различал в предпринимателе два враждующих начала:

1) предпринимательский дух (готовность к риску, духовную свободу, богатство идей, волю и настойчивость, умение соединять людей для совместной работы);

2) бюргерский дух (прилежание, умеренность, расчетливость и другие традиционные буржуазные добродетели).

Предприниматель, по В. Зомбарту, «должен осуществлять весьма различные функции, а именно: завоевателя, организатора, торговца». Осуществление этих функций требует определенных способностей и душевных качеств, поэтому личность предпринимателя В. Зомбарт буквально «сакрализировал»: «...предприниматель является организатором, обладающим недюжинной изобретательностью; среди людей он мудро отбирает самых способных; среди товаров проницательно отыскивает наилучшие; быстро оценивает свои шансы на успех; проявляет напористость в своих отношениях с поставщиками; предприниматель видит так, как если бы имел тысячу глаз, слышит так, как если бы у него была тысяча ушей, и осязает так, как если бы располагал тысячью пальцами» [10].

В отличие от В. Зомбарта, считавшего предпринимательский дух производной от биологических факторов, Макс Вебер (1864-1920), немецкий социолог и экономист, в свой работе «Протестантская этика и дух капитализма» усматривает связь между этическим кодексом протестантских вероисповеданий и «духом капитализма», основанном на идеале предпринимателя-рационалиста. Главный определяющий признак предпринимательства, по М. Веберу, — «стремление к предпринимательству» и «стремление к наживе», т.е. к наибольшей денежной выгоде, и связывает он это стремление с религией, которая обеспечивает воспитание таких черт личности, как трудолюбие, бережливость, честность, расчетливость. Под капиталистическим предпринимательством М. Вебер понимал особый строй мышления «...для которого характерно систематическое и рациональное стремление к законной прибыли в рамках своей профессии». М. Вебер утверждает, что «это стремление наблюдалось и наблюдается у

официантов, врачей, кучеров, художников, кокоток, чиновников-взяточников, солдат, разбойников, крестоносцев, посетителей игорных домов и нищих...», и существовало и в докапиталистических, «традиционных» обществах, но часто имело натуральную форму в силу слабого развития денежных отношений [11].

Постепенно большинство исследователей склонилось к мысли о том, что предприниматели образуют довольно четко очерченный психологический тип.

Многофункциональная модель предпринимательства возникла на третьем этапе, со второй половины XX в., в результате теоретических исследований выдающегося американского экономиста и социолога Йозева Алоиза Шумпетера (1883-1950). В них впервые предпринимательство было рассмотрено как деятельность по сознательному внесению возмущений в хозяйственную среду в расчете на получение конкурентного преимущества и, как следствие, высокого дохода. Акцентировано внимание на преимуществах обществ, где действуют люди с предпринимательскими способностями, трактовка предпринимательства как новаторства, а предпринимателя как лица, являющегося движущей силой прогрессивных изменений в экономике.

В своем труде «Теория экономического развития» («Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung», 1912) наряду с доказательством особой социально-экономической роли предпринимателя, который «...обладает замечательной... способностью видеть новые возможности и извлекать из них выгоды», Й. Шумпетер особенно активно подчеркивал значение предпринимательства для реализации так называемых «нововведений». Он указывал, что нововведения являются категорией предпринимательской деятельности, оно не тождественно изобретению, т.к. последнее является технологическим фактом, а нововведения представляют собой экономический и социальный феномен. Процесс внедрения нововведений, по мнению И. Шумпетера, происходит скачками и рывками, в результате которых хотя и происходит всеобщий экономический прогресс, но случаются и «расстройства» системы, депрессии и т.д.

По мнению Й. Шумпетера, предпринимателем можно назвать только того, кто занимается истинной предпринимательской деятельностью, и то только на то время, пока он ею занимается. Й. Шумпетер выделяет три целевых мотива в деятельности предпринимателя: потребность во владычестве, власти, влиянии; воля к победе, стремление к успеху, достигнутому в борьбе с соперниками и с самим собой; радость творчества, которую дает самостоятельное ведение дел.

В целом, именно благодаря работам Й. Шумпетера, понятие «предпринимательство» очистилось от всякого рода социальных мифов и приобрело значение особого, инициативного социального класса. Й. Шумпетер дал определение предпринимателю как человеку, пытающемуся превратить новую идею или изобретение в успешную инновацию и рассматривал предпринимательство как силу креативного разрушения, действующую на рынках и в производстве, одновременно разрушающую старую систему и создающую новые продукты и модели бизнеса [12].

Своего рода развитием идей Й. Шумпетера в научном понимании феномена предпринимательства были работы известных представителей австрийской школы экономистов Людвига фон Мизеса (1881-1973) и Фридрика Августа фон Хайека (1899-1992). Они рассматривали предпринимательство в качестве одного из основных ресурсов экономики наряду с природными — землей, трудом, капиталом, информацией и временем и считали, что предпринимательство задается экономической конкуренцией, частной собственностью и узаконенной свободой личности [13; 29].

Идеи Л. фон Мизеса и Ф. фон Хайека развил американский экономист Израэл М. Кирцнер, который рассматривает предпринимательство как процесс перехода из одного равновесного состояния к другому и видит основную роль бизнесмена в том, чтобы добиться такого регулирования экономической системы, которая обеспечива-

ла бы движение рынков к состоянию равновесия, т.е. бизнесмен представляет собой «уравновешивающую» силу [14].

В современной западной науке в качестве основополагающих выдвигаются и другие признаки предпринимательства. Например, в известной работе американского экономиста Фрэнка Хайнемана Найта (1885-1972) «Риск: неопределенность и прибыль» («Risk, Uncertainty and Profit», 1921) фактор риска получил наиболее полное развитие, как важнейшая составляющая предпринимательской функции. Более того, нечеткость предшествующих исследований риска в предпринимательской функции он считал следствием отсутствия четкого понимания существенных разных видов риска, не обязательно относимых к предпринимателю [15].

Мотивом личной ответственности за принятые решения в условиях неопределенности отличаются и исследования английского экономиста Д. Шекли. Для него характерно вообще отрицание состояния равновесия, вне которого только и может существовать предприниматель, и нарушение которого является направлением его деятельности. При этом в качестве важнейших функций он выделяет перенесение неопределенности и принятие решений. Последнее осуществляется на интуитивном или инстинктивном уровне с полной ответственностью за него. Неопределенность также является «состоянием ума», чем-то субъективным, однако ограниченным возможностями как личными, так и окружающей среды [16].

В дальнейшем, по мере увеличения употребления термина «предприниматель», появились и другие точки зрения, отражающие роль предпринимателя как субъекта общественных отношений, как феномена хозяйственной деятельности, вбирающего в себя разнообразные социально-психологические, организационно-управленческие и другие параметры, определяющие уникальность бизнеса среди других сфер и институтов общества.

Представляется интересным тот факт, что один из основоположников мировой экономической социологии Нейл Смелзер (1930) в своем базовом лекционном курсе по общей социологии определение термина «предприниматель» не приводит, хотя характеризует предпринимателя как «... лицо, которое наращивает капитал и рискует вложить его в дело, обещающее вернуть вложенную сумму плюс прибыль...» Н. Смелзер подчеркивает «рискованную инициативность» явления предпринимательства и его стремление к получению экономической прибыли, связывая его с конкретной личностью [17].

Более развернутая характеристика предпринимательства предлагается в одном из самых популярных англоязычных социологических словарей под редакцией Н. Аберкромби. В нем говорится о том, что «менеджеров деловых организаций можно назвать предпринимателями тогда, когда они принимают творческие и новаторские решения ... и чем больше существующие социальные ценности способствуют формированию предпринимательской личности, тем более вероятен ускоренный экономический рост» [18].

Четвертый этап развития теории предпринимательства относится к постиндустриальной стадии развития общества, которая установила иные приоритеты хозяйствования – ключевым звеном предпринимательской деятельности становится не рационализация использования ресурсов, а рационализация самой формы и способа хозяйствования.

Сегодня в развитых капиталистических странах устремления предпринимателей связаны не с максимизацией прибыли, а с обеспечением устойчивости организации. Главным фактором становится не приспособление к меняющимся условиям, а способность преобразовывать сами условия хозяйствования, поэтому в постиндустриальной экономике определяющим признаком предпринимательства становится инновационная деятельность, а само оно начинает играть главенствующую роль в общественном производстве.

По выражению американского математика и экономиста Игоря Ансоффа (1918-2002), наступила эпоха «стратеги-

ческих неожиданностей», характеризующаяся нарастающим ростом принципиально новых технологий, форм организации труда, методов управления, глобализацией рынков, неустойчивостью спроса, необходимостью очень тонкого использования «человеческого фактора» в организации производственных процессов [19].

Одним из активных сторонников «мэнеджеризма», или «теории управляющих» был американский экономист и социолог Петер Фердинанд Друкер (1909-2005). В своих трудах «Инновации и предпринимательство» («Innovation and Entrepreneurship», 1985), «Границы менеджмента» («The Frontiers of Management», 1987) и др. П.Ф. Друкер излагает теорию, согласно которой современное капиталистическое общество, называемое им «индустриальным обществом», или «обществом служащих», возглавляется «управляющими». Они якобы заменили «вышедших из моды» капиталистов и отличаются от последних тем, что владеют не частной собственностью, а «интеллектуальным капиталом» [20].

Первые теоретические попытки осмысления понятия внутрифирменного, или внутрикорпоративного предпринимательства были предприняты американским ученым Гиффордом Пиншотом. Г. Пиншот считается первым теоретиком, давшим описание и введшим в научный мир термин «интрапренер». Неологизм «интрапренерство» образован от двух слов «антрепренерство» (предпринимательство) и латинского префикса «интра» (внутренний).

В 1983 г. Г. Пиншот ввел в употребление понятие «предприимчивость». Под «предприимчивостью» он понимал сочетание качеств, умений, способностей человека, позволяющих ему находить и использовать лучшее сочетание ресурсов для производства, реализации товаров, работ и услуг, принимать нестандартные, но рациональные решения даже в условиях неопределенности, создавать условия для разработки инноваций и создавать их самому, доводить до реализации новшества, идти на допустимый, но оправданный риск. Г. Пиншот считал, что «предприимчивость» необходимо использовать при формировании механизмов развития внутреннего предпринимательства на предприятиях, создавая условия для мобилизации созидательной энергии как самого интрапренера, так и всего человеческого капитала предприятия [21].

Очевидно, что названные характерные признаки предпринимательства должны быть отражены в его определении. В американской учебной и научной литературе дается множество определений, характеризующих предпринимательство.

Представляют интерес определения понятия «предпринимательство» таких зарубежных исследователей, как Говарда Х. Стивенсона, профессора Гарвардского университета. В 1983 г. в статье «Взгляд на предпринимательство» он писал: «предпринимательство – это наука управлять, суть которой мы можем сформулировать следующим образом: погоня за возможностями без оглядки на ресурсы, которые в данный момент находятся у нас под контролем» [22].

Американский ученый, профессор Роберт Хизрич утверждает, что «предпринимательство – это процесс создания чего-то нового, обладающего ценностью, процесс, поглощающий время и силы, предполагающий принятие на себя финансовой, моральной, социальной ответственности; процесс, приносящий в результате денежный доход и личное удовлетворение достигнутым» [23]. Иными словами, предпринимательство можно рассматривать не только как создание нового дела, бизнеса, но и как процесс постоянного совершенствования уже созданного предприятия.

Каждое из определений рассматривает предпринимательство под разным углом зрения, однако все они включают такие понятия, как новизна, организаторский талант, творческое начало, умножение богатства и готовность рисковать.

Наряду с термином «предприниматель» в работах зарубежных ученых в последние годы часто используется термин «бизнесмен», он имеет английское происхождение от слова «businessman» – деловой человек,

предприниматель, коммерсант, имеющий собственное дело, бизнес.

Английский профессор Джеффри Алан Хоскинг (1942) утверждает: «Индивидуальным бизнесменом является лицо, которое ведет дело за свой счет, лично занимается управлением бизнесом и несет личную ответственность за обеспечение необходимыми средствами, самостоятельно принимает решения. Его вознаграждением является полученная в результате предпринимательской деятельности выгода и чувство удовлетворения, которое он испытывает от занятия свободным предпринимательством. Но наряду с этим он должен принять на себя весь риск потерь в случае банкротства его предприятия».

Понятие «бизнес» Д.А. Хоскинг определяет как «деятельность, осуществляемая частными лицами или организациями для извлечения природных благ производства или оказания услуг в обмен на другие товары, услуги или деньги, ведущая к взаимной выгоде заинтересованных лиц или организаций» [24].

Американские ученые, профессора Роберт Хизрич и Майкл Питерс определяют бизнесмена «как человека, который затрачивает на это все необходимое время и силы, берет на себя весь финансовый, психологический и социальный риск, получая в награду деньги и удовлетворение» [23].

Исходя из названных трактовок, создается впечатление, что понятия идентичны и термин «бизнесмен» является синонимом термину «предприниматель». Однако отличие существует: «бизнесмен» – более широкое понятие. Это человек, который приобретает готовый действующий бизнес или же копирует уже существующие модели, при этом он может обладать целым рядом характеристик предпринимателя: владение капиталом; стремление к получению прибыли; риски; управление производством; определенные личностные особенности. Главное отличие заключается в отсутствии инновационности в бизнесе – этим занимается предприниматель, он внедряет новые идеи в реальность, создает новые товары или услуги, или же значительно модернизирует существующие. Однако вся хозяйственная деятельность не может быть новаторством, так как новаторство выступает формой проявления накопленных результатов в процессе хозяйственной деятельности, что впоследствии генерирует идею.

Предприниматель – это творческий человек, мозг которого постоянно генерирующий что-то новое. Предприниматели стараются занять новые или даже пока еще не существующие ниши деятельности. Таким образом, они отсекают конкурентов или значительно снижают их число. Такая деятельность обычно сопровождается невысокими оборотами, но высокой рентабельностью. Что касается бизнесменов, то они стараются работать в известных, и уже давно проверенных сферах деятельности, где все прозрачно и понятно. Высокая конкуренция и низкая рентабельность компенсируется большими оборотами.

Предпринимательство в широком смысле, в отличие от бизнеса, встречается значительно реже, «предприниматель, остающийся таковым» на протяжении десятилетий, встречается так же редко, как и коммерсант, который никогда в обычной жизни не бывал хоть немного предпринимателем», то есть чаще всего мы имеем дело с бизнесом [25]. Бизнесмен может всю жизнь заниматься бизнесом и не быть предпринимателем, однако вся рыночная экономика без предпринимательства как социально-экономического феномена существовать не может.

В обиходе допускается равнозначность этих терминов, однако в конкретном случае, когда речь идет о принципиальном различии между этими понятиями, необходимо это уточнять.

Современный этап развития теории предпринимательства отличается определенной спецификой, она связана со значительным влиянием достижений синергетической теории, которая стала общепризнанным междисциплинарным направлением научных исследований, изучающих общие закономерности явлений и процессов в сложных неравновесных системах (физических, химических, биологических,

экологических, социальных и других) на основе присущих им принципов самоорганизации.

Весомый вклад в развитие универсального подхода внес известный бельгийский физик и химик, основатель Брюссельской математико-физической и физико-химической школы И.Р. Пригожин, который своими фундаментальными построениями сумел изменить философское восприятие человечеством окружающего мира. В своих работах он впервые обратил внимание на высокую непредсказуемость будущего и сделал попытку проанализировать с помощью синергетического подхода эволюцию человечества.

Основатель синергетики, немецкий физик-теоретик Герман Хакен, еще в 70-х гг. указывал, что несмотря на то, что синергетика возникла в рамках естественных наук, она имеет далеко идущие и широкомасштабные возможности применения для исследования человеческих социальных процессов. Его работы «Принципы работы головного мозга» и «Тайны восприятия. Синергетика как ключ к мозгу» представляют пример реализации синергетического подхода в изучении естественнонаучных и философских проблем общества и человека на примере такого сложного процесса, как функционирование головного мозга, поведения и познавательного процесса человека.

Междисциплинарное направление исследований представлено также такими известными зарубежными учеными, как Г. Николис, Стенгерс, Б. Мандельброт, К. Майцнер, В. Эберлинг, Р. Фейстел и др. , которым удалось существенно обогатить синергетическую теорию, показав возможность использования синергетических идей, понятий и методов для прикладных исследований различных сложных систем, и доказать, что синергетический подход уникален как в концептуальном, так и в операциональном плане.

Синергетическая теория все еще продолжает развиваться и сегодня можно говорить о формировании основ так называемой «синергетической экономики». Рассмотрим ряд работ современных зарубежных экономистов, работающих в рамках «синергетической экономики», благодаря которой объясняются многие эффекты, возникающие в сложных экономических системах.

В книге китайского экономиста В.-Б. Занга, изданной в знаменитой Шпрингеровской серии литературы по синергетике, автор использует математический аппарат нелинейного анализа для решения макроэкономических задач. «...Синергетическая экономика, – пишет В.-Б. Занг, – придает особое значение не линейным, а нелинейным аспектам экономического эволюционного процесса, не устойчивости, а неустойчивостям, не непрерывности, а разрывам, не постоянству, а структурным изменениям – в противоположность традиционному рассмотрению линейности, устойчивости, непрерывности и неизменности. Синергетическая экономика трактует нелинейность и неустойчивость как источник многообразия и сложности экономической динамики, а не шумов и случайных возмущений, как это делает экономика традиционная» [26].

Американский математик-экономист Эдгар Петерс в своих работах говорит о том, что современная экономическая теория вступила в новую фазу своего развития, что связано с усложнением и глобализацией мировой экономики, вторжением в науку математических методов нелинейной динамики и, наконец, рождением новейших компьютерных технологий, сделавших возможным исследование сложных явлений и процессов на мониторе компьютера. Э. Петерс анализирует неудачи и просчеты экономической теории, обусловленные господствующей в настоящее время линейной парадигмой, и движется от простого к сложному, постепенно включая в сферу своего рассмотрения новейшие математические инструменты – фрактальную геометрию, теорию хаоса, клеточные автоматы, нечеткую логику, нейронные сети и другие, входящие составными частями в новую нелинейную парадигму.

Первое издание книги Билла Вильямса «Торговый хаос», опубликованное в 1995 г. и ставшее бестселлером, дало читателям

практичное и всеобъемлющее руководство по применению теории хаоса к реальному миру торговли и инвестирования. Работа Б. Вильямса посвящена определению психологических принципов и предпосылок к возможности успешной торговли и попыткам создать психологическую основу для развития в профессии трейдера. Во второй книге «Торговый хаос – 2» Б. Вильямс раскрывает непосредственно сами принципы торговли по обновленной системе и предлагает новые технические приемы, которые могут помочь делать прибыль на рынках. Автор использует уже известные из предыдущих книг индикаторы, но в новом качестве, позволяя, по его словам, значительно увеличить прибыльность торговли в изменившихся условиях.

Значительный интерес, относительно темы нашего исследования, представляет работа Варнеке Ханс-Юргена, в которой он излагает новые подходы к управлению бизнесом, позволяющие компаниям устойчиво работать и развиваться в условиях неопределенности – в среде, где изменения происходят с возрастающей скоростью, используя для этой среды термин «турбулентная».

Опираясь на собственные исследования, Х.-Ю. Варнеке полагает, что ключ к сохранению жизнеспособности западных компаний лежит в сфере предпринимательской культуры. Предпринимателям и менеджерам, воспитанным в культуре крупных корпораций, он предлагает организацию, состоящую из мелких самоорганизующихся команд, так называемую «фрактальную фабрику», на которой контроль и планирование сведены до минимума. Фрактальность придает компаниям способность к самоорганизации, подобной той, которой обладают биологические системы. Эффективность «фракталу» обеспечивает способность всех членов команды к самоорганизации, самодисциплине и самоконтролю [27].

Создание синергетической экономической теории повлияло на понимание самого термина «предпринимательство». На основании синергетического подхода можно определить предпринимательство «как процесс самообновления и самоорганизации индивидуумов и предприятий, осуществляемый во взаимодействии с внешней и внутренней предпринимательской средой», т.е. как процесс, исходящий из открытости системы. Этот процесс преследует следующие цели: во-первых, удовлетворить комплекс социально-экономических потребностей предпринимателя; во-вторых удовлетворить комплекс социально-экономических интересов остальных участников этого процесса (предприятий, государственных структур, коммерческих и общественных организаций и др.) в рамках неравновесного динамического баланса [28].

Подводя итог сказанному, можно заключить, что в результате анализа природы феномена «предпринимательство», мы пришли к выводу, что в сущности предпринимательства зарубежные исследователи выделяют ряд характерных признаков, отражающих различные функциональные стороны деятельности предпринимателя:

– владение капиталом;

– стремление к получению прибыли;

– предпринимательские риски;

– возможность самостоятельного управленческого воздействия на производство;

– инновационность;

– определенные личностные особенности предпринимателя.

Если выполнить анализ этих признаков с современной точки зрения, то можно сделать следующие выводы:

– владение капиталом для предпринимателя считалось обязательным в период становления капиталистического общества, т.е. период возникновения этого феномена. Сегодня этот признак предпринимательства нельзя считать существенным. Теперь мы говорим о предпринимателях как о менеджерах высшего звена предприятий, не являющихся собственниками капитала, но ведущими деятельность от имени собственников, более того, о государственном предпринимательстве – о предпринимательской деятельности менеджеров в рамках государственных корпораций, от имени государства;

– стремление человеческой натуры к реализации предоставляемых процессом рыночного обмена возможностей извлечения прибыли, имеющее экономическую природу и связанное с наличием рыночной неопределенности и экономической свободы, актуально и по сей день. Причем извлечение выгоды связано напрямую, не только с удовлетворением потребности предпринимателя в прибыли, но и с удовлетворением общественных потребностей. Поэтому сущностным свойством предпринимательства является не механическое перераспределение существующих благ, а созидание дополнительных;

– предпринимательский риск, основным побудительным мотивом которого является материальный интерес, т.е. прибыль, получаемая в результате рыночного обмена, и является результатом лучшего применения ресурсов в процессе хозяйственной деятельности. Также остается существенным признаком предпринимательство, причем представления о предпринимательском риске развились в так называемую теорию рисков, в которой выделены функции и классификация рисков, методы оценки рисков и методы их снижения;

– инновационность, ставшая символом предпринимательства в XX в., также присутствует в нем всегда, поскольку деятельность в условиях ускоряющегося технического прогресса требует от предпринимателя постоянной изобретательности и творческого подхода. С экономической точки зрения новаторство представляет – не открытие и не изобретение, а практическую реализацию предпринимательской идеи, коммерциализацию новых технических, технологических, организационных и иных достижений. Лучший способ преодоления рыночной неопределенности и приобретения устойчивых рыночных преимуществ – это изменение самой рыночной ситуации что возможно только посредством инновационной деятельности;

– как форма проявления личностного потенциала человека предпринимательство, безусловно, связано с человеческим фактором. Однако как бы сильно не зависела склонность к новаторству от личностных качеств человека, как явление экономической жизни новаторство, прежде всего, обусловлено характером предпринимательской деятельности. Таким образом, экономическое содержание новаторской функции предпринимательства заключается в расширении рыночного спроса.

Также нам удалось внести ясность в соотношение понятий «предпринимательство» и «бизнес» и определить, что предпринимательство отличается от бизнеса только одним существенным свойством – новаторством, приводящим к нарушению рыночного равновесия.

Таким образом, можно сделать вывод, что двигателем прогресса являются именно предприниматели, они создают и внедряют в современное производство новые технологии, воплощают в жизнь новые идеи, создают новые рабочие места. Однако стабильную экономическую обстановку в мире поддерживают бизнесмены, которые также создают рабочие места и ежегодно привносят в госбюджет основные доходы.

Рассмотрев гинезис предпринимательства за рубежом, мы выделили четыре основных этапа, характеризующихся следующими критериями:

– первый этап – внимание исследователей фиксируется на предпринимательском риске, как основном признаке предпринимателя;

– второй этап – концентрирует внимание на личностных особенностях предпринимателя;

– третий этап – возникла многофункциональная модель предпринимательства, где предпринимательство рассматривается как процесс развития идей и процесс перехода от одного равновесного состояния экономики к другому;

– четвертый этап – характерен для постиндустриальной экономики, где инновационная деятельность становится определяющим признаком предпринимательства.

Особенностью четвертого современного этапа развития теории предпринимательства является формирование в рамках синергетической теории – «синергетичес-

кой экономической теории», которая рассматривает предпринимательство как открытую систему взаимодействия внешней и внутренней предпринимательской среды.

Можно констатировать, что на современном этапе развития мирового сообщества предпринимательство выступает, одним из ключевых факторов функционирования глобальной экономики, а предприниматель – главным выразителем экономических, социальных и нравственных ценностей большой социальной группы, поэтому интерес к этому феномену, его сущности и характерным признакам – явление, не проходящее, а формирование новых подходов к природе феномена «предпринимательство» происходит по сей день и требует постоянного изучения и осмысления.

Литература

1. Дружинин В.Н. Феноменология предпринимательства: синтез экономического и психологического аспектов: статья. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/drujinina_psi/, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

2. Воронов А.А., Дыльнова З.М. Предпринимательство как особый вид социальной деятельности. Саратов: Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. Т. 5. № 1-2. 2005. С. 11-20.

3. Бейтон А., Долло К., Дре А. М., Казорла А. 25 ключевых книг по экономике. Челябинск: Урал LTD, 1999. 560 с.

4. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. 960 с.

5. Тюрго Ж. Размышления о создании и распределении богатств: Ценности и деньги / Пер. и доп. А.Н. Миклашевский. Юрьев, 1905. 80 с.

6. Исаев А.А. Начала политической экономии. 7-е изд., доп. СПб.: Кн. магазин А.Ф. Цинзерлинга, 1908. 842 с.

7. Асаул А.Н., Войнаренко М.П., Ерофеев П.Ю. Организация предпринимательской деятельности / Под ред. А.Н. Асаула. СПб.: Гуманистика, 2004. 448 с.

8. Сэй Ж.-Б. Трактат по политической экономии. Экономические софизмы; Экономические гармонии [сост., вступ. ст. и коммент. М.К. Бункиной и А.М. Семенова]. М.: Дело, 2000.

9. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 15 т. М.: Прогресс, 1991.

10. Зомбарт В. Социология / Пер. с нем. И.Д. Маркусона. Ленинград: МЫСЛЬ, 2003 – 133 с.

11. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – М: ИНИОН АН СССР, 1972. Т. 1. С. 109.

12. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / предисл. В.С. Автономова. М.: ЭКСМО, 2007. 864 с.

13. Мизес Л. Индивид, рынок и правовое государство / Антология под ред. Д. Антисери и М. Балдини. СПб.: Пневма, 1999. 196 с.

14. Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство / Пер. с англ. М.: Юнити- Дана, 2001. 239 с.

15. Найт Ф.Х. Риск, неопределенности и прибыль. М.: Дело, 2003. 360 с.

16. Блауг М. 100 великих экономистов после Кейнса. М.: Омега-Л, 2008. С. 384.

17. Смелзер Н. Социология. М.:Феникс,1994. 479 с.

18. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. М.: Экономика, 2000. 405 с.

19. Ансофф И. Стратегическое управление: Сокр. пер. с англ. / Науч. ред. и авт. предисл. Л.И. Евенко. М.: Экономика, 1989. 519 с.

20. Друкер П. Эффективное управление. Экономические задачи и оптимальные решения: пер. с англ. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1998. 288 с.

21. Pinchot G. Intrapreneuring: why you don't have to leave the corporation to become an entrepreneur. New York, Harper and Row, 1985.

22. Роберт Т., Лектер Кийосаки и Шэрон Л. Прежде чем начать свой бизнес. Минск: Попурри, 2011. 512 с.

23. Хизрич Р., Питерс М. Предпринимательство или как завести собственное дело и добиться успеха. М.: Прогресс-Уневерс, 1991. 160 с.

24. Хоскинг А. Курс предпринимательства / Пер. с англ.; общ. ред. В. Рыбалкин. М.: Международные отношения, 1993. 352 с.

25. Шумпетер И. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. С.63-64.

26. Занг В.-Б. Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории». М.: Мир, 1999. 336 с.

27. Варнеке Х.-Ю. Революция в предпринимательской культуре. 1999.

28. Колесникова Л. Предпринимательство: от «максимизации прибыли» к синергии социально-экономических систем // Вопросы экономики. № 10. 2001.

29. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф, 2000. 256 с.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Полутова М.А., канд. социол. наук, доцент, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ) polutovama@mail.ru

M. Polutova, Candidate of Sociological Sciences, associate professor, Zabaikalsky State University

Научные интересы: социология труда, социология управления, социология предпринимательства

Scientific interests: sociology of work, sociology of enterprise, sociology management

УДК 159.9

Романова Илона Валерьевна
Ilona Romanova

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ОСНОВА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОДИНОКИХ ЖЕНЩИН

THE ECONOMIC RELATIONSHIP AS THE BASIS OF LONELY WOMEN'S VITAL ACTIVITY

Установлено, что гендерная асимметрия, проявляющаяся в отношении женщин, заметно ухудшает их установки на самореализацию, самосовершенствование, творческое самовыражение, что ощутимо сказывается на их социальном статусе и положении в обществе и особенно – на социальном статусе одиноких женщин пострудового периода жизни. Выявлено, что этот период жизни не снимает с них проблему материального обеспечения. Однако в полной мере реализовать эту функцию им не удается из-за специфики рыночной среды, имеющей выраженный криминальный характер

Ключевые слова: *посттрудовой период жизнедеятельности; одинокие женщины; экономические отношения; производственные отношения; семейные отношения; потребности; наличные средства; дискриминация женщин; феминизация бедности; индивидуальные доходы*

It was stated that gender asymmetry displayed in attitude to women accentuates their self-realization, self-perfection, creativity which reflects on their social status and position in the society, especially on the social status of lonely women of post-labour period. It was proved that this period doesn't take away their financial problems. But they can't realize this function because of the peculiarities of market sphere which has vividly expressed criminal character

Key words: *post-labour period, lonely women, economic relationship, relations of production, family relations, needs, cash, women's discrimination, femenalization of poverty, individual profit*

Сущность человека в своей действительности проявляется как совокупность (ансамбль) всех общественных отношений. Общим субъективным бытием человеческой сущности являются общество и личность. Однако общество и личность осуществляют свою жизнедеятельность в конкретных исторических условиях и в конкретных исторических формах, которые в своей совокупности и взаимосвязи составляют человеческую действительность в ее реальном бытии.

Структурно-содержательный аспект человеческой действительности пре-дставляет собой общественно-экономическая формация. Раскрытие ее специфики отвечает на вопрос о том, как устроено общество, из каких структурных элементов оно состоит, каков механизм взаимосвязи между ними.

В общественно-экономической формации одним из уровней сущности человека предстает материальное производство, которое становится основой его жизнедеятельности.

Однако процесс материального производства может осуществляться только в определенной системе связей и отношений, которые складываются между людьми, независимо от их воли и желания. Социальной формой, в рамках которой и посредством которой осуществляется про-

изводство, обусловливаются отношения не только между людьми, но и между обществом и природой, являются производственные отношения.

Традиционно считается, что производственные отношения – это сфера производства материальных благ, производства орудий труда, средств производства в целом. Однако производство этим не ограничивается. Дело в том, что главной производительной силой является сам человек и, собственно, его производство и воспроизводство является главной целью производительного процесса.

Функционирование производительных сил обеспечивает, прежде всего, производство средств непосредственного обеспечения жизнедеятельности. На этой основе складывается система связей и отношений, система производственных отношений, которые следует рассматривать как экономические отношения, характеризующиеся определенной внутренней структурой и приобретающие относительную самостоятельность по отношению к другим сферам общественных отношений и к производительным силам. Экономические отношения являются важнейшей составной частью производственных отношений.

Экономические отношения можно определить как систему связей и отношений между людьми в процессе производства, обусловленных их взаимным отношением к средствам производства и проявляющиеся в:

– конкретно-исторических формах собственности;

– формах обмена деятельностью, обусловленных общественным разделением труда, различием места, положения лиц, групп, классов в системе общественного производства;

– формах распределения, обмена потребления.

Производительные силы не только обусловливают возникновение экономических отношений, но и определяют их характер. Они же с необходимостью, когда экономические отношения перестают соответствовать их развитию, обусловливают смену старых и замену их новыми экономическими отношениями. Экономические отношения оказывают воздействие не только на производительные силы, но и на все стороны жизни человека. Это проявляется в том, что они играют определяющую роль в утверждении в данном обществе общего способа распределения, обмена, потребления, определяющего степень и характер удовлетворения потребностей людей.

Можно в определенном смысле сказать, что производство и воспроизводство экономических отношений является более важным, чем производство продукта. Это объясняется тем, что производство материальных благ воплощается в определенном количестве и качестве производственного продукта, тогда как экономические отношения обусловливают способ, степень и характер удовлетворения потребностей социальных субъектов.

Производительные силы и экономические отношения составляют способ производства, являющийся основой общественно-экономической формации.

Способ производства – это конкретно-историческая, устойчивая система связей и отношений, в которой и посредством которой люди на основе их взаимного отношения к средствам производства в общении друг с другом осуществляют, регулируют и контролируют вещественный обмен между обществом и природой, а также между собой для удовлетворения своих потребностей, т.е. для обеспечения своего существования, функционирования, развития.

В данном определении подчеркивается, что способ производства есть специфический способ обеспечения удовлетворения потребностей людей, основа производства и воспроизводства человека. Он является основой общественно-экономической формации.

Внутри способа производства производительные силы обусловливают возникновение и характер экономических отношений. Экономические отношения являются той социальной формой, которая непосредственно влияет на процесс производства, на реализацию его результатов. Но

осуществление общественного производства зависит не только от экономических отношений и, в первую очередь, от взаимного отношения людей к средствам производства.

Кроме экономических отношений и отношений исторических общностей людей важную роль в структуре общественно-экономической формации играют семейные отношения. Семья является важным фактором воспитания подрастающего поколения, становления человека как субъекта социальной деятельности. Характер взаимоотношений в семье оказывает воздействие на характер отношения человека к труду, на его формирование в качестве главной производительной силы [1]. Производство, его развитие, общественное разделение труда являются главными факторами, обусловившими возникновение, становление, изменение форм семьи в историческом развитии общества. Характер же взаимоотношений в семье зависит в первую очередь от характера господствующих в обществе экономических отношений. Таким образом, брачно-семейные отношения в системе общественного производства и воспроизводства человека приобретают значение производственных отношений.

Жизнедеятельность людей в значительной мере зависит от конкретных, реально существующих способов и возможностей удовлетворения их жизненных потребностей, от тех непосредственных условий, в которых протекает их жизнедеятельность. Этой сферой отношений являются отношения быта. От уровня развития, состояния этих отношений зависит уровень производительности труда, психологическое и физическое состояние человека. С этой точки зрения отношения быта выступают в качестве производственных отношений в процессе производства и воспроизводства человека.

Реальные возможности обеспечения жизнедеятельности людей в виде наличных средств и условий удовлетворения их потребностей определяются уровнем развития материального производства. Способ, степень и характер удовлетворения потребностей определяются экономическими отношениями. Отношения быта тесно связаны со всеми сферами общественных отношений. Однако они не растворяются в них, а сохраняют относительную самостоятельность и играют важную роль в жизнедеятельности человека. Эти отношения есть ни что иное, как сфера, форма и способ осуществления непосредственной жизнедеятельности людей.

Жизнедеятельность людей осуществляется в непрерывном общении людей друг с другом. Эта сфера взаимного непосредственного общения людей между собой составляет важный структурный элемент общественно-экономической формации — межличностные отношения. Они имеют место во всех сферах жизнедеятельности людей. От характера межличностных отношений в значительной степени зависит эффективность производства, морально-психологический климат в трудовых коллективах, семье, обществе. На характер этих отношений значительное влияние оказывают личностные особенности индивидов: уровень интеллектуального развития, организаторские способности, темперамент, нравственные установки, политические ориентации и т.д.

Межличностные отношения играют важную роль во всех сферах жизнедеятельности людей. Они являются той социальной формой, в рамках которой и посредством которой решаются важные вопросы производства и воспроизводства человека. В этом плане они предстают в качестве производственных отношений [2].

Сказанное относится и к отношениям общества и личности. Эта сфера общественных отношений охватывает все стороны взаимоотношений личности и мира ее бытия — общества. Они активно взаимно воздействуют друг на друга. Общество посредством системы государственных и негосударственных институтов, учреждений выполняет регулятивную функцию по отношению к личности. Ее жизнедеятельность регламентируется не только объективно складывающимися в обществе отношениями, но и создаваемыми законами,

постановлениями, указами. В то же время, выполняя социальные функции, личность стремится к реализации своих сущностных сил путем завоевания соответствующих прав и свобод. В ходе исторического развития взаимоотношения личности и общества претерпевали существенные изменения. Характер же их зависит от характера экономических отношений.

Таким образом, все общественные отношения как формы, обеспечивающие осуществление общественного производства, выполняют функцию производственных отношений. На их основе происходит формирование социальной структуры общественно-экономической формации. Каждый из структурных элементов общественно-экономической формации, будучи обусловленным определенной системой связей и отношений, оказывает активное обратное воздействие на эти связи и отношения и друг на друга. Поэтому общественно-экономическая формация представляет собой предельную целостность, это конкретно-историческая форма существования и функционирования общества. Развитие и смена общественно-экономических формаций представляет собой структурно-содержательную сторону становления и развития человека.

Происходящая ныне смена общественно-экономической формации и связанная с этим кардинальная экономическая реформа переводят на рыночные отношения всех участников производства и коренным образом изменяет экономические отношения между ними. Прежде всего, это смена форм собственности, отказ от планомерного привлечения и распределения трудовых ресурсов в стране и переход к свободному предпринимательству, основанному на различных организационно-правовых формах собственности и на свободном найме рабочей силы через спрос и предложение ее на рынке труда. В связи с этим изменяются отношения по всей цепочке связи между людьми – от процесса труда до конечного потребления продукта труда.

Трудовая деятельность человека в течение жизни определяет занимаемое им место в обществе, степень престижности, творческий, карьерный, денежный интерес, уровень благополучия, удовлетворенность или неудовлетворенность своей деятельностью. Труд затрагивает все сферы жизни человека. Он основа человеческого существования, главный стержень истории общества и наряду с природой является источником всех богатств и ценностей человеческой культуры.

Труд, являющийся источником общественного богатства и жизненных благ, лежит в основании всех морально-этических систем. Доступность и размеры оплаты труда определяют отношение к нему, нравственную атмосферу в обществе. С трудом, его формами, характером и распределением результатов напрямую связана социальная справедливость – одна из фундаментальных категорий всех известных моральных, этических систем. Дискриминация ценностей труда, социальной справедливости, мотивации и этики трудовой деятельности приводит к деформации морально-этической системы, криминализации общественных отношений.

Вклад в понимание этой категории, ее значения в жизни человека и общества внесли древнекитайская, античная, средневековая философия, философия Нового времен, немецкая классическая, западная философия и социология XIX-XX вв. В частности, марксистская концепция деятельности сущности человека, теория социального действия М. Вебера, закон интеллектуальной эволюции О. Конта, инженерная концепция солидарности Э. Дюркгейма, исследование и работы «Европейские рабочие» Ф. Ле Пле, акционизм (социология действия) А. Турена, теория Г. Спенсера и др. Среди русских ученых большой вклад в развитие этой категории внесли П. Сорокин, С.Н. Булгаков, В.И. Ленин, В.В. Берви-Флеровский, И.И. Чангли, А.Г. Здравомыслова и др.

Наиболее полное описание трудовая деятельность получила в работах марксистских теоретиков, которые рассматривали труд как основную форму жизнедеятельности человеческого общества, исходное

условие его бытия, определяющий способ отношения человека к миру. «Труд, – писал К. Маркс, – есть независимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная, естественная необходимость, без чего не был бы возможен обмен веществ между человеком и природой, т.е. не была бы возможна сама человеческая жизнь» [3]. В работах Маркса, труд – это высшая форма деятельности человека. Немецкий ученый с исчерпывающей полнотой определил структуру, элементы, функции труда и считал его «многосложным социальным явлением».

Роль труда в развитии человека и общества заключается в том, что в процессе труда создаются не только материальные и духовные ценности, предназначенные для удовлетворения потребностей людей, но и развиваются сами работники, которые приобретают новые навыки, раскрывают способности, пополняют и обогащают свои знания.

В современной научной литературе просматриваются два основных подхода к определению трудовой деятельности: экономический и социологический. Согласно первому, трудовая деятельность – это относительно жестко фиксированный во времени и пространстве целесообразный ряд операций и функций, совершаемых людьми, объединенными в производственной организации. Конечной целью такой деятельности является создание материальных благ, средств жизнеобеспечения, жизнедеятельности, оказание услуг, производство научных идей, ценностей и их прикладных аналогов, накопление, консервация, передача информации и ее носителей.

Такое определение дается во многих работах, и в нем не находят отражения социальные отношения людей, которые возникают в процессе трудовой деятельности и существенно влияют на многие ее стороны. На это указывают в своих работах такие российские ученые, как В.С. Барулин и Е.Ф. Молевич, А.И. Кравченко, Ю.Е. Волков и др. Они считают, что целиком и полностью сводить трудовую деятельность к выполнению функциональной роли работника не совсем правильно.

Социологи, в отличие от экономистов, должны выделять в ней, прежде всего, социальные отношения. В таком случае трудовая деятельность представляет собой совокупность тех или иных видов трудового поведения (это субъективная сторона деятельности), способов осуществления социально-экономических ролей, наконец, систему трудовых мотиваций (потребности, ценности, мотивы, ожидания).

Трудовая деятельность, с социологической точки зрения, включает в себя следующие составляющие: во-первых, расходование человеческой энергии: это биологическая сторона труда; во-вторых, взаимодействие работника со средствами производства: это организационно-технологическая сторона труда; в-третьих, производственное взаимодействие работников друг с другом: это организационно-социальная сторона труда.

В процессе труда люди вступают друг с другом в определенные отношения, и именно труд является первичной основой, в которой заключено все многообразие конкретных общественных явлений и отношений. Труд изменяет положение различных групп работников в зависимости от профессии, специальности, квалификации, возраста, пола. В этом непосредственно и проявляется его сущность как социального базового процесса.

Все существовавшие и существующие общества характеризуются неравным распределением материальных и символических благ, вознаграждений и возможностей как в отношении отдельных индивидов, так и между группами внутри общества. Неравенства являются постоянной чертой человеческого общества. Во всем многообразии неравенств в обществе различаются неравенства природных возможностей и социальных позиций, а также неравенства, образующие и не образующие иерархический порядок. Их комбинация дает четыре основных типа неравенств, объединяемых в две группы:

1) индивидуальные (природные различия индивидуальных черт, характеров, интересов, уровня способностей, талантов, силы);

2) социальные (социальные различия примерно равных по рангу социальных позиций и стратификационные различия, определяющие социальную силу акторов, их жизненные шансы и возможности продвижения по социальной иерархии).

Для исследуемой категории одиноких женщин наиболее существенными являются стратификационные различия.

Экономическое измерение стратификации образует господствующая в обществе система распределения доходов. Она определяется экономическими критериями (собственность, доступ к ресурсам и т.п.) и неэкономическими (властью, престижем, уровнем квалификации, образованием, владением информацией).

Экономическое положение человека определяется его доходом. Доход – это количество денежных поступлений индивида за определенный период времени, это сумма денег, полученная в виде зарплаты, прибыли, процента, гонорара, пенсии. Доход измеряется в денежных единицах. Итак, признаки, связанные с экономическим положением людей, т.е. наличием частной собственности, видами и величиной доходов, уровнем материального благосостояния, позволяют выделить следующие слои: богатые, обеспеченные и бедные, высоко-, средне- и низкооплачиваемые и др. Следующие признаки, позволяющие выделить те или иные слои общества – признаки, связанные с разделением труда (сферой приложения, видами и характером труда, иерархией профессий, профподготовкой, уровнем образования). Соответственно этому выделяются слои: люди с высшим образованием, работники аграрного сектора, сферы обслуживания и т.д.

К категории определяющих относятся другие стороны неравенства, среди которых одной из основных является гендерное. Оно пронизывает любую систему социальной стратификации: деление по полу приводит к неодинаковому доступу к благам общества, оно всегда осуществлялось в пользу мужчин.

Социальная структура общества представляет собой определенный способ связи и взаимодействия индивидов, занимающих определенные социальные позиции (статусы). Важнейшим критерием для определения россиянами своего социального статуса является экономическое положение в различных его аспектах. Причем оно не только объективно является решающим критерием для определения населением России своего социального статуса, но и субъективно осознается им в качестве такового.

Экономическое положение человека определяется его доходом. Исследуемая нами социальная группа – одинокие женщины – считают свое участие в рынке труда экономической необходимостью. Наши исследования показывают, что более 50 % одиноких женщин являются единственными, кто обеспечивает их материальное существование, еще 27 % частично рассчитывают на материальную поддержку близких родственников.

Сказанное позволяет ответить и на вопрос, что в своей основе определяет социальный статус одинокой женщины. Так как одинокие женщины имеют доступ к образованию, вовлечены в сферу оплачиваемого труда и получают доход (в посттрудовом периоде в основном в виде пенсии), эти характеристики и должны учитываться для определения их социального положения, производной которых является профессионально-должностной статус, считающийся «универсальным индексом для классификации индивидов и определения их социального положения». В то же время, если сопоставить данный критерий со всей совокупностью традиционных критериев стратификации, то это, разумеется, только один компонент всей их совокупности, причем только в части потребления, без учета наличия или отсутствия приносящей доход собственности и других видов трансфертов.

Для построения интегральной модели стратификации российского общества в работе Н.Е. Тихоновой с соавт. [4] предпринята попытка разработать индекс уровня жизни и на основе его показателей создать шкалу вертикальной стратификации, расположив на ней россиян в соответствии с разницей их жизненных шансов в сфере

потребления. Основная проблема, с которой столкнулись авторы этой работы при построении этого индекса, заключалась в выборе и обосновании критериев реального уровня благосостояния людей. Часто в основу оценок уровня материальной обеспеченности населения социологами кладется какой-то один критерий – как правило, это либо критерий среднедушевого дохода (в условиях современной России, безусловно, скорее, искажающий, чем отражающий реальную картину), либо субъективные оценки материального положения (которые также имеют весьма косвенное отношение к действительным жизненным стандартам россиян, а скорее, являются индикатором уровня их притязаний).

Используются и иные социологические подходы, отличающиеся комплексностью исследования особенностей дифференциации уровня жизни различных слоев населения. Подобные подходы предполагают учет широкого спектра не только денежных, но и любых других доступных экономических ресурсов (инвестиционных, имущественных, жилищных и т.д.), влияющих на поддержание определенного уровня материального благосостояния россиян. Ведь накопленный ими в течение жизни непроизводственный экономический потенциал активно используется ими в их реальных жизненных практиках и имеет подчас огромное значение в процессе их выживания и адаптации, а в конечном счете – в разнице их жизненных шансов в сфере потребления и занятии определенной позиции в системе стратификации общества.

Заметно пониженный в большинстве случаев социальный статус женщин вообще и одиноких, в частности, является детерминантой неравенства полов в обществе. Социологический анализ гендерного неравенства свидетельствует об устойчивых тенденциях воспроизводства гендерного неравенства в современной России, о глубоком противоречии между курсом на демократизацию и реальным резким снижением социального статуса женщин.

Специфику социологического подхода к изучению проблем экономического положения женщины можно рассматривать на примере изучения трансформации социально-экономического статуса женщин. В данном случае можно выделить следующие тематические блоки: роль женщины в экономической жизни общества; динамика социально-экономического статуса женщины, ее общероссийские тенденции и специфика в забайкальском регионе; эмпирические индикаторы, характеризующие статус женщины в экономической сфере. В ряду таких индикаторов могут быть следующие: соотношение заработной платы мужчин и женщин, в том числе – на управленческих должностях; доля женщин среди официально зарегистрированных безработных; доля женщин, занятых на работах с тяжелыми и вредными условиями труда; уровень женской предпринимательской активности, а также уровень трудовой активности женщин; соотношение уровня доходов мужчин и женщин; субъективные оценки дискриминационных практик в отношении женщины в обществе; каналы реализации экономического потенциала в неформальном секторе экономики.

Рассмотрим основные составляющие экономического положения одиноких женщин посттрудового периода жизнедеятельности, являющиеся производными от господствующей системы экономических отношений в обществе.

Как было показано нами ранее, определяя свой социальный статус в обществе, большинство одиноких женщин руководствуется своим материальным положением и реальным образом жизни.

К основным статусным позициям, характеризующим положение одиноких женщин, отнесем их образование и профессию, положение на рынке труда, доходы и потребление, имущественную обеспеченность, наличие недвижимой собственности, качество жилищных условий, наличие сбережений и инвестиционных ресурсов, спектр доступных платных услуг, досуговые возможности.

Рассматривая положение одиноких женщин на рынке труда, необходимо еще раз обратить внимание на то, что, несмотря

на декларирование принципа равных прав и возможностей полов, одинокие женщины практически постоянно испытывают ущемление их социальных прав в экономической жизни: от прямого нарушения равных прав, например, при приеме на работу и увольнении, до создания явных препятствий женщинам пользоваться своими правами. Особенно ухудшилась ситуация с правами женщин в период осуществляющейся социально-экономической трансформации общества, когда проявились негативные тенденции явного их неравенства по сравнению с мужчинами.

Формы и методы социальной дискриминации женщин в зависимости от сфер их деятельности могут быть различными (например, немотивированное увольнение с работы или сексуальные притязания со стороны начальника). По своим видам дискриминация может быть как насильственная, так и ненасильственная. Но в любом случае в основе дискриминационных действий лежит насилие над личностью женщины. Дискриминация женщин меняет их социальный статус и социальные установки в конкретной ситуации (как семейно-бытовой, так и общественной) и влечет за собой перемены в ролевых функциях женщины.

По официальным данным [5] и нашим исследованиям [6], примерно треть руководителей предприятий различных форм собственности признают, что пред-почитают при приеме на работу мужчин, а не женщин.

В частном секторе социальная дискриминация женщин имеет выраженный авторитарный характер, ставит работницу в большую зависимость от работодателя-мужчины, чем на государственных предприятиях. Более того, уровень социальной и правовой защищенности женщин от дискриминации в частном секторе намного ниже, чем на предприятиях государственных или полугосударственных.

Дискриминация женщин в сфере труда и занятости имеет свои асоциальные последствия, означающие ожидаемые или стихийно возникающие результаты распространения того или иного социального процесса и явления, которые влияют как на социальные отношения личностей, общностей, так и на стабильность в обществе в целом. Асоциальными последствиями этих негативных процессов стали феминизация бедности, женская безработица, усиление внутрисемейной и общественной дискриминации женщин, рост насилия и преступности.

Феминизация бедности, как одна из усиливающихся тенденций завершающих десятилетий прошлого столетия, была выделена многими исследователями. В результате анализа различий в уровне бедности населения и домохозяйств по гендерному признаку установлено [7, 8], что одинокие пожилые женщины и материнские семьи (неполные семьи) (в работе мы рассматриваем одиноких матерей в широком социальном контексте и относим к ним не только тех, кто имеет юридическое право называть себя «одинокой матерью», но и тех, кто в силу определенных обстоятельств расстался с мужем, потерял мужа или тех, кто никогда не был замужем, однако имеет на своем иждивении детей. Как следует из сказанного, «неполная семья» понимается как семья, в которой забота о детях и защита их интересов осуществляется одним из родителей (в нашем исследовании матерью), проживающим совместно с этими детьми) составляют группу населения с самым высоким риском бедности.

На эту общероссийскую ситуацию накладываются глубокие межрегиональные различия в уровне жизни, размерах текущих денежных доходов, объемах сбережений и уровне адаптированности населения. Существует прямая и тесная связь адаптации населения с уровнем развития регионов. В этом смысле Забайкалье является примером региона с низким качеством жизни. По большинству социально-экономических показателей оно занимает последние места среди регионов Сибирского федерального округа.

Для материнских семей к факторам бедности относятся как низкие индивидуальные доходы одинокой женщины-матери, так и недостаточный размер госу-

дарственных трансфертов, призванных частично компенсировать отсутствие второго заработка в семье (алименты на детей после развода, пенсии детям после смерти отца, пособия одиноким матерям).

Если одни проблемы связаны с недостаточным финансированием социальных программ из бюджета (пенсии детям, пособия), то другие лежат в области экономических условий занятости женщин и оплаты их труда, неравенства экономических возможностей мужчин и женщин. Для каждого из выделенных типов домохозяйств, в наибольшей степени подверженных бедности (материнские семьи, одинокие женщины посттрудового периода), можно выделить круг факторов, способствующих обеднению этих групп населения.

Факторы бедности пожилого населения лежат в сфере недостаточности размера существующих пенсионных выплат для лиц старших пенсионных возрастов. Средний размер существующих пенсионных выплат для женщин по Забайкальскому краю (среди них более 60 % одиноких) на 01.01.2008 г. составил 3660,8 руб. при величине прожиточного минимума 3517,9 руб. Только к 2011 г. соотношение среднего размера пенсионных выплат к величине прожиточного минимума пенсионера возросло до 1,6.

В новых экономических условиях материальное положение пенсионеров и неполных семей усугубилось сокращением общественных фондов потребления. Для пожилых людей, пенсии которых не предусматривают затрат на платное медицинское и социальное обслуживание, это привело к практической недоступности данных услуг. Одинокие женщины старших пенсионных возрастов с этой точки зрения оказываются наиболее уязвимыми.

Число детей в семье – показатель, характеризующий среднюю иждивенческую нагрузку, более высокий в полных семьях: 1,6 в среднем на 1 семью по сравнению с 1,37 в неполных семьях, которые в подавляющем большинстве однодетные. Но с учетом того факта, что в половине полных семей на двух родителей приходится всего один ребенок, среди неполных семей иждивенческая нагрузка с большей вероятностью продуцирует бедность.

Отсутствие полноценной компенсации в доходах неполных семей второго заработка через систему государственных трансфертов ставит перед женщиной проблему обеспечения детей за счет ее индивидуальных доходов. Однако по сравнению с остальными работниками их карьера оказывается менее позитивной. Это объясняется ограниченным кругом областей занятости, где женщина может подрабатывать, а также препятствиями объективного характера при переходе в частный сектор: работа на негосударственном предприятии, в частном бизнесе требует больших затрат времени и полной отдачи сил, тогда как низкий уровень развития социальной инфраструктуры, сферы бытовых услуг, системы детских учреждений, а кроме этого, необходимость ухода за детьми не позволяют женщинам посвящать все время работе, в полной мере проявлять себя в профессиональной сфере. В результате предпочтение в формировании высокооплачиваемых рабочих мест на негосударственных предприятиях отдается мужчинам; женщины, как правило, используются там на вспомогательных работах. Они зачастую оказываются неспособными конкурировать на рынке труда и не имеют возможности кардинально улучшить положение своей семьи, что особенно актуально для одиноких женщин с детьми.

Данное обстоятельство вступает в явное противоречие с образовательным статусом одиноких женщин. Охарактеризуем их образовательный ценз, причем дадим его с разбивкой на сферы трудовой деятельности.

Для женщин только со средним и незаконченным средним образованием выделим одну категорию – рабочие профессии, для женщин со среднеспециальным и высшим образованием выделим техническую, включающую естественно-математическую, направленность образования и гуманитарную (см. таблицу).

Образование одиноких женщин Забайкалья, % от всей выборки

Образовательный ценз	Возрастные группы одиноких женщин	
	трудовой период	посттрудовой период
Начальное	6,5	7,4
Неполное среднее и среднее	22,5	33,4
Среднее специальное: – техническое – гуманитарное	29,1 54,3 45,7	9,6 58,2 41,8
Высшее и незаконченное высшее: – техническое и естественно-математическое – гуманитарное	38,7 50,1 49,9	25,9 60,8 39,2
Два высших образования, ученая степень: – техническое и естественно-математическое – гуманитарное	3,2 20,3 79,7	3,7 35,6 64,4

Главный вывод, который напрашивается при анализе приведенных данных, говорит о достаточно высоком образовательном потенциале женщин. Этот потенциал одинокие женщины готовы использовать на рынке труда, однако названные нами обстоятельства не позволяют сделать это в полной мере.

Продолжая далее тему экономического положения одиноких женщин посттрудового периода, остановимся еще на нескольких показателях, которые в определенной мере способствуют ее раскрытию. Среди них – имущественная обеспеченность, наличие недвижимой собственности, качество жилищных условий, наличие денежных сбережений и инвестиционных ресурсов.

По показателю имущественной обеспеченности мы выделили четыре градации уровня жизни одиноких женщин:

1) живущих на уровне бедности;
2) малообеспеченные;
3) с приемлемым уровнем жизни;
4) обеспеченным уровнем жизни.

При всей широте спектра располагаемого имущества и возможностях индивидуального выбора элементов вещной среды исследования позволили установить минимальный перечень предметов длительного пользования, которыми обладает подавляющее большинство опрошенных одиноких женщин и который это большинство в настоящее время признает минимально необходимым для нормального уровня жизни.

По результатам проведенных исследований, общепринятый имущественный набор в обязательном порядке включал в себя пять предметов: холодильник (его не имели по опросу 2008 г. 1,8 % респондентов), цветной телевизор (его не имели 8 % опрошенных), а также стиральную машину, пылесос и мебельный набор (не имели от 11,7 до 15,9 %). Отсутствие всей совокупности этих предметов повседневной жизни не было установлено ни у одной из респонденток. Отсутствие двух и более из перечисленных видов имущества (прежде всего, холодильника и телевизора) позволяет отнести существование одиноких женщин к уровню бедности. Таких женщин оказалось 4,9 %. Имущественный набор, отвечающий только указанному нами полному перечню, имели 42 % семей одиноких женщин (малообеспеченные женщины).

Следующий уровень имущественного расслоения предполагал наличие в семье одиноких женщин видео- или аудиоцентра, компьютера, различных видов бытовой кухонной техники (электрочайник, кухонный комбайн, электромясорубка, электросоковыжималка, кофеварка и другие аналогичные бытовые приборы), мобильных телефонов. На наличие как минимум 60 % названных видов имущества указало 51,7 % – по нашей градации это женщины с приемлемым уровнем жизни.

К одиноким женщинам, имеющим обеспеченный уровень жизни по обсуж-

даемому показателю (8,2 %), мы отнесли таких, кто помимо уже названных предметов имел три и более из пяти предметов длительного пользования, которые наименее распространены в повседневной жизни подавляющего большинства одиноких женщин (речь идет об автомобиле, домашнем кинотеатре, ноутбуке, посудомоечной машине, кондиционере, спортивных тренажерах и т.п.).

Здесь следует сделать оговорку, касающуюся одного из предметов длительного пользования – автомобиля. Его наличие отмечается в перечнях респонденток, уровень жизни которых определяется нами и как приемлемый, и даже как малообеспеченный. Однако качественное состояние автомобиля, косвенно оцениваемое по времени его приобретения, практически у всех одиноких женщин достаточно низкое. Это в основном автомобили отечественных марок, приобретенные 10 лет назад и более, в большинстве своем в период нахождения женщины в браке.

При анализе недвижимой собственности одиноких женщин нами не учитывалось наличие приватизированной квартиры. Это было связано с тем, что названный тип собственности за период реформ подавляющее большинство россиян получили бесплатно и используют лишь для потребления, причем, в общем, качество этих квартир приблизительно одинаковое, а шансы различных слоев населения получить такую квартиру в собственность были достаточно близки.

Используя те же градации, что и при дифференциации одиноких женщин по имущественному показателю, нами установлены их качественное содержание и примерная доля домохозяйств, отвечающих каждой из выделенных градаций. Так, около 7 % семей одиноких женщин не имеют в собственности жилье и вынуждены жить у родственников, знакомых, в общежитиях или арендовать квартиру (уровень бедности). На наличие жилья в собственности (квартира, дом) указали все остальные женщины. Их дифференциация по показателю недвижимой собственности выглядит следующим образом: 37,2 % семей одиноких женщин имеют в собственности квартиры (комнаты в коммунальных квартирах) или дома (обычно малоблагоустроенные), не отвечающие нормативным показателям по площади или благоустройству, 53 % имеют квартиры и дома по площади и коммунальному обеспечению, отвечающие нормативным показателям. Владельцами современного качественного жилья (элитный тип) оказались 7,1 % одиноких женщин. В домохозяйствах одиноких женщин двух средних градаций имеются также дачи или садово-огородные участки (51,6 %), у 11 % – гаражи.

Нами также была предпринята попытка получения достоверной информации о денежных сбережениях одиноких женщин. Подобная информация отражает не только дополнительные возможности финансирования имеющихся потребностей, но и способствует заметно лучшему социальному самочувствию, поскольку обеспечивает дополнительную прочность положения в обществе. Нами предполагалось получить эту информацию в двух ее аспектах: наличия сбережений в принципе и их количества в разрезе трех градаций: до 10 тыс. руб. (как оперативный резерв на «черный» день), до 50 тыс. руб. (стратегический резерв на лечение, помощь детям и пр.) и более 50 тыс. руб. (депозитные накопления). Однако эту попытку не удалось реализовать в полной мере. Выявлена усиливающаяся тенденция роста количества одиноких женщин, имеющих сбережения. Но недостаток фактических данных не позволяет ее интерпретировать либо как рост благосостояния одиноких женщин, либо как повышение доверия к банковской системе.

Одной из определяющих позиций социального статуса является потребление. Длительное пребывание людей в условиях однотипного качества и уровня жизни формирует слоевую субкультуру, соответствующий потребительский габитус (свободные привычки, схемы, классификации), специфический набор критериев «нормальной жизни», «нормального питания» и т.д., общепринятые в данном слое ценности, ус-

тойчивые формы организации потребления и поведения на рынке труда.

В основном низкий уровень жизни одиноких женщин находит свое подтверждение и в распределении бюджета, или что то же самое – в потреблении. Большая его часть тратится на питание, оставшийся бюджет перераспределяется на статьи, поддерживающие обязательные расходы: квартплату, одежду, медицинские услуги и лекарства.

Одной из особенностей потребления является возможность косвенной идентификации по его типу социального статуса. Женщины, которые в силу наступившего посттрудового периода понизили свой статус, продолжают некоторое время демонстрировать свой прежний социально-экономический статус за счет демонстративного потребительского поведения. Т. Веблен, американский экономист и социальный теоретик конца XIX в., ввел в оборот понятие, обозначающее это явление: «показное (демонстративное) потребление» (Conspicuous Consumption), а также «показной (демонстративный) досуг», «показные траты».

Вся суть демонстративного потребления одиноких женщин раскрывается в следующем монологе одной из респонденток, приведенном в монографии Н.П. Романовой [9], «... Мне никак нельзя выпадать из занятой страты – сразу скатишься вниз. А здесь важно все: и что на тебе надето, и макияж, и духи, и другие компоненты имиджа. А он сейчас стоит дорого. Вся моя внешность собрана по кирпичикам: одно куплю – берегу, пылинки сдуваю, коплю-коплю, приобрету другую вещь и так все время. Покупаю вещи обычно с подругой, и знаю, что на следующий день об этой акции будет знать весь коллектив.

Более всего из-за своей непредсказуемости для меня разорительны траты на работе – постоянные сборы денег на дни рождения, праздники, подарки. Но положение обязывает и приходится держать марку – с напускной легкостью отдаю часто последнее.

Восстанавливаю свою «экономику» в продуктовых магазинах. Здесь уж я никогда не делаю покупки с кем-то из своих знакомых. Только одна. Экономлю на всем...».

С точки зрения логики деятельностно-конструктивистского подхода, социальные структуры формируют условия, в которых возникает соответствующая субкультура, привязывающая людей к их статусу, обеспечивающая его консервацию. Субкультура обеспечивает и социальное исключение. Оно происходит в разных формах. С одной стороны, это буквальное неприятие, выталкивание «чужаков», наблюдающееся и в низших, и в высших слоях; с другой стороны, люди, прошедшие социализацию в определенном слое, часто чувствуют дискомфорт и даже психические муки от пребывания в чужом поле. Особенно мучителен переход «сверху вниз» – из относительно более богатого слоя в более бедный. Как раз переход такого рода сопутствует одиноким женщинам посттрудового периода.

В современных условиях ярким стратификационным признаком является наличие возможности пользоваться платными социальными услугами. При раскрытии этого показателя уровня жизни мы учитывали, что ряд необходимых и ранее бесплатных социальных услуг в России (медицинских, образовательных, оздоровительных, рекреационных) в последнее время все больше замещается преимущественно платными возможностями их удовлетворения. Однако, учитывая, что эти услуги призваны удовлетворять базовые, наиболее значимые потребности людей, неравенство их возможностей в пользовании соответствующими платными услугами имеет огромное значение.

Отражением дифференцированности возможностей одиноких женщин в этой сфере могут служить результаты анализа их ответов на вопрос анкеты: «Какими платными услугами Вы пользуетесь в своей повседневной жизни?». Ответы распределились следующим образом: мелкие платные услуги (ремонт обуви, одежды, парикмахерская, фото на документы и т.п.) – 48,5 %; медицинскими и оздоровительными – 35,3 %; образовательными и развивающими – 17,1 %; туристические или

образовательные поездки за границу – 5,6 %; строительство или покупка жилья – 3,7 %. Как следует из приведенного распределения ответов, наиболее редкие и дорогие виды платных услуг могут позволить себе только 3…5 % одиноких женщин.

Изложенное позволяет сказать, что гендерная асимметрия, наблюдающаяся в российском обществе в отношении женщин, заметно ухудшает их установки на самореализацию, самосовершенствование, творческое самовыражение, что ощутимо сказывается на их социальном статусе и положении в обществе и особенно – на социальном статусе одиноких женщин посттрудового периода жизни. Этот период жизни не снимает для большинства из них проблему дальнейшего материального обеспечения себя и поддержки детей. Однако в полной мере реализовать эту функцию им не удается из-за специфики современной рыночной среды, имеющей выраженный криминальный характер, неуправляемую скрытую безработицу, девальвацию образовательного потенциала, что в совокупности с достаточно явными проявлениями дискриминации в отношении женщин делает рынок труда для одиноких женщин в большинстве случаев малоэффективным.

Литература

1. Романова Н.П., Осинский И.И. Одинокие женщины. Чита: ЧитГУ, 2000. 231 с.
2. Романова Н.П. Моббинг. Чита: ЧитГУ, 2007. 110 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.23. С.51.
4. Тихонова Н.Е., Давыдова Н.М., Попова И.П. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества // Социс. 2004. № 6.
5. Силласте Г.Г., Кожамжарова Г.Ж. Социальная дискриминация женщин как предмет социологического анализа.// Социс. 1997. № 12. С. 112-120.
6. Романова И.В. Адаптация одиноких женщин к посттрудовому периоду жизни. Чита: ЧитГУ, 2004. 189 с.
7. Бабаева Л.В. Женщины России в условиях социального перелома: работа, политика, повседневная жизнь. М., РОНФ, 1996.
8. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению: коллективная монография (научный доклад./ Московский. Центр Карнеги; Вып. 24. М.,1998.
9. Романова Н.П. Социальный статус одиноких женщин. Чита: ЧитГУ, 2006. 310 с.

Коротко об авторе ***Briefly about the author***

Романова И.В., д-р социол. наук, помощник Уполномоченного по правам человека Забайкальского края
rik-romanova-chita@mail.ru

I. Romanova, Doctor of Social sciences, the assistant of human rights commissioner in Zabaikalsky krai

Научные интересы: философия одиночества, гендерные исследования, деловые коммуникации

Scientific interests: the philosophy of solitude, gender studies, and business communications

УДК 316.6

Романова Нелли Петровна
Nelli Romanova

Дробышевский Владимир Станиславович
Vladimir Drobyshevsky

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ

THE MAIN STAGES OF ANTICORRUPTION SYSTEM FORMATION IN RUSSIA

Рассмотрены отдельные положения, высказываемые большинством авторов, пишущих о становлении антикоррупционной системы в России. Представлены особенности формирования модели антикоррупционной системы России в исторической ретроспективе. Дана оценка коррумпированности. Обосновано, что развитие антикоррупционной системы предполагает создание четких регламентов взаимодействия государства и граждан, как потребителей его услуг

Ключевые слова: *коррупция, антикоррупционная система, этапы становления, самоорганизация, мировой кризис, модель антикоррупционной системы, правоохранительные органы, Россия монархическая, карательный характер, переходный период, предпосылки, экономические отношения*

The certain positions shared by the majority of authors interested in the anticorruption system formation in Russia are described. The peculiarities of the model of anticorruption system formation in Russia from the historical retrospection are given. The estimation to corruption is presented. It is stated that the development of anticorruption system assumes the creation of definite regulations between the state and citizens as consumers of its services

Key words: *corruption, anticorruption system, stages of development, self-organization, world crises, model of anticorruption system, law enforcement agencies, monarchist Russia, punitive character, transitional period, prerequisites, economic relations*

В литературе, посвященной проблемам борьбы с коррупцией, зачастую преобладают пессимистические утверждения, определяющие состояние российского общества с помощью таких понятий как «системная коррупция» [1], «отсутствие» или «имитация» реальной антикоррупционной борьбы со стороны государства и правоохранительных органов и т.п. Нередко сравнение состояния развития коррупционных отношений России со странами Африки или Латинской Америки.

Как правило, в большинстве исследований такой направленности справедливо говорится о высокой степени коррумпированности [2], отсутствии достаточно полного пакета антикоррупционных правовых норм и, весьма часто, об определенных чертах нашего национального характера [3], фактически делающих невозможным быстрое развитие эффективных форм антикоррупционных мероприятий [4].

Соглашаясь с отдельными положениями, высказываемыми большинством авторов, пишущих на эту тему, укажем на одно, на наш взгляд, весьма существенное методологическое упущение, свойственное таким работам. Как правило, они фикси-

руют настоящее состояние в этой сфере путем перечисления негативных факторов, несомненно, имеющих место, и явно недостаточное внимание уделяют системному подходу, требующему рассмотрения явления в единстве противоположных тенденций. Ранее в таких случаях говорилось об отсутствии диалектического подхода, в настоящее время при анализе такого сложного явления как коррупция может и должен быть реализован более детализированный подход, называемый синергетическим.

Синергетический подход отражает особенности функционирования самоорганизующихся систем, которые переходят на другой уровень развития. Синергетический подход (синергетика) предоставляет категориальный аппарат для выражения переходных процессов от одной системы к другой. Ее (синергетики) основными понятиями являются: «точка бифуркации», «флуктуация», «диссипативные системы» и т.д. Характерно, что роль случайности и свободы в точке бифуркации не просто велика, она фундаментальна. Бифуркация – определенная фаза развития, для которой характерно исчезновение прежнего системного качества и формирование нового качества. Синергетический подход описывает развитие нестабильных, диссипативных систем (отметим следующие характеристики диссипативных структур, применимых при анализе проблемы формирования антикоррупционной системы:

– они когерентны, т.е. ведут себя как единое целое и структурируются так, как если бы, например, каждый элемент, входящий в макросистему, был «информирован» о состоянии системы в целом;

– происходящие в системе флуктуации вместо того, чтобы затухать, могут усиливаться, и система эволюционирует в направлении «спонтанной» самоорганизации;

– эволюция таких систем содержит как детерминистические, так и стохастические элементы, представляя собой сопряжение необходимости и случайности;

– неравновесность как исходное состояние представляет собой источник самодвижения системы) и требует анализа именно механизмов самоорганизации, способных перевести данную систему в устойчивое состояние. В целом антикоррупционную систему можно рассматривать как один из важнейших элементов российской общественной системы, находящейся в состоянии кризиса, то есть перехода в качественно новое состояние. Специфика российской ситуации заключается в совпадении двух кризисов – кризиса России как фазы перехода в новое состояние и мирового кризиса.

Для России наступает момент, когда на первый план выходит задача самоорганизации, т.е. выработки механизма саморегуляции общества, включающего в качестве своих элементов как государственные структуры, так и специализированные институты гражданского общества. Антикоррупционная система – важнейший элемент самоорганизации российского общества. Несомненно, что сказанное не гарантирует «счастливого антикоррупционного будущего» вне всякой нашей активной деятельности, а лишь предполагает концентрацию внимания на активной выработке элементов этого механизма саморегуляции.

Прежде чем рассматривать особенности формирования модели антикоррупционной системы России в настоящем, обратимся к истории вопроса.

В развитии российских антикоррупционных механизмов можно выделить несколько этапов. Исходя из тезисов данной работы о достаточно определенной детерминации характера и уровня развития коррупции характером и уровнем развития, прежде всего, политико-экономической системы, с одной стороны, и взаимодетерминации коррупционных и антикоррупционных отношений (отношений самоорганизации) – с другой, выделим следующие этапы развития формирования российской национальной антикоррупционной системы.

Этап России монархической, когда в силу неразвитости политической системы и недостаточного уровня капиталистического хозяйства говорить об антикоррупционной системе не приходится. Это, конечно, не отрицает достаточно распространенных

фактов мздоимства и взяточничества, как и определенных правовых мер против взяточников, но заставляет еще раз осмыслить сущность коррупции [5].

Действительно, для абсолютной монархии, которая только во второй половине XIX в. и в самом начале XX в., наконец, стала развивать элементы современной — для того времени — политической, судебной системы и всячески тормозила развитие рыночных механизмов, прежде всего из-за сохранения устаревшей формы землевладения, такая проблема была не столь актуальна как в условиях капиталистического рыночного хозяйства. Коррупция, как известно, сопровождает развитие общества рыночного, когда значительная часть населения, став собственниками и активными участниками экономических отношений, становятся самостоятельными субъектами экономической деятельности, необходимым элементом в «конфликте интересов».

Следует отметить, что гипотетически правовая наука России в лице ее виднейших представителей, начиная от П.И. Новгородцева, создателя оригинальной философско-правовой теории, многочисленных государствоведов, процессуалистов, специалистов в области уголовного права, и кончая Г.Ф. Шершеневичем — крупнейшим цивилистом начала XX в., была готова к формированию правовой базы для начала формирования правовой базы российской национальной антикоррупционной системы, но история распорядилась иначе.

Октябрьская революция 1917 г. направила страну по пути создания социалистического общества, а точнее, как определял В.И. Ленин, его предпосылок — «государственного капитализма». В этой политико-экономической системе проблема коррупционных отношений при существовании практически единственного действенного субъекта политической и экономической деятельности — государства — также не могла стоять как системная.

Авторы, показывающие наличие фактов использования должностного положения в сталинский, хрущевский и брежневский периоды существования СССР (используя известное выражение А.С. Пушкина, некоторые люди «удивительно тонки в мелочах»), забывают о сущности коррупции, связанной с борьбой или «конфликтом» интересов. Институционализация таких интересов в виде относительно самостоятельной системы возможна лишь на основе многочисленного класса собственников.

В этот период борьба с коррупционными проявлениями носит чисто карательный характер. Впрочем, этого вполне достаточно, поскольку для системы характерен директивный, крайне централизованный характер управления «сверху». Естественно, что правовые средства практически малоприменимы, также как нет настоятельной потребности и в развитии соответствующих специализированных институтов гражданского общества.

Проблема коррупции как «атрибута» рыночного капиталистического государства возникает с начала 90-х гг. XX в. с проведением приватизации и образованием многочисленного слоя (еще не класса) частных собственников. Закономерен расцвет коррупции в период 90-х гг. На наш взгляд, неверны умозаключения многих авторов о том, что в определяющей мере виновником появления коррупции в России является команда Б.Н. Ельцина, которая, осуществив приватизацию по упрощенному варианту с целью быстрее создать «эффективного собственника», не смогла принять соответствующие правовые акты, которые, якобы, могли предупредить формирование коррупционных отношений. В условиях ускоренной приватизации принятие такого рода законов было просто несовместимо с российской формой приватизации. Практически и социальная группа, заинтересованная в принятии такого рода законов, отсутствовала, поскольку, как было сказано, класс собственников, пользуясь известным выражением К. Маркса, еще не превратился из «класса-в-себе» в «класс-для-себя».

Таким образом, после 90-х гг. (своеобразного «переходного» периода) наступает начало этапа создания правовых предпосылок для формирования российской анти-

коррупционной системы. Одновременно с этим происходит и развитие зачатков специализированных институтов гражданского общества, составляющих вторую, после государственных структур, часть антикоррупционной системы.

Весьма специфичным для современной России является ускоренное (а не замедленное, как считает значительная часть авторов) развитие антикоррупционной системы, когда многие внутренние объективные и субъективные предпосылки для ее формирования еще не созрели. Тем не менее, у России, как это не раз было в ее истории, не остается времени для поиска путем «проб и ошибок». Объективным фактором, определяющим ускоренную динамику формирования антикоррупционной системы, в настоящее время является активное вступление России в мировые экономические отношения, выход российского капитала на международную арену. Это обостряет проблему конкурентоспособности российской экономики и требует ускоренного решения проблемы коррупции в ее наиболее серьезных проявлениях. Дополнительным фактором нового «ускорения» борьбы с коррупцией явился мировой системный кризис.

Исторической аналогией подобного развития событий является развитие антимонопольного законодательства в США в течение исторически краткого промежутка времени (с 1891 г. по 1914 гг.), в условиях выхода США на мировой рынок в качестве одного из ведущих игроков. Совершенно очевидно, что соотношение внутренних и внешних факторов, определяющих развитие антикоррупционной системы в России в настоящее время, создает необходимые условия для ее (системы) ускоренного становления и развития.

Борьба с коррупцией, сопровождающая историю любого государства, становится наиболее актуальной в условиях становления новых государственных форм, что характерно и для современной России. Многочисленные исторические примеры и источники свидетельствуют о том, что решение этой проблемы носит сложный и длительный характер. Более того, часть исследователей говорит о принципиальной неразрешимости этой проблемы, считая коррупцию своеобразным атрибутом, т.е. неотъемлемым, обязательным свойством, современного государства. Интересно, в связи с этим, что упоминаемые далее законопроекты, а затем и закон, названы, исходя, вероятно, из этой посылки, не Законом «О борьбе с коррупцией», или «О преодолении коррупции», а всего лишь «О противодействии коррупции».

За последнее время все более отчетливо у ряда исследователей проявляется и еще один весьма важный аспект трактовки борьбы с коррупцией. Борьба с коррупцией, признает все большее число авторов, не может быть достаточно успешной, если это будет делом только правоохранительных и правоприменительных органов [6]. Никакие самые совершенные законы не в состоянии обеспечить решительный сдвиг к лучшему в этой сфере.

Соответственно, наиболее весомым показателем эффективности борьбы с коррупцией является изменение в отношении людей к коррупции, их нетерпимость к ней, а это требует включения в процесс борьбы с коррупцией гражданского общества, его многообразных институтов, и в том числе специализированных общественных организаций.

Таким образом, современный этап формирования антикоррупционной системы в России представляет собой, в известной степени, уникальное явление, соединяющее в себе ряд задач, решавшихся другими странами в других исторических условиях в более спокойных условиях без характерного для России дефицита времени.

Однако, несмотря на столь большой интерес к проблеме, явно недостаточное внимание в российской литературе уделяется такой важнейшей проблеме как создание антикоррупционной системы [7]. Именно в системности борьбы с коррупцией, организационно оформленной, по нашему мнению, и заключается залог успеха такой борьбы. Нельзя сказать, что об антикоррупционной системе в целом отсутствуют всякие упоминания. Так, в международных

документах эта проблема поднимается постоянно [8], об этом же говорят и выступления Президента РФ, других политических деятелей. Более того, как в международном плане, так и на уровне отдельных стран существуют попытки системного подхода к борьбе с коррупцией [8, 9, 10].

Для России, обладающей огромной территорией и территориально представленной самыми различными регионами с весьма своеобразными характеристиками, именно проблема формирования и развития антикоррупционных подсистем, включенных в общероссийскую антикоррупционную систему и в то же время обеспечивающих учет специфики регионов, является, несомненно, важнейшей задачей [11].

Такой подход требует создания современной нормативной базы эффективной борьбы с коррупцией.

Напомним историю разработки антикоррупционного законодательства в Российской Федерации [12, 13, 14, 15].

В 1993 г. Закон «О борьбе с коррупцией» был впервые принят Верховным Советом РСФСР, однако президент Б.Н. Ельцин наложил на него вето.

В 1995 г. Государственная Дума первого созыва приняла новый вариант, однако он не был подписан президентом.

В 1997 г. вторая Государственная Дума проголосовала за обновленный текст закона, который также не был подписан президентом.

В 2002 г. депутаты третьей Государственной Думы приняли новый вариант законопроекта «О противодействии коррупции» в первом чтении. Но далее обсуждение было приостановлено.

Требовалось приведение текста Закона к соответствию различного рода международным правовым актам по борьбе с коррупцией. Такая работа особенно активно стала вестись с начала 2000-х гг. Обозначим некоторые вехи данной работы.

Федеральный закон «О ратификации Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» (от 28 мая 2001 г. № 62-ФЗ).

Федеральный закон «О ратификации Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» (от 28 мая 2001 г. № 62-ФЗ).

Федеральный закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции».

Федеральный закон от 25 июля 2006 г. № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию».

И уже летом 2005 г. спикер Государственной Думы Б. Грызлов объявил о планах разработки нового законопроекта. Через год, в сентябре 2007 г., премьер-министр В. Зубков сообщил, что в начале 2008 г. будет рассматриваться новый закон о борьбе с коррупцией. За истекшее время нами были подписаны некоторые дополнительные международные документы и в результате 19 ноября 2007 г. председатель комиссии Госдумы по борьбе с коррупцией Михаил Гришанков («Единая Россия») заявил журналистам, что законопроект «О противодействии коррупции» может быть принят в весеннюю сессию Госдумы РФ.

Отметим, что серьёзный антикоррупционный потенциал заложен в Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006-2010 гг. и плане мероприятий по её проведению, одобренных распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 октября 2005г. № 1789-р.

В 2008 г. по инициативе Президента РФ Д.А. Медведева принят Национальный план борьбы с коррупцией, который позволил резко активизировать данную работу. И, наконец, 30 декабря 2008 г. опубликован действующий в настоящее время Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. Т 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Фактически именно в 2008-2009 гг. развернулась наиболее бурная правотворческая деятельность, в ходе которой стал формироваться целый блок законов, направленных на противодействие коррупции. Так, тогда же был опубликован

Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 274-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии коррупции»». Был опубликован и Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции»».

В 2009 г. продолжилась работа по совершенствованию российского законодательства, принятию дополнительных ведомственных и отраслевых правовых актов.

Иногда постсоветский этап становления антикоррупционной системы России связывают только с деятельностью президентов и, исходя из этого, выделяют соответствующие периоды. Думается, что при допустимости такого подхода следует всё же подчеркнуть, что на постсоветском этапе в качестве первого целесообразнее выделять длительный период становления основ правовой базы становления антикоррупционной системы России. Задачи данного периода ещё далеко не достигнуты, поскольку предстоит большая работа по приведению всего законодательства России в соответствие с целями антикоррупционной работы, проверке огромной массы законов и других нормативных актов на коррупциогенность [16].

Напомним, что нормотворческая деятельность в этой сфере не ограничивалась лишь инициативами Госдумы и президентов России. Регионы активно включились в эту работу. В ряде регионов России успешно решался вопрос о принятии региональных нормативных правовых актов, аналогичных федеральному законопроекту. Так, например, в Нижегородской области был предложен проект регионального закона «О противодействии коррупции в Нижегородской области». Закон Республики Татарстан «О противодействии коррупции в Республике Татарстан» принят Государственным Советом РТ ещё 30 марта 2006 г.

Аналогичная работа велась в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах. Например, ещё до объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в Усть-Ордынский в Бурятском автономном округе уже было принято Постановление «О противодействии коррупции». В Приморском крае разработан проект краевого закона о противодействии коррупции. Естественно, встал вопрос и о разработке соответствующего Закона в Забайкальском крае, который и был создан [17].

Следующий период, практически уже начавшийся, характеризуется институционализацией антикоррупционной системы, т.е. началом создания развитой системы государственных и негосударственных органов, специализирующиеся на борьбе с коррупцией. Пример западных стран говорит о необходимости создания специализированных органов по борьбе с коррупцией. Так, в последние годы в большинстве европейских стран созданы специализированные органы по борьбе с коррупцией. Однако, хотя, по мнению экспертов, только эта мера не способна полностью искоренить коррупцию, но возможно снижение уровня коррупции до такого предела, когда она не будет представлять угрозы социальному и экономическому прогрессу.

В рамках действующего в настоящее время уголовного и административного законодательства в большинстве структур МВД, Прокуратуры, ФСБ и т.д. ведется борьба с такими, например, явлениями как взяточничество, использование служебного положения в личных целях и т.п.

Комиссия Государственной Думы РФ по борьбе с коррупцией. До 1996 г. в России существовала Служба безопасности президента во главе с А. Коржаковым, которая одной из своих задач имела противодействие коррупции.

В 2003 г. В.В.Путин создал Совет при Президенте РФ по борьбе с коррупцией

и назначил его руководителем тогдашнего премьер-министра Касьянова, который вскоре был смещен с обоих постов.

В феврале 2007 г. Президент РФ издал Указ, упразднивший Совет по борьбе с коррупцией. Взамен была создана межведомственная рабочая группа во главе с помощником главы государства В. Ивановым. Она разработала проект рамочного федерального закона о противодействии коррупции.

Отметим также важные шаги в направлении координации антикоррупционной борьбы, которые делались Генеральной прокуратурой России. Российская газета ещё 21 ноября 2006 г. сообщила: «Юрий Чайка предложил сделать Генпрокуратуру РФ главным надзорным и координирующим органом в реализации государственной политики по борьбе с коррупцией... В Генпрокуратуре сформирован специальный отдел по надзору за расследованием коррупционных преступлений». В аппаратах областных прокуратур приказами прокуроров различных областей образовывались отделы по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции.

Однако это не решило проблемы и по настоящее время в России отсутствует единая, целостная специализированная структура по вопросам противодействия коррупции.

Важной составной частью российской антикоррупционной системы должны стать создаваемые на различных уровнях специальные общественные антикоррупционные органы. Такая работа также началась в конце 90-х гг., 29 сентября 1999 г. прошла учредительная конференция Национального антикоррупционного комитета (НАК). Это общественная организация. Среди задач НАК «консолидация сил гражданского общества для борьбы с коррупцией, общественная защита всех, кто пытается выявлять факты коррупции и бороться с ней». Одной из задач НАК было определено проведение экспертиз законопроектов и действующих правовых актов, выявление условий, способствующих появлению коррупции. Председателем НАК избран Сергей Степашин. Знаменательно, что в состав комитета вошли представители ведущих политических партий и движений, а также ряд видных политических деятелей и политологов: Николай Гончар, Сергей Караганов, Георгий Сатаров, Михаил Краснов, Владимир Лукин, Борис Немцов и Ирина Хакамада, Сергей Шахрай, Юрий Рыжов, Виталий Третьяков, Рамазан Абдулатипов, Андрей Кокошин.

Однако объединения антикоррупционных сил не произошло и не могло произойти по ряду причин. Во-первых, количество региональных общественных антикоррупционных групп и центров было относительно невелико, во-вторых, отсутствовала необходимая правовая база для развертывания данного движения, опосредованно сказались и процессы, происходившие в социальной сфере (продолжалось переформатирование класса собственников) и соответственно в экономической сфере. Поэтому потребовалось испытание новых форм консолидации сил государственного аппарата и общественных институтов.

3 сентября 2004 г. создан Национальный Антикоррупционный Совет РФ, а в его рамках 19 апреля 2005 г. – автономная некоммерческая организация «Агентство по борьбе с коррупцией в Российской Федерации». Генеральным директором Агентства стал Михаил Лашков. В «Программе приоритетных направлений деятельности Агентства по борьбе с коррупцией в Российской Федерации» определены: Институциональное положение Агентства, его Задачи, Сферы деятельности, Пропаганда и образование, направления и формы Международного сотрудничества, Принципы работы Агентства. Приведем важнейший раздел Программы – «Задачи Агентства».

– Организация взаимодействия федеральных органов власти с институтами гражданского общества в сфере борьбы с коррупцией. Выработка единой политики общественных организаций. Подготовка и реализация антикоррупционных соглашений между корпоративными ассоциациями и органами государственной власти.

– Принятие и рассмотрение жалоб, касающихся предполагаемых коррупцион-

ных действий, консультирование граждан и организаций по методам противодействия и ограничения коррупции. Создание службы юридической защиты жертв коррупции, включающей постоянно действующие «горячие линии».

— Организация научных исследований и реализация научно-прикладных проектов в рамках антикоррупционных программ Российской Федерации. Представительство в федеральных органах законодательной и исполнительной власти, а также в органах власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих реализацию антикоррупционных программ. Сбор и анализ данных о коррупции в стране, изучение деятельности органов власти и административных процедур с точки зрения их коррупционности. Экспертиза нормативных актов на их коррупционность. Ведение расследований по всем приписываемым или предполагаемым коррупционным нарушениям, случаям вымогательства и шантажа, злоупотребления служебным положением в корыстных целях, в соответствии с нормативно-правовой базой, установленной действующим законодательством.

— Информирование общественности о ходе реализации государственной антикоррупционной программы. Пропаганда действий федеральных органов исполнительной власти в области борьбы с внутриведомственной коррупцией.

Как мы видим, данный документ закрепил многое из наработанного ранее и мог служить своеобразной калькой для развертывания процесса создания второй важнейшей составляющей российской антикоррупционной системы.

По нашему мнению, для регионов особое значение имеют следующие направления развития форм общественного участия в противодействии коррупции:

Активное участие гражданского общества в предупреждении и противодействии коррупции происходит с применением следующих мер:

1) обеспечение доступа населения к информации по проблемам коррупции;

2) информирование населения о проводимых мероприятиях, направленных на предупреждение и противодействие коррупции;

3) внедрение образовательных и учебных программ по противодействию коррупции в учебные планы средних общеобразовательных, средних специальных и высших учебных заведений.

Учитывая мнение большинства экспертов, что успешность борьбы с коррупцией обеспечивается, в конечном счете, включением в нее гражданского общества и формированием у граждан устойчивых установок на неприятие и активное противодействие коррупции, именно эти направления весьма и весьма важны.

В настоящее время в большинстве регионов существуют различного рода общественные организации, структуры, комитеты, ставящие своей целью содействовать борьбе с коррупцией. Наиболее известной организацией в этой сфере является фонд «Индем», регулярно публикующий результаты своих исследований. В большинстве регионов России сформировались различные по названию общественные антикоррупционные комитеты и общества. Например, в Рязани существует «Региональный антикоррупционный комитет», в Самаре Программа «Партнерство по противодействию коррупции в Самарской области» и т.д. Имеются мощные антикоррупционные комитеты и общества и на Дальнем Востоке. К сожалению, в Забайкальском крае общественного органа, заявившего бы о себе так же громко, как в указанных и многих других российских регионах, не замечается. А ведь Забайкальский край известен развитой лесопромышленной сферой, которая, по мнению большинства исследователей коррупции, является наиболее коррупционной.

Таким образом, в нашем регионе назрела необходимость создания соответствующей действенной общественной структуры, которая могла бы обеспечить реализацию задач, предусмотренных законами России.

Среди специфических задач, стоящих перед региональной антикоррупционной системой, выделим развитие научных теоретических и прикладных исследований

проблем коррупции. Известно, что основными источниками информации о коррупции являются, наряду с официальной государственной статистикой, информацией, публикуемой по линии правоохранительных и правоприменительных органов, исследования (основанные на социологических опросах и экспертных оценках), проводимые международными организациями, ведомственными структурами, структурами антикоррупционных объединений и учеными в регионах. Среди масштабных исследований, проводимых общественными организациями в России, наиболее известны исследования фонда «Индем».

Регулярные исследования проводятся и существующими в регионах антикоррупционными общественными организациями, результаты которых становятся достоянием общественности в результате публикации монографий, статей, отчетов. Без такого рода информации невозможно эффективное противодействие коррупции. Здесь и возникает проблема финансово-материального обеспечения развития региональных системных исследований. Подобные исследования проводились, в частности, авторами данной статьи, которым известно о достаточно больших объемах затрат.

Характерно, что проводящий такого рода исследования с последующей публикацией результатов фонд «Индем» достаточно регулярно благодарит иностранных спонсоров. Решение этой проблемы для регионов возможно только при опоре на целостную антикоррупционную региональную систему, в составе которой целесообразно иметь как представителей правоохранительных органов, располагающих определенной материально-технической базой печатания соответствующих кратких отчетов и анализов, и спонсорской группы из представителей бизнеса. Считаем, что системность этой работы может быть обеспечена лишь в результате создания на основе координационнного воздействия региональных отделений Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, объединяющих усилия всех исследователей коррупции.

Несомненно, что противодействие коррупции требует координации деятельности как представительных, законодательных, исполнительных и судебных органов, так и комплекса институтов гражданского общества. В свою очередь согласованность действий институтов гражданского общества региона – важнейшее условие учета специфики региона и обеспечения эффективности действия федерального и местного законодательства.

Создание эффективно функционирующей антикоррупционной системы предполагает решение ряда последовательных задач.

Первый шаг – создание минимума правового обеспечения деятельности антикоррупционной системы. К решению данной задачи Россия приступила с подписанием ряда важнейших международных актов.

Фактически, с принятием ФЗ «О противодействии коррупции» и ряда других нормативных актов, перечисленных ранее, можно говорить о необходимости перехода к следующему периоду – создания системы институтов, организаций по борьбе с коррупцией, координирующих свою деятельность в общероссийском масштабе.

Одновременно с этим предстоит постепенная и последовательная коррекция всей системы законодательства России, обеспечивающая формирование предельно полной нормативной базы антикоррупционной деятельности. Несомненно, что этот период предполагает развитие различных элементов и всей структуры политической системы России.

Наиболее легко решаемая, в организационном плане, задача – формирование соответствующих антикоррупционных структур, подразделений и программ в различных ветвях власти, в правоохранительных и правоприменительных органах. Организационно эта задача решается при наличии властной вертикали достаточно просто.

Однако практика показывает, что искоренение коррупции в ее наиболее сложном сегменте – государственном, управленческом аппарате – невозможно без сопровож-

дающего административные мероприятия развертывания активности институтов гражданского общества, правового просвещения, в первую очередь через систему высшего образования и воспитания антикоррупционных установок у различных групп населения. Более того, административные мероприятия в государственных структурах, как показывают наши исследования, не подкрепленные развитием деятельности институтов гражданского общества, оказывают негативное воздействие, укрепляя в сознании больших групп населения неверие в искренность намерений властных структур.

Соответственно, формирование устойчивых антикоррупционных установок на основе восстановления утерянных базовых нравственных норм – задача следующего, третьего, периода. Это возможно лишь при согласованной деятельности как государственных, так и общественных структур. Дополнительным условием перехода к решению задач третьего периода является становление не только правового, но и социального государства, задачи, которая, в силу разных причин, в том числе и системного кризиса, будет решаться на протяжении гораздо более длительного времени.

Развитие институтов гражданского общества и его структур как необходимый элемент антикоррупционной системы в настоящий момент требует особого внимания. На протяжении второй половины 90-х гг. XX в. в России возникло множество различного рода антикоррупционных центров, обществ.

Наиболее известным и продуктивным с точки зрения проведения масштабных исследований в стране является Региональный общественный фонд «Информатика для демократии» (Фонд «ИНДЕМ»), обладающий развитой структурой и выполняющий большую и многообразную работу в области политологии, социологии, социальной психологии, права и юриспруденции, экономики, информационных технологий. Значимость исследований Фонда определяется их комплексностью, на протяжении ряда лет фонд ведет разработки по обработке данных, избирательным технологиям, борьбе с коррупцией, построению репрезентативных российских выборок для социологических исследований и др. В составе Фонда «ИНДЕМ» работают «Центр этнополитических и региональных исследований», «Центр по изучению теневой экономики и коррупции»; «Центр содействия правосудию», «ИНДЕМ» регулярно публикует соответствующие доклады (напр., «Диагностика российской коррупции: социологический анализ»; «Бизнес и коррупция: проблемы противодействия-2006».

Следует отметить и некоторые негативные черты процесса формирования элементов антикоррупционной системы в России в настоящи период. Особо настораживающий факт – неразвитость структуры антикоррупционных институтов гражданского общества и отсутствие достаточно четкой структурированности и координации деятельности этих центров и обществ. В условиях отсутствия антикоррупционного законодательства и наблюдавшегося в этой сфере безразличия государства к проблеме наиболее известные центры стали ориентироваться на решение частичных задач. Среди этих задач выделились такие, как проведение преимущественно социологических исследований степени коррумпированности отдельных государственных структур, выпуск различного рода отчетов, монографий, выступления в средствах массовой информации.

В силу отсутствия на этом этапе (90-е гг.) действенных и понятных населению мер по противодействию коррупции со стороны государственных структур деятельность соответствующих центров стала преимущественно восприниматься как оппозиционная, как деятельность политической оппозиции. Характерно, что среди этих центров стала обычной ориентация на сотрудничество с международными общественными организациями, такими как Международная антикоррупционная организация TRACE, «Transparency International» (TI), Фонд Карнеги и др.

Отметим, что многие из них имеют отделения и в России. Transparency Interna-

tional, международное негосударственное и некоммерческое общественное движение, направленное исключительно на противодействие коррупции, регулярно публикующее отчеты о коррупции в различных странах мира – «Барометр мировой коррупции», имеет российское отделение «Transparency International Russia.

С 1993 г. существует и Московский Центр Карнеги, который основан Фондом Карнеги за Международный Мир. Это исследовательская организация, призванная изучать коренные проблемы российской внутренней политики, экономики и международных отношений. В презентациях Фонда Карнеги за Международный Мир подчеркивается, что «основанный в 1910 г. Фонд политически независим и ориентирует свою деятельность на достижение практических результатов», а также, что Фонд «является частной, некоммерческой организацией, призванной способствовать развитию международного сотрудничества». В то же время в тех же презентациях говорится и о такой задаче как «поддержание активной позиции США на международной арене».

Подобного рода международные организации, не обладая реальными возможностями борьбы с коррупцией, взяли на себя функцию сравнительной оценки степени коррумпированности различных стран и выработки антикоррупционных программ для слаборазвитых стран, что рассматривается как их существенный вклад в борьбу с коррупцией.

Не стоит отрицать значимости такой работы. В то же время здесь имеются непростые вопросы, связанные опять-таки с методологическими аспектами выбора форм, методов и направлений антикоррупционной работы, а отчасти и с вопросами национальной безопасности. Методологические проблемы определяются характерным для США (именно США в первую очередь и являются основными спонсорами и кураторами данных организаций) акцентом на развитии нормативно-правовой базы при неявном отстранении от политической и экономической проблематики, что парадоксальным образом (что, впрочем, вполне логически объяснимо) приводит к абсолютизации соответствующих политических и экономических форм США, находящихся на иной ступени развития и характеризующейся иной ценностной системой. Аксиологический (ценностный) аспект, как правило, при такого рода исследованиях и выработке рекомендаций по борьбе с коррупцией остается вне поля зрения исследователей, и это фактически способствует внедрению системы ценностей другой культуры.

Известно, что проблема сохранения и развития национальной ценностной системы становится в настоящее время наиболее острой и определяет в решающей степени результаты конкурентной экономической и политической борьбы различных стран, то есть имеет непосредственное отношение к вопросам национальной безопасности. Унификация системы национальных ценностей при известных обстоятельствах (навязывании системы ценностей одной из стран другим, находящимся на другой стадии и решающим свои задачи) становится орудием борьбы. Необходимость учета такого рода специфических последствий взаимодействия формирующихся антикоррупционных систем становится особенно важной в силу и того факта, что в антикоррупционные системы входят подразделения и отделы правоохранительных и правоприменительных органов.

Поскольку оценка степени коррумпированности является в силу нечеткого определения самого понятия «коррупция» достаточно субъективной, результатом этого явилась определенная политизация деятельности как международных антикоррупционных организаций, так и российских национальных.

Оценка коррумпированности представляет собой самостоятельную научную проблему. Существуют достаточно опосредованные рядом промежуточных процедур обобщенные оценки респондентов и более объективные показатели, характеризующие собственно коррупционную практику, а не ее оценку. При этом и более объектив-

ные показатели в условиях расхождений в данных, методиках и доступности результатов национальной (особенно, связанной с правоохранительной и правоприменительной деятельностью) статистики также требуют многократной проверки и корреляции.

На определенном этапе все перечисленное привело в России к некоторому расхождению задач официальных структур и общественных антикоррупционных центров, сосредоточившихся на вопросах исследования проблем коррупции и использовании результатов для политической пропаганды.

Таким образом, формирование российской антикоррупционной системы как специфического институтционализированного образования, несмотря на имевшиеся исторические предпосылки, было поставлено в повестку дня с переходом страны к рыночной экономике.

Декларирование демократизации российского общества в условиях его кризиса способствовало возникновению отдельных элементов системы саморегуляции, способной предотвратить негативные последствия полного разрушения государственного регулирования. 90-е гг. и начало XXI в. характеризовались появлением широкого спектра антикоррупционных центров, обществ и попытками создать минимальную правовую базу для антикоррупционных действий. В этот период на развитие данных центров большое влияние оказывают связи с международными и иностранными антикоррупционными центрами.

С установлением определенного баланса между действиями государства и частного капитала с 2000 г. начинается период ускоренного создания нормативной базы антикоррупционной системы, включающий в первую очередь ратификацию соответствующих международных правовых актов, принятие в ряде регионов местных законов о противодействии коррупции и подготовку к принятию, а затем и принятие на этой основе соответствующего Федерального Закона.

Принятие разнообразных ведомственных антикоррупционных программ и создание в органах исполнительной власти (в том числе и на местном уровне), правоохранительных органах, в структурах Законодательной и представительной власти служб и подразделений, специализирующихся на вопросах противодействия коррупции, создает в этот период реальную возможность для формирования общероссийской антикоррупционной макросистемы. Основной задачей данного периода является формирование региональных антикоррупционных систем, объединяющих деятельность государственных органов и общественных организаций.

Формирование общероссийской антикоррупционной системы в условиях нарастания мирового кризиса представляет собой уникальный опыт, несводимый к историческому опыту западных стран, и характеризуется несравненно более жесткими условиями, исключительно кратким периодом времени для его осуществления, а также гораздо большей ролью общественных организаций, потенциально обеспечивающих формирование системы общественной саморегуляции.

Первоначально вопрос казался несложным и решаемым на основе достаточно простой нормативной базы. Так, 4 апреля 1992 г. Президентом Российской Федерации подписан Указ «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы», в развитие которого 8 октября 1992 г. Указом Президента РФ «О мерах по защите прав граждан, охране правопорядка и усилению борьбы с преступностью» образована «Межведомственная комиссия по борьбе с преступностью и коррупцией» при Совете Безопасности РФ, основным направлением деятельности которой является разработка и координация федеральных программ по предупреждению и пресечению коррупционных правонарушений.

Тогда же (1993 г.) имела место и первая попытка сформулировать понятие «коррупция» и закрепить его в Законе РФ: «Под коррупцией в настоящем Законе понимается использование лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, своего официального положения

и связанных с ним возможностей для противоправного получения материальных, любых иных благ и преимуществ, а также предоставление им этих благ и преимуществ физическими и юридическими лицами» [18]. Но простота оказалась обманчивой. Разработанный и принятый Государственной Думой в 1993 г. Федеральный закон «О борьбе с коррупцией», как уже говорилось, не был введен в действие.

Проблема коррупции, осознаваемая всеми, поднималась практически каждый год, но для создания антикоррупционной системы не созрели необходимые предпосылки, хотя её острота росла.

Не случайно борьба с коррупцией стала одной из составляющих предвыборной кампании кандидата Медведева на пост Главы Государства. На Всероссийском гражданском форуме Медведев объявил о том, что в случае прихода к власти он намерен добиться выработки национального плана борьбы с коррупцией. С первых же дней работы в Кремле преемник В.В. Путина на посту президента страны Дмитрий Медведев активно приступил к реализации своей предвыборной программы. 19.05.2008 эта работа вступила в решающую фазу. «Хватит ждать, – заявил Медведев, проводя соответствующее совещание в Кремле, –коррупция превратилась в системную проблему, и этой системной проблеме мы обязаны противопоставить системный ответ».

В России уровень коррупции оставался по-прежнему высокий. Медведев привел следующие данные – в 2007 г. возбуждено десять с половиной тысяч уголовных дел в этой сфере. «Но мы прекрасно понимаем, что это просто вершина айсберга», – усомнился в объективности официальной статистики Глава Государства. Оно и понятно – коррупция всегда носит скрытый характер, поэтому трудно поймать взяточника за руку. «Трудно найти, трудно расследовать и трудно привлечь к ответственности коррупционеров» [19]. Было решено образовать Совет при Президенте РФ по противодействию коррупции, который возглавил сам президент [20].

Фактически разрозненные до этого усилия обрели организационный центр и началось активное развитие антикоррупционной системы. При этом содержанием антикоррупционных мероприятий в сфере государственного управления является ограничение или сокращение до минимума различных полномочий, влекущих коррупционное поведение участников отношений; ликвидация институциональных и организационных причин для конфликта интересов. Это предполагает, в свою очередь, установление научно обоснованных критериев для определения оптимальной структуры и численности органов исполнительной власти.

Необходимым элементом содержания антикоррупционной деятельности является максимально возможная декоммерциализация государственной и муниципальной деятельности на путях делегирования ряда публичных социальных и правовых услуг негосударственным структурам. Всё это возможно лишь при обеспечении информационной прозрачности как процесса принятия решений органами исполнительной власти, так и использования ими бюджетных средств, что требует, в частности, расширения доступа к финансовым документам государственных органов со стороны негосударственных, общественных организаций и, конечно, средств массовой информации. Это может сыграть положительную роль лишь при введении механизмов общественного влияния на деятельность министерств и ведомств, органов государственного и муниципального управления.

Фактически начала складываться государственная антикоррупционная стратегия, определяющая разработку и осуществление целенаправленных и последовательных мер государства и общества по противодействию коррупции, рассчитанных как на долгосрочную перспективу, так и на ближайшее время. Системное и постоянное противодействие коррупции было определено в качестве стратегической задачи государства.

Задача предстала не только как борьба с коррупцией. Антикоррупционная деятель-

ность стала приобретать положительный, системосозидающий характер, поскольку затронула и правовую, и экономическую, и политическую, и социальную в узком смысле данного понятия сферы. Достаточно сказать, что необходимым элементом антикоррупционной деятельности является признаваемая многими авторами необходимость разделения полномочий органов власти на основе различных типов выполняемых ими функций. Такое разделение функций, по мнению специалистов [21], позволит:

— избавиться от институционального конфликта интересов;

— определить области передачи функций и вывести выполнение тех или иных коррупционноемких операций за пределы государственного аппарата;

— повысить эффективность управления за счет сокращения избыточного контроля.

Также необходимо обязательное введение административных регламентов и широкое внедрение технологии «электронного» правительства. Совокупное действие таких изменений приведет к ощутимому снижению уровня коррупции.

Институционализация антикоррупционной системы определяется достаточно высокой степенью институционализации самой коррупции. Переходный характер современного российского общества предопределил ускоренную институционализацию коррупции [22], а это выразилось в формирование устойчивых коррумпированных сегментов общества, в которых политическая сила государства фактически переподчиняется узкогрупповым интересам меркантильных чиновников. Состояние институционального пространства переходного общества не только порождает коррупцию и создает условия ее социальной легитимации, но и способствует расширению поля институциональных коррупционных практик.

Именно переходный характер современного российского общества, характерной чертой которого является наличие двух типов несовместимых институтов — рыночных и нерыночных, административных — привёл к формированию коррупциогенной модели переходной институциональной структуры. Предпосылка коррупциогенности была реализована в виде общества с высоким после советского периода уровнем коррупции именно в результате неоднородности нормативно-правовой системы российского общества 90-х, приведшим к неустойчивости норм, их динамизму при одновременном сосуществовании правовых актов, имеющих различную социально-экономическую природу; сказались и другие факторы — разнокачественность и переходный характер управленческих структур, что повлекло за собой известную неуправляемость.

Сказалась и разнокачественность экономической и правовой систем. В этих условиях проявляется несовместимость между институтом частной собственности и правовой системой, которая в ряде случаев не только не защищала право частной собственности от административного произвола, но и обеспечивала приоритет интересов чиновников. Такая ситуация с необходимостью в условиях переходного периода приводит к росту коррупции.

Однако само по себе изменение законодательства не может автоматически обеспечить распад системы коррупционных отношений, приобретающих форму своеобразного адаптационного механизма. Ведь законодательство действует через людей, а поскольку возникла система коррупционных отношений, отношений институционализированных, то и преодоление их возможно только через создание соответствующей системы антикоррупционных отношений, которые также должны институционализироваться.

Такого рода институтционализация началась с главного общественного института — государства. В стране после 2000 г., в так называемый «путинский период», сделана попытка обеспечить успех борьбы с коррупцией за счёт административной реформы и построения вертикали власти.

Опыт такого административного действа уже был — в сталинский период. Сталинская модель борьбы с коррупцией опиралась на тотальный государственный контроль за поведением государственных

служащих, используя модель внутрибюрократического контроля и иерархической ответственности. В условиях социалистического общества в период его раннего развития этот опыт был в определённой степени результативен. Однако уже в период позднего социализма он перестал себя оправдывать.

Это не означает его полной несостоятельности и неприменимости в несоциалистических условиях, что доказывает его временный успех в период административной реформы и построения вертикали власти начала XXI в. Более того, программы внутриинстиуционального государственного контроля осуществления власти и реализации административных полномочий являются обязательными в переходный период, когда происходит становление новой системы управления. Однако по мере становления новой системы общественных отношений необходимо развитие антикоррупционной системы уже в единстве государственных институтов и институтов гражданского общества.

Тем не менее, развитие антикоррупционной системы и на следующей более зрелой стадии предполагает создание четких регламентов взаимодействия государства и граждан как потребителей его услуг. Вполне вероятно, что роль развития системы внутригосударственного контроля как одного из направлений создания антикоррупционной системы может в силу определённых причин периодически возрастать. Это связано не только с такой, отмечающейся многими исследователями, особенностью российской политической системы как «властецентризм», персонифицированность авторитарной власти, но и с проблемой системного мирового кризиса и продолжающимся процессом отработки оптимальной модели нашего развития.

Литература

1. Косалс Л.Я. Институционализация коррупции в постсоветской России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http//www.council.gov.ru/kom_home /kom_mol/skorauthors.htm.

2. Кузьминов Я. Коррупционное поведение в России стало нормой… // Чистые руки. 2000. № 4.

3. Симония Н.А. Особенности национальной коррупции // Свободная мысль – XXI. 2001. № 7-8.

4. Римский В.Л. Коррупция как системная проблема российского общества и государства. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http//www.council. gov.ru/kom_home/ kom_mol/ skorauthors.htm.

5. Голованова Е.И. Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI-XIX вв.: историко-правовое исследование: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2002.

6. Горный М.Б. Коррупция в России: системная проблема и системное решение (Вместо введения) // Гражданское общество против коррупции в России. СПб., 2002.

7. Совет Европы Комитет министров. Резолюция (97) 24 «О двадцати принципах борьбы с коррупцией» (принята Комитетом министров 6 ноября 1997 г. на 101-й сессии); Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.); Обращение «Борьба с коррупцией на высоком уровне» (принято лидерами «Группы восьми» в Санкт-Петербурге по итогам саммита 16 июля 2006 г.).

8. Клюковская И. Н. Коррупция в России: понятие, состояние и проблемы противодействия: автореф. дис.… канд. юрид. наук. Краснодар, 1999;

9. Селихов Н. В. Коррупция в государственном механизме современной России (Теоретические аспекты): автореф. дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.

10. Федоровская М.А. Уголовно-правовые, криминологические и организационные проблемы противодействия коррупции и должностным преступлениям: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2003.

11. Чуклинов А.Е. Краткий анализ динамики антикоррупционной политики в России за последние 10 лет (1992-2002) и ее перспективы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http// www.council.gov.ru/kom_home/ kom_mol/skorauthors.htm.

12. Лопатин В.Н. Современное состояние и перспективы антикоррупционного законотворчества в России: матер. Всерос. науч. конф. «Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России» (Москва, 6 июня 2007 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http//www.council.gov.ru/kom_home/ kom_mol/skorauthors.htm.

13. Мишин Г.К. О предпосылках и состоянии работы над специальным антикоррупционным законом «О предупреждении злоупотребления властью или служебными полномочиями на верхнем уровне управления государством». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http//www. council. gov.ru/kom_home/ kom_mol/skorauthors.htm.

14. Психомахов Р.М. Правовые проблемы преодоления коррупции в государственном аппарате: дис. … канд. юрид. наук. М., 2000.

15. Талапина Э.В. Правовые способы противодействия коррупции // Право и экономика, № 6. 2006.

16. Приказ Минюста РФ от 29.10.2003 № 278 (ред. от 26.08.2008) «Об утверждении рекомендаций по проведению юридической экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации»; Постановление Правительства Российской Федерации от 5 марта 2009 г. № 195 «Об утверждении правил проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции».

17. Приложение. Закон Забайкальского края от 4 июля 2008 г. № 18-ЗЗК.

18. Закон РФ «О борьбе с коррупцией» // Российская газета. 16 апр. 1993 г. (Законопроект).

19. «Российская газета» – Федеральный выпуск № 4663 от 20 мая 2008 г.

20. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http//www.newsru.com/russia/19may2008/corrupt.html

21. Азовский С.Ю. Формирование организационно-экономического механизма противодействия коррупции как фактор обеспечения экономической безопасности: автореф. дис. канд. экон. наук. М., 2009.

22. Алексеев С. В. Коррупция в переходном обществе: социологический анализ: автореф. дис. д-ра социол. наук. Новочеркасск, 2008.

Коротко об авторах — *Briefly about the authors*

Романова Н.П., д-р социол. наук, профессор, Забайкальский государственный университет
rik-romanova-chita@mail.ru

Научные интересы: социология права

Дробышевский В.С., д-р филос. наук, профессор, Забайкальский государственный университет

Научные интересы: социальная философия, философия права

N. Romanova, Doctor of Sociological Sciences, professor, Zabaikalsky State University
rik-romanova-chita@mail.ru

Scientific interests: sociology of law

V. Drobyshevsky, Doctor of Philosophical Sciences, professor, Zabaikalsky State University

Scientific interests: social philosophy, philosophy of law

Филологические науки

УДК 81'22

Женевская Евгения Викторовна
Evgeniia Zhenevskaya

ИКОНИЗАЦИЯ ФЛОРИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В АВСТРАЛИЙСКОЙ И НОВОЗЕЛАНДСКОЙ КАРТИНАХ МИРА

ICON FORMATION OF FLORAL CONCEPTS IN AUSTRALIAN AND NEW ZEALAND WORLD VIEW

На материале лексикографических источников и масс-медийного дискурса австралийского и новозеландского вариантов английского языка рассмотрены и сопоставлены австралийский иконический концепт golden wattle и новозеландский иконический концепт silver fern, воплощающие национальные ценности и являющиеся частью национальных картин мира австралийцев и новозеландцев

Ключевые слова: *символ, иконический концепт, национальная картина мира, лингвокультура*

The Australian iconic concept *golden wattle* and the New Zealand iconic concept *silver fern* are studied and compared on the basis of lexicographical recourses and mass-media discourse of Australian and New Zealand English. These concepts comprising national values of Australians and New Zealanders are parts of their national world views

Key words: *symbol, iconic concept, national world view, linguo-culture*

Объектом данного исследования является языковая репрезентация австралийского иконического концепта *golden wattle* и новозеландского иконического концепта *silver fern*, воплощающих национальные ценности и являющихся частью национальных картин мира австралийцев и новозеландцев. В качестве *предмета* исследования выступает сопоставление концептуальных признаков иконического концепта *golden wattle* и иконического концепта *silver fern* в обыденном сознании австралийцев и новозеландцев.

К исследованию концептов *golden wattle* и *silver fern* привлечены данные австралийских и новозеландских энциклопедических, лингвострановедческих и толковых словарей: Англо-русский лингвострановедческий словарь: Австралия и Новая Зеландия, Macquarie Australian National Online Dictionary (MAND), Australasian Dictionary (AD), New Zealand Oxford Dictionary (NZOD), New Zealand Slang Dictionary (NZSD) и Māori Dictionary (MD). Использован материал масс-медийного дискурса австралийских электронных изданий («The Daily Telegraph», «The Australian» и др.) и новозеландской периодики («New Zealand Herald», «New Zealand Listener» и др.).

В процессе исследования применялись следующие методы: концептуального анализа; анализа словарных дефиниций для выделения ядерных концептуальных признаков; сравнительно-сопоставительный.

Методология настоящего исследования базируется на допущении, что знаки-символы национальной культуры, отраженные в языке при помощи однословных

наименований, устойчивых сочетаний или нефиксированного описания, проявляют разную степень спаянности формального и содержательного аспектов. Как известно, Ч. Пирс выделял индексы, иконы и символы. Индекс, по словам автора, это знак, который бы сразу утратил характерное свойство, делающее его знаком, если убрать объект [5]. Индекс является частью действительности, как и сам объект, между объектом и знаком существует действительная связь. Икона, в понимании автора, – это знак, подобный объекту, идентичный или почти идентичный, который обладает неким характерным свойством, делающим его значимым. Символ, в свою очередь, Ч. Пирс интерпретирует как знак, который утратил бы характерное свойство, делающее его знаком, если бы не было интерпретанты [5].

Мы разделяем положение о том, что национально-культурные символы всегда репрезентируются *концептами*, и без концепта нет и не может быть и символа [2, 3]. Выполненное нами исследование показало, что многие новозеландские и австралийские национальные символы фактически являются иконами (по Ч.С. Пирсу), поэтому для них наименование «иконические концепты» будет более точным. Иконический концепт – это содержательная сторона знака – символа национальной культуры [2, 3]. Однако, на наш взгляд, для анализа иконического концепта следует привлекать данные его языковой репрезентации в каждом языке. Иными словами, содержательная сторона знака-символа национальной культуры должна изучаться на базе его лингвистического представления, что и является предметом лингвокогнитивного и лингвокультурного анализа, в результате которого выявляются национальные ценности и идеи.

В австралийской и новозеландской картинах мира существует множество иконических концептов, содержание которых наилучшим образом раскрывается посредством анализа лексической подсистемы языковой картины мира. В данной статье мы рассматриваем флористические иконические концепты *golden wattle* в австралийской и *silver fern* в новозеландской лингвокультурах. Обратимся к каждому из названных концептов более подробно.

Согласно словарной дефиниции (MAND), иконический концепт *golden wattle* имеет следующее определение: 1. A broad-leaved Australian acacia, Acacia pycnantha, yielding useful gum and tanbark; «*floral emblem of the Commonwealth of Australia*. 2. Any similar acacia, especially the Sydney golden wattle» [6]. – 1. Широколиственная австралийская акация, производящая смолу и дубильные вещества; *флористическая эмблема Австралийского союза*. 2. Любая похожая акация, особенно Сиднейская золотистая акация.

Анализ словарных статей сочетания *silver fern* в лексикографических источниках (NZOD) показал следующее значение: «stylized silver-fern leaf as *a national emblem of New Zealand,* as on an All Black jerseys, etc» [10] – стилизованный лист серебристого папоротника как *национальная эмблема Новой Зеландии* и эмблема на футболках команды All Black.

Сопоставление дефиниций выявило, что оба концепта функционируют в национальных картинах мира как национальные символы, в их определениях отмечены сочетания *floral emblem of the Commonwealth of Australia* и *national emblem of New Zealand*. В результате применения контекстуального анализа установлено, что оба концепта обладают концептуальным признаком *national sy*mbol (национальный символ). Данный вывод подтверждает сопоставление следующих примеров:

The All Black brand has played a significant role in representing *New Zealand* – from the haka to the colour black and establishing the *nation' s emblem* of the *Silver Fern* on the global stage [11].

Australia' s national floral emblem, the golden wattle, is under threat from a new plant infection similar to the deadly myrtle rust, the Invasive Species Council has warned [9].

Приведенные примеры показали, что признак *national symbol* находит свое отражение в тех контекстах, где сочетания *golden wattle* и *silver fern* употребляются совместно с такими обобщающими выражениями, как *nation's emblem, icon, New Zealand's emblem*, *national floral emblem*. В приведенных контекстах мы также наблюдаем, что концепты *golden wattle* и *silver fern* способны передавать национальные ценности представителей соответствующих лингвокультур, гражданскую позицию и национальные идеи.

Иконические концепты *golden wattle* и *silver fern* используются в одном ряду с именами других культурных символов Австралии и Новой Зеландии. Далее представлен пример из новозеландского варианта английского языка:

That's right: the iridescent deep blue birds with bright red beaks who, along with the *silver fern, kiwi* and *pohutukawa,* have joined our pantheon of *iconic symbols* [11].

В данном предложении *kiwi* (птица) и *pohutukawa* (вид исконного новозеландского дерева) представлены как эталоны символов в один ряд, с которыми стоит исследуемый концепт *silver fern* (серебристый папоротник).

Следующий пример представлен из австралийского варианта английского языка:

Astronauts exploring the far reaches of our solar system could in the future be breathing clean air from Australian plants such as wattles. The *golden wattle* and *waratah seed* germinated at the NSW Seedbank at Mount Annan Botanic Garden near Campbelltown, were exposed to microgravity – almost weightlessness – and low-level ionising radiation [8].

В приведенном примере иконический концепт *golden wattle* стоит в одном ряду с официальным флористическим символом австралийского штата Новый Южный Уэльс *waratah*. Таким образом, концепт *golden wattle* в сознании австралийцев – это не только ботаническое название, но и образ страны, национальный символ, а также выражение австралийской гражданственности.

Анализ масс-медийного дискурса позволил выделить ряд дополнительных признаков концептов *golden wattle* и *silver fern*.

Так, география и экосистема стран породила значения биологических видов растений, произрастающих в Австралии и Новой Зеландии. На основании этого факта выделен концептуальный признак *Native Plants* (местные растения). В основании выделенного признака лежат различные образы. Поэтому представляется возможным выделить субпризнаки *golden wattle* в австралийской и *silver fern* в новозеландской лингвакультурах.

Дальнейший анализ лексикографических источников, масс-медийного дискурса новозеландского и австралийского вариантов английского языка показал, что новозеландский концепт *silver fern* обладает признаком *sport*, а имя *silver fern* зачастую метонимически обозначает *sport player* (спорт, спортсмен). Этот факт подтверждает следующий пример:

But the *Silver Fern* did her job, shutting down Natalie von Bertouch and her extra height also disrupted the clean ball into Carla Borrego and Erin Bell [11].

В данном высказывании иконический концепт silver fern символизирует игрока женской команды по нэтболу, которая прекрасно справилась с поставленной задачей и одержала верх над соперницей.

Эмблему серебристого папоротника на своих формах носит множество новозеландских спортивных команд: *Silver Ferns* (нетбол), *All Whites* (футбол), *Tall Blacks* (баскетбол), *White Ferns* (женская команда по крикету), *Black Caps* (мужская команда по крикету) *Black Ferns* (женская команда по регби), *Black Sox* (софтбол). Данный факт говорит о том, что иконический концепт используется для выражения патриотического духа национальных спортивных команд и является средством реализации концептосферы *sport*.

Несмотря на то, что из словарной дефиниции концепта *golden wattle* не представилось возможным выделить концеп-

туальный признак *sport*, масс-медийный дискурс позволяет усмотреть данный признак. Так, приведенный пример указывает на то, что иконический концепт *golden wattle* имеет в своем содержании признак *sport*, а имя *golden wattle* употребляется в значении «спортивный символ» (*sports symbol*):

Steven – you might like to know that Australian sporting teams have used the colours of *green and gold* since the 1800's - and they are officially the national colours. They signify the *wattle* [8].

Считается, что желтый и зеленый цвета являются национальными цветами, и именно золотистая акация послужила источником такого выбора. Кроме того, названные цвета являются символами спортивных команд, т.к. практически все команды носят форму в желто-зеленных тонах в различных пропорциональных соотношениях. Данное утверждение находит и другое контекстуальное подтверждение:

The jersey features three colours – cypress *green derived from the golden wattle on the national coat of arms* for the shoulders, upper torso and sleeves; a white band across the chest symbolising unity and the majority of the jersey is *gold, also from the golden wattle* [7].

В приведенном примере говорится о желто-зеленной футболке спортсмена. Мотивация цветовой гаммы описываемой футболки восходит к золотистой акации, изображенной на национальном гербе Австралии. Следует сделать вывод о том, что концептуальный признак *sports* нашел свое место в содержании концепта *golden wattle*, поскольку концепт стоит в одном ряду с сочетанием *National coat of arms*, что в свою очередь говорит о несомненной символичности изучаемого концепта.

Таким образом, приведенные концептуальные признаки, найденные как в австралийской лингвокультуре (*sports symbol*), так и в новозеландской (*sport & sport player*), участвуют в формировании концептосферы *sport* в соответствующих национальных картинах мира. При этом соответствующие концепты выражают патриотические ценности новозеландцев и австралийцев в отношении их национальных спортивных команд.

Особенно широко идея спортивного духа представлена в новозеландской лингвокультуре, что подтверждается наличием дополнительных концептуальных признаков новозеландского концепта *silver fern*, передающих данное значение.

Так, например, концептуальный признак *sports jersey* (футболка) восходит к определению: «*stylized silver-fern leaf as a national emblem of New Zealand, as on an All Black jerseys, etc*» [10] – стилизованный лист серебристого папоротника как национальная эмблема Новой Зеландии и эмблема на футболках команды *All Black*.

Анализируя данный признак, мы установили, что в нем сформировалось пересечение области источника (эмблема серебристого папоротника) и области-цели (футболка), т.е. возник новый образ, который подвергся иконизации в новозеландской картине мира. Сложившиеся концепты-символы подвергаются широкой метафоризации и метонимизации. В данном случае концепт *silver fern* служит источником метонимии. Далее приведенный пример подтверждает идею метонимического переноса.

As a cricket-mad young man, Mike Hesson differed from his peers in one way – while many of them were aspiring *to wear the silver fern,* Hesson was dreaming of being their coach [11].

Из примера видно, что выражение *silver fern* в сочетании с глаголом «*to wear*» употребляется как синоним слову «футболка». Данное сочетание имеет особую коннотацию и означает не любую футболку, а именно ту, которую носит спортсмен новозеландской национальной сборной по регби, крикету и т.д. Таким образом, мы не сможем говорить о спортивной одежде австралийского игрока, употребляя сочетание *silver fern*. В таком случае оно полностью потеряет свое значение. В данном примере концептуальный признак *sports jersey* находит свое полное подтверждение. Это еще

раз подтверждает специфичность концепта *silver fern*, его символичность для новозеландской лингвокультуры, способность выражать ценности патриотизма и представлять национальную идею лингвокультурного сообщества.

Результаты проведенного исследования схематично представлены в таблице:

Новозеландская лингвокультура		Австралийская лингвокультура
1. Концептуальный признак **Native plant**	Концептуальный субпризнак **Silver fern**	Концептуальный субпризнак **Golden wattle**
2. Концептуальный признак **National symbol**		
3. Концептуальный признак **Sport**	Концептуальный субпризнак **Sport & Sport player**	Концептуальный субпризнак **Sports symbol**
	Концептуальный субпризнак **Sports jersey**	

Подводя итог, следует отметить, что иконические концепты *golden wattle* и *silver fern* представляют собой символизацию образов, создавшихся под влиянием экстралингвистических факторов (культурологических и социальных). На основании словарного и контекстуального анализов, а также сопоставления изучаемых концептов выявлены общие концептуальные признаки *native plant, national symbol* и *spor*t. В структуре данных признаков выделен ряд субпризнаков, при помощи которых в свою очередь выявлены определенные различия изучаемых лингвокультур. Более того, изучаемые иконические концепты обладают насыщенной идеологией и в концентрированном виде являются выразителями национальных идей.

Литература

1. Австралия и Новая Зеландия. Лингвострановедческий словарь / Под рук. В.В. Ощепковой, А.С. Петриковской. М.: Рус. яз., 1998. 216 с.

2. Иванов Н.В. Проблемные аспекты языкового символизма (опыт теоретического рассмотрения). Минск: Пропилеи, 2002. 176 с.

3. Николаева О.В. Новозеландская картина мира сквозь призму национальной символики: аксиологический потенциал иконических концептов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. № 1 (13). С. 152-159.

4. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М.; СПб.: ГПОССА/КАРО, 2004. 336 с.

5. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения./ Пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М: Логос, 2000. 448 с.

6. Australia's National Dictionary Online Dictionary[электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.macquariedictionary.com.au/

7. Australian (The): Australian Daily Newspaper [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.theaustralian.com.au/

8. Daily Telegraph (The): Australian Daily Newspaper. [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dailytelegraph.com.au/ Jun 06, 2011.

9. News (The): Australian Daily Newspaper. [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.news.com.au/ Nov 25, 2008.

10. New Zealand Oxford Dictionary / T. Deverson, G. Cennedy. Melbourne: Oxford University Press, 2005. 1355 p.

11. New Zealand Herald (The): New Zealand Daily Newspaper. [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nzherald.co.nz/ Jun 11, 2011; Nov 29, 2011; Jan 11, 2012; Jul 20, 2012; NZ Herald, Feb. 18, 2012.

Коротко об авторе / *Briefly about the author*

Женевская Е.В., аспирант, каф. «Лингвистика и межкультурная коммуникация», Дальневосточный федеральный университет, специалист отдела международных связей, Приморская государственная сельскохозяйственная академия
eugenie86@yandex.ru

E. Zhenevskaya, post-graduate student, Linguistics and Intercultural Communication department, Far Eastern Federal University

Научные интересы: когнитивная лингвистика, взаимодействие картин мира

Scientific interests: cognitive linguistics, worldview interactions

УДК 81`11

Заграевская Татьяна Борисовна
Tatyana Zagrayevskaya

МНОГОМЕРНОСТЬ СОЦИОЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЭТНОСЛЕНГИЗМОВ В КОНЦЕПЦИИ Э. ПАРТРИДЖА

MULTIDIMENSION OF SOCIOLEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF ETHNOSLANGISMS BY E. PARTRIDGE

Представлены результаты анализа особенностей построения словаря Э. Партриджа «A dictionary of slang and unconventional English», его структурные комплексы социолексикографических портретов англоязычных этносленгизмов, в том числе и афроэтносоциолектизмов. На фоне предшествующего лексикографического опыта раскрываются отличительные достоинства концепции Э. Партриджа и позже – П. Била

Ключевые слова: *вокабула, лексикография, сленг, словарная статья, словарь, социолексикография, субстандарт, этносоциолексикографический инструмент*

The article presents an analysis of organization peculiarities of E. Partridge`s «A dictionary of slang and unconventional English», its structural complexes of sociolexicographic portraits of ethnoslangisms and particularly of afroethnosociolectisms. One of the general conclusions is that E. Partridge`s lexicographic concept – and later that of P. Beale – when compared with the previous lexicographic experience shows a remarkable step forward

Key words: *dictionary, dictionary article, ethnosociolexicographic instrument, keyword, lexicography, slang, sociolexicography, substandard, unconventional English*

Англоязычные этносленгизмы всегда являлись объектом внимания известных лексикографов [12, 8, 11]. Причем степень пристального внимания к ним (этносленгизмам) повышается по мере приближения к нашему времени. Особое место в ряду лексикографических работ по лексическому субстандарту занимает словарь Э. Партриджа «A Dictionary of Slang and Unconventional English» [15].

Всеобъемлющее для англоязычной субстандартной лексикографии наименование словаря «A dictionary of slang and unconventional English», избранное Э. Партриджем, является весьма трудным для передачи на русский язык. Эта трудность заключается в неполном совпадении содержания понятия «slang» в англистике и русистике, а также в многозначности терминоида «unconventional», обычно переводимого на русский язык также терминоидами ««неконвенциальный», «нетрадиционный», «необычный», что, по нашему мнению, трудно признать собственно научными (социо)лексикографическими терминами. В этой связи термин «unconventional» может быть научно-лингвистически передан как «просторечный», «нелитературный», «нестандартный», или «субстандартный» [подробный анализ многочисленных трактовок понятий «сленг», «просторечие и «субстандарт», а также производных от них терминов, в англистике и русистике см. 2: 5-70].

На наш взгляд, наиболее адекватными русскими переводами английского наименования этого словаря можно признать

следующие: 1) «Словарь английского сленга и просторечия» или 2) «Словарь сленга и нестандартного английского языка». Как первый, так и второй из этих переводов (последний также и по мнению Г.В. Рябичкиной [4: 313-314]) вполне отражает содержащееся в английском заглавии словаря намерение его составителя зарегистрировать тот обширный и разнообразный по своей структуре фрагмент лексической мегасистемы английского языка, преимущественно его британского национального варианта, который противостоит литературному стандарту.

Вся история создания и переиздания словаря Э. Партриджа распадается на три длительных по времени периода: I) период прижизненных изданий и переизданий словаря, выполненных самим автором-составителем, распадающийся на 4 этапа:

1) этап создания 1-го тома, опубликованного в качестве 1-го издания словаря в 1937 г.;

2) этап переработки 1-го тома с внесением в него весьма значительных исправлений и добавлений; опубликовано в виде трех последующих изданий названного тома: а) 2-го расширенного издания – в 1938 г.; б) 3-го еще более увеличенного издания – в 1949 г.; в) 4-го пересмотренного издания – в 1951 г.; 4-е издание дважды издано в репринте без каких-либо изменений в 1953 и 1956 гг.;

3) этап подготовки 5-го издания словаря, которое вышло в свет в двух томах в 1961 г. со вторым томом – дополнением, содержащим около 100000 слов и представляющим отдельное приложение к первому тому от 1937 г. и переизданным в двух томах в 1963 г.;

4) этап переработки этого двухтомника самим автором еще пять раз в соответствующих изданиях, каждое с исправлениями и дополнениями: а) 6-е издание с пересмотренным и расширенным приложением во втором томе в 1967 г.; б) 7-е издание с переработанным и еще более расширенным приложением в 1970 г. в двух его репринтах от 1974 и 1979 гг. (мы ссылаемся на последний прижизненный репринт 5-го издания словаря [см.: 14]); II) период изданий двухтомного словаря в одном томе, выполненном под ред. Поля Била: 1) однотомный репринт 7-го двухтомного издания в 1983 г.; 2) 8-е издание в одном томе в 1984 г. (ниже исследуемое нами [15]) и его репринт от 2002 г.; III) период издания в 2008 г. обновленного современного словаря «The concise new Partridge dictionary of slang and unconventional English» двумя редакторами – Томом Дэлзеллом (Tom Dalzell – Senior Editor) и Терри Виктором (Terry Victor – Editor) на базе названных двухтомного и однотомного оригинальных, или «исконных» вариантов словаря Э. Партриджа.

Двухтомный словарь Э. Партриджа от 1979 г. являлся на момент его издания и еще в течение пяти лет до его однотомного переиздания в 1984 г. самым фундаментальным англоязычным лексикографическим справочником. По объекту и предмету проводимого в нем социолексикографического описания материала его можно классифицировать в качестве монолингвального толкового словаря с элементами энциклопедического описания лексического и, частично, внелитературного субстандарта (с показом фонетических, морфологических, синтаксических и семантических неправильностей), главным образом, британского и значительно реже – американского вариантов английского языка национального периода. При этом в британский вариант лексикографом включается лексический субстандарт и внелитературное просторечие и других англоязычных ареалов, преимущественно, австралийского, индийского, канадского, новозеландского и южноафриканского национальных вариантов английского языка на том основании, что соответствующие страны являлись колониями британской метрополии, многие из них и сейчас входят в британское содружество наций, где именно британский вариант английского языка является одним из государственных. Это один из самых полных собраний нестандартной английской лексики. В его двух томах, по подсчетам В.А. Хомякова, собрано около 200 тыс. единиц [6: 217].

Мегаструктура словаря, в его первом и втором томах, содержит две основные части:

1) предваряющий текст;

2) собственно корпус словаря.

Предваряющий текст к 1-му тому включает:

1) предисловие от 1936 г. к 1-му однотомному изданию этого словаря;

2) примечания к последующим 2-му, 3-му (и 4-му и 5-му изданиям словаря;

4) список принятых сокращений и условных знаков;

5) справку об организации словника;

6) исправления («Corrigenda») для 1-го тома.

Предваряющий текст ко 2-му тому содержит два предисловия: а) к 6-му и б) к 7-му изданиям, а также список сокращений, не встречающихся в 1-м томе. Корпус словаря содержит не строго алфавитно-организованный словник, но сквозную нумерацию страниц в обоих томах.

Макроструктура словаря, как порядок расположения вокабул в корпусе словаря, в принятых нами терминах автором никак не раскрыта. Однако в «Справке об организации [словника]» Э. Партридж объясняет свой выбор не строго алфавитного расположения вокабул – заголовочных слов и словосочетаний – лишь тем, что принятая им организация словника «something before nothing» наибольшим образом соответствует словарям подобного типа. Разъясняя это, составитель указывает, что, например, словарная статья на вокабулу A.B. предшествует не только статье на abaddon, но и статье на Aaron. Здесь мы разделяем мнение Г.В. Рябичкиной о том, что такой не строго алфавитный порядок редко встречается в современных толковых словарях даже лексического субстандарта и вызывает известные затруднения в поиске слов, что является одним из немногих упущений автора в технической организации словника [4: 321].

Микроструктура словаря, как организация словарных статей, автором никак не разъясняется, что можно рассматривать в качестве существенного недостатка в предваряющем тексте этого лексикографического труда. Вместе с тем, принятая лексикографом и проводимая через два тома структура словарной статьи, набор и последовательность составляющих ее компонентов, а также, на этой основе, алгоритм описания зарегистрированных нестандартных слов и выражений в 1-м и продолжающем его 2-м томах словаря достаточно стереотипны и дискретны. Это дает возможность извлечь из организации словника и очертить в принятых нами социолексикографических терминах некую базовую «типовую» структуру словарной статьи. Словарная статья на каждую отдельно зарегистрированную лексему или ее отдельное значение может включать следующую вполне регулярную последовательность компонентов: (1) вокабула, (2) грамматические данные, (3) дефиниция, (4) стилистическая / социолингвистическая информация, паспортизированные (5) словарный источник и (6) иллюстративный пример, (7) этимологическая или дериватологическая справка.

Компоненты 1...3 абсолютно обязательные, а остальные – в большей степени (по мере возможности и в разном объеме их содержания) обязательные, нежели факультативные. Семантизация вокабул представлена филиацией ее семантики – членением на дискретные значения, определением этих значений с помощью дефиниций различных типов, дополнительной семантизацией – уточнением значений посредством указателей и маркеров и иллюстративных примеров и показом способов образования в аспектах структуры и семантики и источников заимствования с помощью дериватологической справки. Филиация проводится с учетом истории развития семантики лексемы от самого раннего значения к наиболее позднему.

Типы дефиниций:

1) литературный синоним;

2) ряд литературных синонимов;

3) субстандартный синоним;

4) развернутое лингвистическое толкование;

5) филолого-энциклопедическое определение;

6) цитация;

7) комбинированное определение;

8) отсылка к другой словарной статье [о характеристиках этого словаря см. также: 6: 217-220; 5: 14; 7: 12-15; 1: 28-38; 3: 293-306; 4: 313-353; 9: IX].

Однотомный словарь Э. Партриджа «A dictionary of slang and unconventional English» в редакции П. Била от 1984 г., в целом, сохраняет основные параметры общей структурной организации своего двухтомного предшественника. Однако, в отличие от последнего, *мегаструктура* однотомника содержит уж не две, а три части – (1) предваряющий текст, (2) корпус словаря и отсутствовавший в двухтомнике *заключающий текст*.

Предваряющий текст включает, помимо обязательных и общепринятых в лексикографии «Acknowledgments», весьма важное для нас предисловие П. Била, в котором разъясняются инновации, введенные редактором в новое однотомное издание этого словаря, четыре предисловия Э. Партриджа к прижизненным изданиям его словаря – 1-му, 2-му, 3-му и 5-му, отсутствовавшее в двухтомнике объяснение организации типовой словарной статьи «Arrangement within Entries», разъяснение особенностей датировки и тех источников, которые Э. Партридж использовал для ее установления, а также тех помет, маркеров и символов, которые он применял для ее раскрытия и которые полностью сохранены в тексте словника в однотомнике. Сюда же помещен расширенный П. Билом перечень паспортизированных источников словарного материала и иллюстративных примеров, выполненный списком «библиографических сокращений» и их расшифровкой, а также список сокращенных помет и символов, повторяющий, с небольшими изменениями и дополнениями, подобный список из двухтомника.

Заключающий текст представлен приложением, в котором имеются материалы, которые не уложились в рамки словарных статей.

Макроструктура словаря редактором не оговорена. Однако из текста самого словника очевидно, что П. Бил полностью сохранил принцип не строго алфавитной организации вокабул в корпусе словаря, принятый Э. Партриджем во всех изданиях его однотомника и двухтомника.

Микроструктура словаря сжато разъясняется редактором в названном новом специальном разделе предваряющего текста «Arrangement within Entries» [здесь и далее: 15: XIX], обобщенно представляющем следующую базовую организацию («layout») словарных статей с авторской оговоркой о том, что «It is impossible, and undesirable in a dictionary of this sort where so much of the enjoyment is to be gained by browsing, to impose a rigid uniformity on every entry. However, for the general run of terms and phrases not needing discursive treatment, and bearing in mind certain professorial criticisms of the earlier editions as 'inconsistent', I have tried to stick to this layout»:

– *Keyword* (classified as noun, verb, adjective, etc.). Definition or explanation: register (i.e. colloquial, slang, jocular, ironic; and main users, e.g. army, prisoners, general, etc.): datings.

Итак, здесь вполне очевидно, что в редакторском представлении П. Била словарная статья состоит из следующих четырех обязательных компонентов, или зон:

1) вокабула (заголовочное слово), представленная основными частями речи – существительным, глаголом, прилагательным и т.д. (однако, по нашим наблюдениям, в самом тексте словника вокабула совсем не обязательно маркируется соответствующей грамматической пометой, указывающей на часть речи);

2) дефиниция, или толкование (без указания типов);

3) регистр – очень емкое понятие, охватывающее весь комплекс лингвокультурологических, лингвострановедческих, социолингвистических, социолектологических и социолексикологических характеристик вокабулы, включая указания на социально-функциональные особенности ее употребления, функционально-стилистическую, социально-профессиональную и социально-корпоративную стратификацию

вокабуляра, ее (этно)субкультурную принадлежность, социально- и этико-стилистические черты зафиксированных лексем и их значений; 4) датировка бытования в языке.

Помимо названных четырех групп обязательных характеристик, вокабула может быть снабжена еще тремя факультативными информационными позициями:

5) указанием на письменный (паспортизированный) словарный источник (не обязательно первый, но, по возможности, наиболее ранний):

6) (паспортизированным) иллюстративным примером;

7) возможным авторским или редакторским комментарием;

8) этимологической справкой;

9) перекрестной ссылкой на другую статью.

По объему зарегистрированного материала однотомник под редакцией П. Била значительно превосходит последнее прижизненное двухтомное издание словаря Э. Партриджа, включая словники всех предыдущих изданий и еще около 5000 единиц, из которых около 4000 дополнительно собраны и переданы П. Билу Э. Партриджем, 1000 – собраны редактором. Таким образом, суммарно однотомник содержит более 200 тыс. зарегистрированных вокабул. При этом редактор постарался устранить многие недостатки их лексикографирования, в частности, уточнить дефиниции, пометы, датировку, исключив из словника все не устоявшиеся в языке, в наших терминах, элементы внелитературного фоно-грамматического просторечия, или речевые искажения («illiteracies») – солецизмы, малапропизмы («malapropisms») и катахрезы. Все это объясняет целесообразность проведения этносоциолексикографического анализа именно однотомного словаря Э. Партриджа под ред. П. Била от 1984 г.

В словаре Э. Партриджа «A dictionary of slang and unconventional English» от 1984 г. зарегистрировано, по нашим подсчетам, 270 этнослентизмов (что составляет всего лишь 0,14 % от более чем 200 тыс. статей), которые можно с разной, но вполне достаточной степенью обоснованности и объективности отнести к английскому афроэтносоциолекту и этносубъязыку, преимущественно британскому, или американо-британскому, бытовавшему в определенных фрагментах его субстандартной лексической системы в Великобритании в течение всего охватываемого словарем существования английского языка национального периода, т.е. XVI-XX вв. Это объясняется тем, что данный словарь содержит исключительно британский лексический субстандарт, а также те элементы американского лексического субстандарта, которые получили языковой статус британизмов, т.е. были заимствованы в известный момент из лексической системы американского национального варианта английского языка как американизмы и затем – «британизированы» («anglicised» ≅ «англизированный») – ассимилированы в разной степени и на различный временной период на британской этнонациональной почве.

Принадлежность этих 270 элементов к субстандартной этносоциолектной лексической системе англоязычного *афроэтносубъязыка* подтверждается всей возможной лингвистической и экстралингвистической информацией, содержащейся в словарных статьях и суммарно передаваемой следующим набором *микроструктурных* этносоциолексикографических инструментов: (1) орфоэпической формой *вокабулы*, структурно представляющей искажения, присущие устной неграмотной английской речи негров и цветных соответствующего периода искажения как характерные признаки внелитературного афроэтнизированного фоно-грамматического просторечия, (2) элементом *дефиниции*, выполненной (преимущественно) литературным или (очень редко) нелитературным синонимом, развернутым лингвистическим толкованием или филолого-энциклопедическим определением, содержащим указание на афроэтническую принадлежность социолектизма и выполняющим функцию *афроэтносоциолектной* словарной пометы, (3) различными типами словарных *социолингвистических помет*, указателей и маркеров

– (а) *национально-ареальными* пометами, (б) *афроэтносоциолектными*, (в) *геолектными*, (г) *локально-территориальными*, *темпорально-историческими* указателями, а также (4) *паспортизированными* (а) *иллюстративными примерами* и (б) *словарными источниками*, (5) *этимолого-дериватологическими справками* и некоторыми другими средствами; ср., например, следующие статьи:

– *black ivory*. (African) Negroes as merchandise: 1873 (SOD); ob. by 1935. Здесь в *дефиниции*, выполненной развернутым лингвистическим толкованием, содержится два элемента – «Negroes», относящий данное наименование к неграм, и «(African)», относящий его именно к африканским неграм, а также очень важный элемент – «as merchandise», который совместно с предыдущими позволяет отнести это выражение к этнолексикону работорговцев, т.е. к соответствующей «белой» части афроэтносоциолекта и, далее, афроэтносубъязыка, уже бытовавшее, как это подтверждено ссылкой на *паспортизированный словарный источник* – Краткий Оксфордский словарь «(SOD)», к 1873 г. и устаревшее к 1935 г., что следует из пометы «ob. by 1935». Скорее всего, это был общий англоязычный афроэтносоциолектизм всех, кто имел дело с работорговлей и рабовладением, поскольку здесь нет указания на национальный ареал. Однако можно предположить, что данный этнослентизм употреблялся и на американской почве, поскольку негры транспортировались и продавались преимущественно в США и южноамериканских странах;

– *buckra*, n. A white man: *orig*. (1794) *in negro talk*; then, since ca. 1860, among those Britons who live in the wilder parts of the British Empire. Coll. ex Calabar *backra*, master. (W.). Здесь дан специальный развернутый *афроэтносоциолектный* указатель «*orig*. ... *in negro talk*» на первоначальное появление данного афроэтносоциолектизма в речи негров в 1794 г. и на его последующий переход к 1860 г. в лексикон белых британцев уже за пределами метрополии. Таким образом, этот афроэтносоциолектизм относится к общему афроэтносубъязыку как черных, так и белых его носителей. Все это также подтверждается *дериватологической справкой*, содержащей указание на заимствование этого слова из языка калабар «*Calabar*» в Нигерии. Кроме того, здесь имеется ссылка на *паспортизированный словарный источник* – «(W.) [17], что косвенно свидетельствует об обоснованности предложенного описания данного афроэтносоциолектизма. Этот этнослентизм вошел во многие словари, включая словарь Т. Дэлзелла «The Routledge dictionary of modern American slang and unconventional English» [10], уже как афроамериканский этнослентизм;

– *darky, darkey*. A Negro: coll.: orig. (1775: Thornton), US; anglicised not later than 1840. Здесь *дефиниция*, выполненная литературным синонимом, относит данную коллоквиальную (судя по функционально-стилистической помете «coll.») лексему, в первую очередь, к этнолексикону белых, как составной части общего афроэтносоциолекта и афроэтносубъязыка, а затем и к речевому репертуару самих черных рабов, как это подтверждается в соответствующих статьях из других словарей [см., напр., 8, 11, 18, 13]. Ее исконная, или первоначальная принадлежность именно к афроамериканскому этносубъязыку подтверждается *национально-ареальной* пометой «US». Последующий переход афроамериканского этносоциолектизма в британский английский к 1840 г. (согласно *темпорально-исторической* помете «not later than 1840») указан особой *ареально-мобильной* пометой «anglicised», свидетельствующей о его «британизации». При этом его исконное американское происхождение подтверждается *ссылкой на паспортизированный словарный источник* «Thornton» – словарь Р. Торнтона «An American Glossary» [16], в котором посредством *темпоральной* пометы «1775» также указано первое появление этой лексемы в афроамериканском этносоциолекте и этносубъязыке.

Словарь Э. Партриджа в редакции П. Била от 1984 г. характеризуется набором достаточно упорядоченных и системно вполне организованных этносоциолекси-

кографических инструментов, которые, однако, лишь частично разъяснены составителем и редактором, в основном, относительно принятой ими датировки сленгизмов и паспортизации их источников и иллюстративных примеров, а также расшифровки сокращенных, не дефинированных, т.е. содержательно принятых по умолчанию, помет и символов.

Тем не менее, по сравнению со словарями Ф. Гроуза, Дж.К. Хоттена, А. Баррера и Ч. Леланда, Дж.С. Фармера и У.Э. Хэнли, в словаре Э. Партриджа значительно детальнее разработан и активизирован весь набор словарных инструментов и, особенно, система словарных помет в точном научном понимании этого термина. Словарь представляет классический пример разработки специального инструментария и механизма этносоциолексикографирования генезиса и бытия англоязычного афроэтносубъязыка. Это проявилось в показе словарными средствами процесса перехода англоязычного афроэтносубъязыка от преимущественно британского полуэкзистенциального состояния, отмеченного еще в словарях А. Баррера и Ч. Леланда, Дж.С. Фармера и У.Э. Хэнли, в полинациональное состояние, включая фрагментарный показ (по замыслу словаря и целевой установке лексикографа регистрировать исключительно британский лексический субстандарт, включая и бритизированные американизмы) его бытия и на американской почве. Вместе с тем, это еще не полностью автономное, экзистенциальное состояние всего широкого англоязычного афроэтносоциолекта и афроэтносубъязыка на уровне их субстандартных лексических систем.

Литература

1. Коровушкин В.П. Военный социолект в английской и русской просторечной лексикографии. Череповец: ЧГУ, 2005а. 62 с.

2. Коровушкин В.П. Основы контрастивной социолектологии: монография в 2-х ч. Череповец: ЧГУ, 2005б. Ч. II. 283 с.

3. Рябичкина Г.В. Субстандартная лексикография Английского и русского языков: теоретический и прикладной аспекты: дис. д-ра филол. наук. Пятигорск, 2009а. 388 с.

4. Рябичкина Г.В. Субстандартная лексикография Английского и русского языков: теоретический и прикладной аспекты: дис. д-ра филол. наук. Пятигорск, 2009б. 489 с.

5. Смирнова О.В. История становления англоязычной просторечной лексикографии (XVI-XX вв.): автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1986. 16 с.

6. Хомяков,В.А. Обзор основных одноязычных словарей английского просторечия // Диахрония и типология языков. М.: ИЯ АН СССР, 1980. Ч. 2. С. 211-223.

7. Цирихова С.А. Концепция Эрика Партриджа в контексте англоязычной лексикографии XX в.: автореф. дис. канд. филол. наук. Пятигорск, 1996. 16 с.

8. Barrère A., Leland, Ch.G. A dictionary of slang, jargon, and cant, embracing English, American, and Anglo-Indian slang, Pidgin English, tinkers' jargon and other irregular phraseology. Vol. 2. L-Z. London: Georg Bell & Sons, 1897. 415 p.

9. Chapman R.L. Dictionary of American slang. Third edition. New York: Harper Collins Publishers, 1995. XXII, 617 p.

10. Dalzell T. The Routledge Dictionary of Modern American Slang and Unconventional English / Edited by Tom Dalzell. New York: Taylor & Francis e-Library, 2009. – X, 1104 p.

11. Farmer J.S., Henley W.E. Slang and its Analogues. Past and Present. A Dictionary, Historical and Comparative, of the Heterodox Speech of All Classes of Society for more than Three Hundred Years. With Synonyms in English, French, German, Italian, etc. / Compiled and Edited by J.S. Farmer & W.E. Henley. Revised Edition 1909 (Original Issue 1890). Vol. I. A-B / Printed for Subscribers Only. London: Thos. Poulter and Sons, Limited, MCMIX. 461 p.

12. Hotten J.C. The slang dictionary, etymological, historical, and anecdotal / A new edition, revised and corrected, with many additions. London: Chatto and Windus, Publishers, 1874. X. 380 p.

13. Lighter J.E. Random House historical dictionary of American slang. Vol. 2, H-O. New York: Random House, 1997. XXVIII, 736 p.

14. Partridge E. A Dictionary of Slang and Unconventional English. Colloquialisms and Catchphrases, Solecisms and Catachreses, Nicknames, Vulgarisms and such Americanisms as have been naturalized. In two volumes. Routledge & Kegan Paul. London and Henley, 1979. Vol. I: The Dictionary. XVI, 1-974 p. Vol. II: The Supplement. X, 975-1528 p.

15. Partridge E. A dictionary of slang and unconventional English: Colloquialisms and catch phrases, fossilised jokes and puns, general nicknames, vulgarisms and such Americanisms as have been naturalised / Edited by Paul Beale. 8th ed. New York: Macmillan Publishing Co., 1984. XXIX. 1400 p.

16. Thornton R.H. An American Glossary. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1912. New York: Ungar, 1962. Vol. 1. XIV, 565 p. Vol. 2. P. 567-990.

17. Ware J.R. Passing English of the Victorian Era: A Dictionary of Heterodox English, Slang and Phrase. New York: Dutton & Co., 1909. VIII. 271 p.

18. Wentworth H., Flexner B.S. Dictionary of American Slang. Second Supplemented Edition. New York: Thomas Y. Crowell Publishers, 1975. 766 p.

Коротко об авторе / *Briefly about the author*

Заграевская Т.Б., канд. филол. наук, доцент, каф. «Экспериментальная лингвистика и межкультурная компетенция», Пятигорский государственный лингвистический университет
zagraevskaya@yandex.ru

Научные интересы: субстандартная лексикография

T. Zagrayevskaya, Candidate of Philological Sciences, assistant professor, Experimental linguistics and intercultural competence department, Pyatigorsk State Linguistic University

Scientific interests: substandard lexicography

УДК 81-13

Пащенко Марина Анатольевна
Marina Paschenko

ВЫЯВЛЕНИЕ ЕДИНИЦ КОММУНИКАЦИИ: КОММУНИКАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

THE EXPOSURE OF COMMUNICATIVE UNITS: COMMUNICATIVE AND STRATEGIC APPROACHES

Статья посвящена проблеме выявления основной единицы коммуникации с позиции различных подходов, существующих в современной лингвистике – теории речевых жанров, теории коммуникативного акта, теории минимального диалога и стратегического подхода. Автор рассматривает преимущества и недостатки каждой из теорий на основе анализа существующих в них таксономий и высказывает собственную точку зрения на основную единицу коммуникации, интегрируя данные подходы

Ключевые слова: *речевой жанр, коммуникативный акт, минимальный диалог, стратегический подход*

The article is devoted to the problem of principal communicative units. The author considers different approaches which exist in modern linguistic: Theory of speech genres, theory of communicative act, theory of minimal dialog and strategic approach. The author analyses advantages and disadvantages on the base of taxonomies of each theory and gives own point of view on the problem of the principal communicative unit, which generalizes these approaches

Key words: *speech genre, communicative act, minimal dialogue, strategic approach*

В настоящее время актуальной является проблема выработки основных единиц коммуникации. Среди существующих в современной лингвистике подходов, наиболее распространёнными являются теории, выявляющие в виде единиц коммуникации речевой жанр, коммуникативный акт, минимальный диалог и речевую стратегию. Названные подходы в той или иной мере соотносятся с теорией речевых актов, развивают её, но фокусируются на различных аспектах коммуникативного процесса.

Речевой жанр, основанный на идеях М. М. Бахтина, имеет в основе семантическую и стилистическую составляющие единицы коммуникации, теория минимального диалога (МДЕ) раскрывает механизмы интерактивного процесса, коммуникативный акт отражает функционально-когнитивный аспект общения – продуцирование текста как продукта речемыслительной деятельности в экстралингвистических условиях, а стратегический подход, являясь своеобразным синтезом названных теорий, акцентирует внимание на целенаправленности и результативности речевого воздействия.

Единица коммуникации предполагает некую структурную оформленность, качества эталонности и инвариантности. Как же отвечают этому критерию названные коммуникативные единицы?

Логическая природа речевого акта позволила вывести его структурные элементы – иллокуцию (осуществление коммуникативного намерения в речи), локуцию (пропозициональное содержание) и перлокуцию (эффект, произведённый высказыванием на адресата, ожидаемый или не-

ожиданный) [17; С. 84-92; 20]. Логическая природа речевого акта в изолированном от контекста «чистом» виде позволила принять его в качестве «потенциальной единицы коммуникации» [16; С. 170], «элементарной единицы сообщения» [21; С. 5] и ввести в качестве элементарной, «атомарной» структуры и в теорию речевых жанров, и в теорию коммуникативного акта. Понимая речевой акт как речевое действие одного из участников коммуникативного процесса, В.В. Красных включает его в качестве структурной единицы в более крупный фрагмент общения [12; С. 194].

Речевой жанр, согласно определению, может представлять собой фрагмент коммуникации в объёме от высказывания до текста определённого содержания. Это «Совокупность речевых произведений (текстов или высказываний), речевых актов, объединённых целевыми установками высказывания. Это типовые способы построения речи, связанные с определёнными ситуациями и предназначенные для передачи определённого содержания» [19; с. 352-354]. Иное определение речевого жанра дано в «Новом словаре методических терминов и понятий»: «РЕЧЕВОЙ ЖАНР. Совокупность речевых произведений (текстов или высказываний), речевых актов, объединённых целевыми установками высказывания. Это типовые способы построения речи, связанные с определёнными ситуациями и предназначенные для передачи определённого содержания» [1; С. 256]. Как видно из определений, типовая форма оговаривается, но какова её структура?

В связи с неопределённостью продолжительности представляется сложным вывести и структурную модель речевого жанра, а это необходимо, так как каждая единица должна иметь свое структурное оформление. А коль скоро мы моделируем коммуникативный процесс, то в модели должны отразить взаимодействие индивидуальных коммуникативных намерений всех участников процесса и результат такого взаимодействия (перлокутивный эффект, вербализованный или невербализованный).

Предпринятые попытки оформить в речевых жанрах их элементарную структуру, например, А. Вежбицкой, приближают её к выделяемым исследователем семантическим примитивам. Однако элементарный смысл, равный «ментальному акту», концентрирующему коммуникативное намерение [4], является как бы «оборотной стороной» речевого акта, не представляя коммуникативного процесса, а лишь отражая индивидуальные коммуникативные намерения говорящих в контексте воображаемых, предвосхищаемых или используемых как исходная точка суждений, интенций и эмоций своих адресатов (а часто также других людей – потенциальных предыдущих говорящих и интерлокуторов) [4].

В реальном общении коммуникативные намерения, реализующиеся с расчётом на предвосхищаемую реакцию адресата, нередко меняются, соответственно меняется и жанр. К примеру, начав общение с просьбы и получив отказ, коммуникант переключается на другие виды побуждений – требование, уговоры или мольбу, что показывает присутствие различных жанров в рамках одного фрагмента коммуникации. Сходное представление о речевых жанрах высказывает О.В. Лавриненко, воспринимая речевой акт как «конкретную реализацию обобщённой жанровой структуры, запечатлённой в соответствующем речевом жанре, то есть в этом случае речь идёт о соответствиях сродни дихотомии язык / речь» [15].

В.В. Дементьев, характеризуя речевой жанр как оформление коммуникативного поведения, отмечает, что трудность, с которой сталкивается жанровед-теоретик, такова, что при достаточно широком понимании речевого жанра теория речевых жанров фактически совпадает с основными положениями дискурсивной теории, главной задачей и сущностной идеологией которой являются поиск и осмысление дискурсивной системности. Показательно, что почти все виды обнаруживаемой дискурсивной системности могут быть возведены к жанровым, так что само понятие речевого

жанра оказывается в каком-то смысле избыточным [7; С. 9].

Стремление формализовать речевой жанр привело исследователей к различным вариантам его структурирования. Ряд таксономий основывает речевой жанр на отношениях стимул-реакция, что в конечном счёте привело к теории минимального диалога; другие же, принимая во внимание динамическую природу речевого жанра, понимают его как последовательность речевых ходов, что нашло выражение в стратегическом подходе [6; С. 112-115].

Исследователями в области теории диалога выделяется минимальное диалогическое единство (МДЕ), что приближает понятие коммуникативной единицы к эталону и инварианту. Однако критерии минимальности достаточно расплывчаты. Так, авторы названного подхода [2; с. 86-98] привлекают к определению критерий объединения высказываний общим смыслом и окончание минимального диалога абсолютно независимым высказыванием, что также представляется порой затруднительным. До достижения такого абсолютно независимого высказывания иногда продуцируется не одна реплика, включая возможные переспрашивания, уточнения, уклончивые ответы – междометия, эмотивы, которые входят в систему смысловых взаимоотношений диалога, но увеличивают его продолжительность и он уже не является минимальным. Критерий вынуждаемости в определении минимального диалога также не всегда действует, так как вынуждение может быть невербальным и выводиться из конситуации, тогда высказывание обретает форму монолога, что происходит, например, в поэтической речи, заявлениях. То же происходит, когда потенциальный адресат отсутствует или игнорирует обращённую к нему речь, тогда высказывание переходит в категорию разговора с самим собой, адресант вынужден становиться и «адресатом»; то же относится и к «мыслям вслух».

Что касается речевой стратегии, то здесь речевое поведение коммуникантов определяется не привязкой к общей теме, а следованию развивающейся коммуникативной ситуации, где нередко происходят смены темы, и высказывания относятся к различным жанрам, согласно определению этого термина. В любом случае стратегия, что также следует из её определений, представляет собой совокупность речевых действий [5, С. 18; 10; 9, С. 100-101]. Это также не может претендовать на минимальность, а стратегии речевого поведения могут существовать внутри речевого жанра и, соответственно, в режиме диалогического общения (относиться, в том числе, и к МДЕ). Стратегии речевого поведения выстраивают все участники коммуникативного процесса, независимо от жанра общения и режима (диалогического или монологического).

Рассматривая на основе приведённых критериев единицу «коммуникативный акт», можно установить его наибольшее соответствие статусу основной единицы коммуникации. Единица «коммуникативный акт» восходит к разработкам моделей коммуникации, начатым ещё в 40-х гг. XX в. с различными практическими целями – совершенствованием маркетинговых технологий, улучшением качества связи, изучением массовой коммуникации и т.д. Одной из наиболее известных является математическая (линейная) модель К. Шеннона и У. Уивера, в которой, наряду с фактором канала связи, новым и существенным явилось и восприятие сообщения получателем информации (отличие полученного сообщения от исходного). На основе этой модели Р.О. Якобсон построил свою, в которой структурные элементы основаны на шести выделяемых учёным функциях языка [22, С. 195-213; 18, С. 54-55; 11, С. 12-13; 10]. Модель Р.О. Якобсона дополнялась и совершенствовалась многими исследователями. Оригинальные модели, например, предлагаются Т.А. ван Дейком, П. Шародо, К.А. Долининым и др.

К.А. Долинин, моделируя коммуникативный акт вслед за Р.О. Якобсоном, выделяет такие составляющие, как адресант и адресат, референт (или референтная ситуация), сообщение, передаваемое по какому-либо каналу связи, деятельностная

ситуация, предметно-событийный фон. Модель К.А. Долинина дополнена таким важным компонентом, как Наблюдатель [8, с.22].

В модели Т.А. ван Дейка коммуникативный акт представляет:

1) говорящего и совершаемый им речевой акт;

2) слушающего и аудитивный акт;

3) условия общения;

4) прагматический контекст [5; С. 21-25].

Понимание прагматического контекста ван Дейком аналогично пониманию деятельностной ситуации К.А. Долининым, а условия общения в модели ван Дейка соответствуют предметно-событийному фону у К.А. Долинина.

Модель П. Шародо предусматривает следующие компоненты: говорящий (может быть пишущим) субъект, находящийся в некотором отношении со своим собеседником; коммуникативная ситуация одновременно физического и ментального характера, в которой находятся партнёры языкового обмена, детерминированные общностью (психологической, социальной) и объединённые контрактом коммуникации; способы организации дискурса, которые зависят от коммуникативной цели говорящего (высказать, описать, рассказать, аргументировать); язык, образующий вербальный материал, структурированный в языковых категориях, представляющих одновременно форму и содержание (смысл); текст, представляющий материальный результат коммуникативного акта и свидетельствующий о сознательном/бессознательном выборе говорящим категорий языка и способов организации дискурса в рамках условий ситуации. П. Шародо разграничивает понятия «*ситуация*» и «*контекст*», считая ситуацию внешней по отношению к акту речевой деятельности, образующую условия его реализации, а контекст – входящим составной частью в акт речевой деятельности и всегда определённым образом выраженным (вербальный текст, образ графики и т.д.). Контекст П. Шародо разделяет на лингвистический – вербальное окружение рассматриваемой единицы, и дискурсивный – языковые акты, уже произведённые в данном обществе и служащие для производства, понимания интерпретируемого текста [11; С. 21-24]. Понимание дискурсивного контекста П. Шародо близко к пониманию Т.А. ван Дейком прагматического контекста.

В.В. Красных, обобщая модели названных учёных, дополняет их когнитивным аспектом – пониманием пресуппозиции как когнитивной базы коммуникантов (фондами индивидуальных, социумных и этнокультурных знаний). Его модель основана на триединстве «автор – текст – реципиент». Лингвистическое ядро коммуникативного акта – текст-монолог, актуализованный в речи, является одним из компонентов коммуникативного акта, который включает также пресуппозицию (фонды знаний), конситуацию, контекст [13; С. 42-44]. В структуре текста В.В. Красных выделяет микро- и макротемы, что, соответственно, ведёт к образованию микро- и макротекстов [14; С. 114-117].

Как видим, в предлагаемой модели выделяется минимальная инвариантная структура – текст в режиме монолога, продуцируемый на основе фондов знаний его автора, в определённых экстралингвистических условиях, в определённом контексте, направленный на реципиента (реального или гипотетического). Далее, если общение протекает в диалогическом режиме, процесс возобновляется с учётом мены ролей коммуникантов. Данная структура приобретает необходимую прагматическую направленность и наполняется определённой семантикой и стилистикой, что осуществляется посредством стратегического планирования речевого процесса. Планирование ответного высказывания (как следствие перлокутивного эффекта) происходит с учётом изменения в фондах знаний реципиента под влиянием полученной и интерпретированной информации и порождает новый текст, являющийся в смысловом отношении объединённым с предыдущим, воспринятым и интерпретированным. В результате монологическая,

«атомарная» структура преобразуется в диалогическую, условно сравниваемую с «молекулярной». Таким образом, диалог не претендует на роль минимальной единицы коммуникации, а является развитием представленной модели коммуникативного акта, где высказывания являются перлокутивными эффектами предшествующих (вынуждаются ими) и планируются на основе полученной и интерпретированной информации, подчиняясь определённым стратегическим коммуникативным целям.

На основе исследуемого нами коммуникативного акта со значением отказа мы пришли к выводу, что каждый фрагмент коммуникации, наполненный определённой семантикой, имеет свою модель построения со своей инвариантной частью. Этот инвариант требует такого количества высказываний, которое составит необходимый минимум для смысловой и структурной целостности данного фрагмента коммуникации.

Например, диалогический по своей природе коммуникативный акт отказа в инвариантной части состоит из Прескрипции – Отказа – Перлокутивного эффекта (отказа) как показателя состоявшегося акта, совпадающей с минимальным диалогическим единством (МДЕ).

Помимо инвариантной части, МДЕ, маркированные лексическими показателями, разграничивающими или связывающими микродиалоги (микротексты) [3; С. 84-85], могут входить в структуру коммуникативного акта и в качестве частного коммуникативного действия. Другими словами, такие микродиалоги, объединённые общей темой, и составляют коммуникативный акт. Показателем продолжения или прекращения коммуникации является перлокутивный эффект, произведённый ответным высказыванием (например, отказом). Таким образом, коммуникативный акт может быть многоходовой структурой при условии, что коммуниканты достигают своей коммуникативной и нелингвистической цели путём неоднократной смены речевых стратегий и тактик. Граница коммуникативного акта определяется нами от высказывания глобальных намерений (интенций) всеми коммуникантами до окончательной победы одной из первоначальных глобальных интенций одного из партнёров.

Стратегические цели в пределах коммуникативного акта в его диалогическом варианте могут требовать от коммуникантов таких речевых действий, которые подчиняются общей теме данного фрагмента, но стилистически и тематически (как микротема – изменение образов автора и адресата, привлечение знаний пресуппозиции как фактор прошлого, прогнозирование будущего и т.д.) могут относиться к различным речевым жанрам. Таким образом, к коммуникативному акту применим речежанровый подход. Он применим и в той части, где глобальные прагматические цели коммуникантов обеспечивают данный фрагмент общения необходимым и специфическим семантическим наполнением, что выражается в построении прагматических пар, в которых, в свою очередь, одно из высказываний является доминирующим, подчиняющим себе весь ход общения на данном отрезке, и поэтому дающим имя целому коммуникативному акту.

Рассмотренные коммуникативные теории можно интегрировать следующим образом: фрагмент коммуникации – коммуникативный акт имеет специфическое семантическое наполнение (жанровые признаки); высказывания планируются коммуникантами для достижения глобальных и подчинённых им коммуникативных целей; коммуникация, протекающая в режиме диалога (полилога), предполагает вынуждение одного высказывания другим; коммуникативный акт обладает структурой, состоящей из инвариантной части, приближенной к минимальному диалогу, меняющейся в зависимости от семантического наполнения и вариативной части – при продолжительном общении.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.

2. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С.84-99.

3. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Структура диалогического текста: лексические показатели минимальных диалогов // Вопросы языкознания. 1992. № 3. С. 84-93.

4. Вежбицка А. Речевые жанры (в свете теории элементарных смысловых единиц) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mgup-dki.narod.ru›Vezbizka.doc (дата обращения: 06.10.2012)

5. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс. 1989. 312 с.

6. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 109 -121.

7. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак. 2010. 600 с.

8. Долинин К.А. Стилистика французского языка. М. : Прогресс. 1987. 303 с.

9. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС. 2003. 284 с.

10. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kachkine.narod.ru/CommTheory/5/WebCom5.htm (дата обращения: 27.10.2009).

11. Костюшкина Г.М. Современные направления во французской лингвистике (Теория высказывания и анализ дискурса). Иркутск: ИГЛУ. 2003. 270 с.

12. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис». 2001. 270 с.

13. Красных В.В. Лингво-когнитивный подход к коммуникации. // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып.12: сб. статей. М.: Диалог. 2000. С. 41-45.

14. Красных В.В. К вопросу о психолингвистическом анализе текста. // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 3. М.: Филология. 1998. С. 111-118.

15. Лавриненко О.В. Становление теории речевых жанров как самостоятельной лингвистической дисциплины [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nbuv.gov.ua›Портал Наукова періодика›...2011_17_3/article/16.pdf (дата обращения: 20.07.2012).

16. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис». 2003. 280 с.

17. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс. Вып. 17. С. 22-129.

18. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук. 2001. 656 с.

19. Салимовский В.А. Речевой жанр // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука. 2003. С. 352-354.

20. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс. Вып.17. С. 151-169.

21. Сусов И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и её единицы // Прагматика и семантика синтаксических единиц. Калинин: Изд-во Калининск. гос. ун-та. 1984. С. 3-12.

22. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей. М.: Прогресс. 1975. С. 193-230.

Коротко об авторе — *Briefly about the author*

Пащенко М.А., ст. преподаватель, каф. «Социально-культурный сервис, туризм и языкознание», Забайкальский государственный университет (ЗабГУ) Раб. тел.: 26-58-65

M. Paschenko, senior teacher , socio-cultural service, tourism and linguistic department , Zabaikalsky State University

Научные интересы: общее языкознание, романо-германская филология, русский язык

Scientific interests: theoretical linguistic, Romano-German and Russian philology

Философские науки

УДК 294.3

Жуков Артем Вадимович
Artem Zhukov

Жукова Алена Алексеевна
Alena Zhukova

Власова Карина Евгеньевна
Karina Vlasova

ОСМЫСЛЕНИЕ ОБРАЗА И ФАКТОРОВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ БУДДИЗМА СРЕДИ НЕБУДДИЙСКИХ КУЛЬТУР В ПРАВОСЛАВНОМ РЕЛИГИОВЕДЕНИИ

COMPREHENSION OF CHARACTER AND FACTORS OF DISTRIBUTION OF BUDDHISM AMONG UNBUDDHISTIC CULTURES IN ORTHODOX RELIGIOUS STUDIES

На основании анализа работ православных авторов о буддизме показывается, что они направлены на обоснование апологетических целей и демонстрацию превосходства православия над нехристианскими религиями посредством критики буддизма как «чужой» религии. Отмечается, что интерес к буддизму среди православных был связан с ощущением кризиса европейской культуры, опасением, что распространяющиеся, но «неверно понимаемый» буддизм и «необуддийские» учения могут усугубить мировоззренческий кризис. Доказывается, что православные авторы понимали буддийские идеи в контексте перенесения на них православных смыслов, не свойственных их первоначальному значению. Буддийские термины присваивались православно-ориентированными авторами, выстраивающими на этом фундаменте здание истории, где православие не только играет всеохватывающую роль в инкультурационных процессах, но и является единственным витальнообразующим элементом. Делается вывод, что буддийская сангха толерантно относится к этой ситуации, так как православные авторы, критикуя

On the basis of analysis concerning buddhism the Orthodox authors have shown, that they are sent to the ground of apologetic aims and demonstration of superiority of Orthodoxy above christless religions, by means of criticism of buddhism, as «stranger» religion. It is marked that interest in buddhism among Orthodoxs was related to feeling of crisis of the European culture, fear, that spreading, but the «unright understood» buddhism and «neobuddhistic» manoeuvres can aggravate this world view crisis. The authors prove that the Orthodox authors understood buddhistic ideas in the context of transference on them Orthodox senses not peculiar to their primary value. Buddhistic terms were appropriated by the Orthodox-oriented authors, lining up on this foundation building of history in that, in that Orthodoxy not only plays an all-purpose role intercultural processes but also is an only vital forming element. The authors have come to the conclusion, that buddhistic sangha tolerantly behaves to this situation, because the Orthodox authors, criticizing a buddhism, tell about its bases and try to interpret its terminology clear for the Russian population terms, that, in final

буддизм, рассказывают о его основах и пытаются интерпретировать его терминологию понятными для русского населения терминами, что, в конечном счете, способствует распространению идей буддизма в пространстве культуры русского населения

analysis, assists distribution of ideas of buddhism in space of culture of the Russian population

Ключевые слова: *буддийские идеи, православное религиоведение, образ «чужого», Будда, карма, сансара, нирвана, личность, Бог, страдание*

Key words: *Buddhistic ideas, Orthodox religious studies, character of «stranger», Budda, karma, sansara, nirvana*

Интерес к буддийским идеям в российской философской культуре связан с необычайной популярностью трудов Е.П. Блаватской и ее последователей среди русской интеллигенции в конце XIX – начале XX вв. Первыми авторами, в чьем творчестве проявились буддийские и теософские идеи, были Л.Н. Толстой, Н.К. и Е.И. Рерих, В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский. С этого времени буддийские образы и идеи стали использовать мыслители, конструирующие синтетические философские системы, а также православные авторы, для которых популярные в светском обществе идеи буддизма стали удобным предметом критики и поводом для публичного разговора о собственных идеях и концепциях. О буддизме стали писать священники (Н.Я. Бичурин (Иакинф), арх. Вениамин, Н.Ф. Исакович (Нил), П.И. Кафаров (Палладий), В. Вашкевич, А.М. Концевич) и православно ориентированные философы (В.С. Соловьев, Н. Бердяев, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, Н.О. Лосский, В.А. Кожевников, Б.П. Вышеславцев). В условиях современной России эту традицию продолжают такие представители православной мысли, как И.А. Арзуманов, А.Н. Дворкин, А. Кураев, В.Ю. Питанов, С.В. Рябов, А.И. Осипов и др.

По мнению А.Н. Красникова, православное религиоведение стало оказывать существенное влияние как на верующих, так и неверующих [11, 4]. Однако чаще всего интерес православных авторов к буддийской проблематике носил не научный, а практический характер, заключающийся в необходимости скорректировать духовный выбор тех верующих, которые, говоря словами Далай-ламы XIV, не считают себя буддистами, однако искренне стремятся узнать побольше о буддизме вообще и о тибетском буддизме, в частности [8, 17].

Рассмотрим самые общие позиции, отражающие тенденции восприятия буддизма в православной мысли. Во-первых, в основе православных суждений о буддизме лежит тезис о несовместимости этих религий, которые, как убеждены представители названной конфессии, по сути, противопоставлены между собой. Поэтому, если для буддиста, каким является Далай-лама XIV, вопрос о том, что буддийские идеи могут оказаться полезными для христианина, – это предмет для публичного дискурса, выстраиваемого в конструктивном ключе [17, 17], то для представителя православной церкви, буддийские идеи – это только объект критики [16]. Ее традиции заложены в начале XX в. трудами В.А. Кожевникова, который одним из первых привлек внимание к распространению идей буддизма в христианском мире. Именно он зафиксировал культурную ситуацию, в которой большинство русских не имели доступа к произведениям буддийской словесности, и при этом книги популярного содержания, особенно необуддийские, теософские распространялись среди них в изобилии. Эти книги, по мнению В.А. Кожевникова, передавали идеи буддизма в искаженном виде, что и намеревался он исправить, публикуя православный труд о буддизме [10, 7].

Во-вторых, рассмотрение содержания произведений православных авторов показывает, что анализу идей буддизма в них предшествуют процедуры первоначальной экстраполяции собственно православного содержания на буддийские термины. Например, основу буддийского мировоззре-

ния составляют идеи «дхармы» (закона и основы мироздания), «кармы» (причинно-следственной связи), «Будды» (изначальной или просветленного сущности) «сансары» (земного бытия) и «атмана» (души). Они не имеют отношения к православному вероучению и, находясь в различных системах координат, не могут быть сравниваемы и, таким образом, приравнены к православным терминам, но в православной проекции, где они сравниваются с православными концепциями «Бога», «истины», «личности», «души», «страдания», «спасения» и, по мнению ее авторов, безусловно, демонстрируют свою несостоятельность [12, 25].

В-третьих, по традиции, сложившейся в православной литературе еще в нач. XX в., и ярко представленной в работах Б.П. Вышеславцева [7, 87], А. Концевича [9, 2], А.И. Осипова [17, 7], буддизм классифицируется как одна из модификаций индуизма. Поэтому он обличается через нахождение общих с индуизмом терминов и расшифровку их значения, доказывающую идейную идентичность индуизма и буддизма, а также их метафизическую противопоставленность христианству. Однако не все православные авторы разделяли эту тенденцию, которая на деле связана с попытками понять сущность буддизма через упрощение и навешивание ярлыков. К примеру, от нее разительно отличалась точка зрения С.Н. Булгакова, который увидел, что буддизм не представляет целостного явления и говорил, что необходимо различать религиозную практику, «богословскую спекуляцию» и «народный, экзотерический буддизм», которому, как он полагал, эта религия обязана своей широкой распространённостью. Именно она содержит элементы «конкретного политеизма, даже фетишизма» как божества, и объекты обожествления [3, 22]. Однако в большинстве православных трудов все же преобладала первая тенденция.

В-четвертых, для православного восприятия буддийский взгляд на мир – взгляд человека, находящегося в состоянии замутненного сознания, то есть сознания, которое не в состоянии увидеть тот мир истины, который доступен верующим во Христа. Так, согласно убеждению П.А. Флоренского, буддийское подвижничество уныло и основывается на отрицательной вести о существовании зла, которое властвует над всем миром [23]. Как указывают православные авторы, отрицательные характеристики буддийского мировосприятия подтверждаются трудами буддолгов и высказываниями самих буддистов, однако в текстах православных их суждения приобретают ранее не свойственные им коннотации [16]. Так, например, утверждение Е.А. Торчинова о том, что «...ни одна буддийская система никогда не рассматривалась в качестве учения, возвещающего истину в последней инстанции,... буддийский взгляд вообще заключается в том, что истина не может быть постигнута дискурсивно, ни описана в категориях дискурсивного мышления, ни быть выражена средствами дискурса» [21, 226], В. Питанов характеризует как констатацию того, что у буддизма «нет надежных критериев истинности, и все, чему учит буддизм, фактически принимается буддистами на веру». Кроме этого, он доказывает, что описание истины, которое дается в буддийских концепциях, вообще не предполагает наличия самой истины, как объективной реальности, и поэтому не нацелено на какую бы то ни было адекватность [16]. Для православных, которым важен не путь к познанию, а обладание истиной, буддийские идеи представляются «вздохом твари», лишенной знания о божественном откровении и возможности на спасение. В этом же ключе интерпретируются и обращенность буддистов к получению личного духовного опыта, понимаемого, как искушение, основанное на доверии к сведениям, полученным чувственным путем, при отсутствии критериев истинности.

Одной из базовых концепций христианства является учение о Боге [9, 4]. При этом важно, что рассмотрение буддийского учения через призму христианской концепции неизбежно приводит к необходимости поиска образа Бога или богов в буддизме и сравнению их с образом Бога в христианс-

тве [16]. Наиболее привлекательным для православной критики является стремление проводить сравнения между понятиями «Бог» и «Будда». Однако в буддизме Будда не творец – и не спаситель мира, потому что, по словам Далай-ламы XIV, – Будды могут только дать нам свое учение и показать дорогу к просветлению. При этом важно, что, согласно буддизму Махаяны, природа Будды находится в каждом существе, которое является Буддой, но этого не осознает в силу омраченности сознания [8, 17]. По утверждению Далай-ламы XIV, люди сами являются своими спасителями, и счастье находится в их собственных руках. Из этого положения православная философия делает вывод о том, что в буддизме каждый человек сам для себя Бог, и поэтому «бессмысленно молиться Будде и о чем-либо просить его» [21, 244].

Важнейшим понятием православного учения о Боге и человеке является постулат о том, что между природой Бога и человека лежит пропасть, преодолеть которую невозможно, что обожение есть результат стяжания благодати Божьей [9, 4]. Напротив, учение буддизма основано на вере в возможность человека раскрыть имеющуюся буддовость своей природы, в чем православие видит веру в божественность человека. В православных концепциях буддизма понятия «буддовость» и «обожение» смешиваются и рассматриваются как однопорядковые конструкты, нацеленные на достижение абсолюта. Одно из них понимается как реализация библейского указания быть совершенными, как отец небесный, а другое – как воплощение библейского антипризыва «и станете вы как боги», также озвученное в данном священном тексте. Однако Будда как понятие никак не связан со Священным Писанием. Он не является Богом, и он никого не призывает стать Богами, и вообще говорит о Богах, как причинно обусловленных сущностях, весьма далеких от состояния просветления [21, 244]. Это означает, что и вопросы со стороны православных носят не логико-дискурсивный, а мировоззренческий, связанный с верой авторов характер.

Следующей идеей, которая подвергается обличению православными авторами, является учение буддизма о личности [16]. В православии все люди считаются личностями: свободными, уникальными, созданными по образу и подобию Бога [12, 40]. Для православных личность – это диалог человека с душой, нуждающейся в спасении, в котором единство складывается на основании любви [6, 346]. Здесь надо отметить, что христианское понимание личности буддизму неизвестно. Личность для буддистов – это лишь имя, данное конгломерату психофизических элементов – дхарм, бытийное состояние каждой из которых обусловлено кармическими связями с жизнями предыдущих дхарм. Буддизм говорит о том, что с точки зрения абсолютной истины спасать некого и не от чего [21, 242]. И это действительно отличает учение буддизма от православия, где душа, на данный момент греховная и страдающая в силу утраты некоего совершенного состояния, спасается, обращаясь ко Христу. На это обстоятельство указал В.С. Соловьев, когда обратился к идеям буддизма в связи с обоснованием нравственной философии, а также при рассмотрении проблемы взаимосвязи личности и общества [19, 314]. Рассматривая буддизм как объективно необходимую переходную ступень развития универсального сознания, православный философ ввел в оборот термин «отрицательный универсализм», под которым он понимал стадию, на которой проблемы личности разрешаются через ее уничтожение [19, 326]. «Буддизм» как термин использован В.С. Соловьевым для придания образу нехристианской религии снисходительно-иронического оттенка. При этом в понимании православного философа все смыслы буддизма затмевались стремлением к смерти как к торжеству над жизнью, которое, противопоставляет буддийское и христианское начала.

По его мнению, христианство, развившееся до стадии «универсализма положительного» [18, 137], утверждает развитие личности и делает бессмысленными употребление таких терминов, как «сансара», «карма», «нирвана». Этой же идеей руко-

водствуется А. Кураев, который полагает, что эти термины только затуманивают сознание тех, кто не ведает, что грех преодолевается покаянием и приятием креста, как такового и осмысливает значение буддийских терминов исключительно как вариант вопрошания страдающих во грехе буддистов к окружающему миру [12, 35]. В такой же коннотации интерпретируются и другие мировоззренческие категории буддизма, так, например, как «сансара», которая в буддизме понимается как фундаментальная и безначальная характеристика существования, но в трудах христианских авторов переосмысливается в контексте категории «страдания» тех, кто не может быть спасен вне христианской церкви. Так, внимание Н.А. Бердяева к буддизму обусловлено исключительно целью обоснования значимости проблемы страдания и демонстрации пути ее решения в христианстве [2, 112].

«Карма», воспринимаемая буддистами как закон причины и следствия [16], в контексте православной трактовки становится механическим законом, перенесенным в духовную жизнь и требующим искупления за тяготение к бытию. Закон кармы воспринимается как олицетворение несвободы последователей индуизма, запертых внутри царства греха [9, 14]. Например, С.Л. Франк, полагая, что в буддийском учении осуществлена деперсонализация души, экзистенциальные проблемы которой решаются через умерщвление, доказывал, что вклад буддизма в развитие индийской культуры заключается в том, что он упростил индийское сознание, убрав мистическую метафизику [24, 268]. Н.О. Лосский использовал буддийскую идею о перевоплощении для обоснования метафизических оснований восхождения человека к Царству Божиему [13, 101].

Для В.А. Кожевникова учение о карме произвольно и непонятно. С одной стороны, пишет он, – в нем утверждается осмысленная нравственная связь перевоплощений, а с другой – отрицается существование души, без которой эта связь невозможна [10, 301]. В этом же ключе осмысливаются причины распространения буддизма среди европейцев, которые, как полагает Н.О. Лосский, в силу гордыни стыдятся и ленятся, и вместо того, чтобы смиренно склониться перед ликом Христа и просить его о помощи, отправляются к безличной Нирване [13, 64]. Это указание напрямую касается учения о нирване, высшей цели буддизма, духовному состоянию просветления, к которому устремляются буддисты, понимаемому как «высшее внеличностное бытие, состояние покоя и блаженства» [21, 225]. Православные авторы видят в такой трактовке доказательства нигилизма буддистов по отношению к личности. И.М. Концевич [9, 17] и Б. Вышеславцев [7, 87] говорят, что в индуизме системы Санкья (т.е. буддизме) нирвану можно истолковать как атеистическое потухание сознания. Следствием этих представлений является православное переосмысление буддийской идеи о спасении, которая с этой точки зрения является неприемлемой и вопиющей. В контексте православных интерпретаций учение о личности в буддизме всегда выглядит как неоиндуистское отрицание возможности обретения спасения и любви душой, которой в этой религии отказывают в самой возможности существовать. Таким образом, буддизм в православии воспринимается как религия, которая только для вида призывает к милосердию, но на самом деле убивает личность.

После этого становится понятно, почему православные авторы [17, 304] так настойчиво обращают внимание на истории, которые буддисты рассказывают о буддистах же и в которых буддизм предстает как религия, прибегающая к насилию и злу в случаях, когда мотивация поступка становится важнее, чем сам поступок. Согласно выражаемому ими мнению, несмотря на то, что буддизм имеет репутацию «мирной» религии, его учение уже сейчас позволяет совершать буддистам далеко не мирные поступки и что «...в современном буддизме есть тенденции, которые со временем могут привести к появлению организаций, склонных к насильственным, даже террористическим действиям» [27, 304]. Но наиболее ярким образом в трудах православных ав-

торов проявляются мифологемы, конструирующие образы буддистов, участвующих в культе человеческих жертвоприношений и обрядах [4, 184], где сакральное действие предваряется каннибалистской оргией с пожиранием мяса и крови врагов религии [5, 87]. В произведениях православных авторов буддизм рассматривается как не-религия, отрицающая душу и основывающая свое действие на сексуальной магии, основанной на культе человеческих жертвоприношений и индуистском политеизме [1, 78].

В целом, православные исследователи подчеркивают, что буддизм имеет языческий характер, который противопоставляется подлинно религиозному характеру православия, как инструменту спасения Богом человека. В этом контексте буддизм предстает как модифицированная ветвь индуизма, и инструмент, используемый во имя гибели человечества. Как правило, выводная часть произведений православных авторов о буддизме заключается в прокламации его демонической сущности и формировании образа «Чужого» в глазах верующих читателей. Наиболее ярко эти выводы звучат в статьях И.М. Концевича [9] и В.А. Кожевникова [10]. Самые негативные оценки буддизма можно найти в трудах русских евразийцев. Например, по мнению Н.С. Трубецкого [22, 373], «поворот к востоку» в русской культуре вовсе не означает «поворота» к восточному мировоззрению, которое продолжает оставаться чуждым русскому человеку.

В современном творчестве православных авторов, которые, по мнению С.П. Нестеркина [14, 16], склонны некритически репродуцировать и интерпретировать наследие православной мысли о буддизме нач. XX в., и эти выводы имеют большое практическое значение, так как «Чужие» здесь получают вполне реальное воплощение. Так, И.А. Арзуманов конструирует картину вражеского вторжения со стороны буддизма в православную Россию. Он пишет, «методы защиты интересов тибетских теократических институтов в России в течение ряда лет отрабатываются общественными организациями под общим названием «Друзья Тибета» [1, 178]. Эскалация напряженности в связи с этим, по его мнению, отмечалась не только в Бурятии, Туве, Калмыкии, но и в Петербурге, Москве. По его мнению, в православной России не обошлось без агентов буддизма, которыми стали некоторые из чиновников, без прозелитизма которых ламаизм никогда не смог бы возродиться в формах, дестабилизирующих общественно-политическую жизнь региона.

Подведем итоги:

1. Анализ содержания произведений о буддизме православных авторов показывает, что эта группа произведений направлена на обоснование апологетических целей и демонстрацию превосходства православия над нехристианскими религиями посредством критики буддизма как «чужой» религии. Содержанием этих произведений является поиск отличий, которые бы продемонстрировали противопоставленность этих религий. При этом труды Н.О. Лосского, Б.П. Вышеславцева, А.М. Концевича, В.А. Кожевникова, В. Вашкевича, архиепископа Вениамина основываются на буддологических исследованиях представителей британской и немецкой буддологических школ нач. XX в. и символизируют зарождение интереса к буддизму в православии. В них заложены основные традиции и направления исследования и сравнения буддизма и православия. Разумеется, это сравнение разрешается русскими религиозными философами в пользу учения о Христе. Однако в рамках универсалистских подходов определяется и мировое значение буддизма. Следует отметить, что интерес к буддизму связан с ощущением кризиса европейской культуры, опасением, что «неверно понимаемый» буддизм и «необуддийские» учения могут усугубить этот мировоззренческий кризис.

2. Отдельную от них группу представляют труды таких современных авторов, как А.И. Осипов, В.Ю. Питанов, А.Н. Дворкин, А. Кураев, С.В. Рябов, И.А. Арзуманов и др., которые не основаны на анализе буддийских текстов, а интерпретируют идеи православных философов нач. XX в. Буддийские идеи понимаются

здесь в контексте перенесения на них православных смыслов. Эти интерпретации носят характер вторичного переосмысления и религиозного навета, осуществляемого как следствие операций сообщения буддийским терминам несвойственного им антихристианского значения, их упрощения и стереотипизации. Все это приводит к оформлению православного мифотворчества о буддизме, в котором он предстает как олицетворение образа «Чужого». Основными структурными звеньями православной мифологемы являются: идея о теории познания в буддизме, якобы основанной не на знании, а только на вере; идея об индуистской, языческой сущности буддизма, ведущей к идолопоклонству и человеческим жертвоприношениям; идея о личности в своей гордыне, отвергнувшей и свое «Я» (душу), и Бога. Венчает мифологический образ буддизма идеологема о мертвящем, ведущем к духовному самоубийству духе буддизма, который стремится угасить самосознание человека в небытии.

3. Таким образом, буддийские термины присваиваются православно-ориентированными авторами, выстраивающими на этом фундаменте здание истории, в которой православие не только играет всеохватывающую роль в инкультурационных процессах, но и является единственным витальнообразующим элементом. Это нацелено на привлечение новых верующих, которые, по мысли авторов, должны отринуть буддийские ориентации. В то же время, несмотря на отдельные попытки осторожной критики православно-ориентированных авторов (но не православия в целом) со стороны русских буддологов, со стороны самих буддийских конфессий не фиксируется ни попыток ответа на религиозный навет со стороны православия, ни критики православия. Похоже, что буддизм устраивает эта ситуация, в которой православные авторы, критикуя буддизм, рассказывают о его основах и пытаются интерпретировать его терминологию понятными для русского населения терминами, что, в конечном счете, способствует распространению идей буддизма в пространстве культуры русского населения.

Литература

1. Арзуманов И.А. Трансформация конфессионального пространства Байкальской Сибири (XX-XXI вв.): комплексно-методологические аспекты исследования. Иркутск, 2006. 212 с.

2. Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. 383 с.

3. Булгаков С. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М., 2008. 640 с.

4. Бурдуков А.В. Человеческие жертвоприношения у современных монголов // Сибирские огни. Новосибирск, 1927. № 3. С. 184-189.

5. Вашкевич В. Ламаиты в Восточной Сибири // Буддийский мир глазами российских исследователей XIX первой трети XX века. СПб., 1998. 342 с.

6. Верховский С.С. Бог и человек: Учение о Боге и богопознании в свете православия. Нью-Йорк, 1956. 416 с.

7. Вышеславцев Б.П. Сердце в индийской и христианской мистике // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 62-87.

8. Далай-лама. Мир тибетского буддизма. Обзор его философии и практики. СПб., Нартанг, 1996. 226 с.

9. Концевич И.М. Православие и буддизм. М., 1995. 24 с.

10. Кожевников В.А. Буддизм в сравнении с христианством. М., 2002. Т. I-II. 564 с.

11. Красников А.Н. Методология западного религиоведения второй половины XIX-XX века: автореф. дис. д-ра филос. наук. М., 2007. 48 с.

12. Кураев А. Сатанизм для интеллигенции: Раннехристианская традиция о переселении душ. М., 1997. 1000 с.

13. Лосский Н.О. Христианство и буддизм: сб. статей // Христианство и Индуизм. М., 1994. С. 25-64.

14. Нестеркин С.П. Основные тенденции развития буддизма в социокультурном пространстве России // Вестник Бурятского университета, 2009. Вып. 6 а. С. 16-20.

15. Осипов А.И. Посмертная жизнь. М., 2007. 58 с.

16. Питанов В.Ю. Можно ли совместить Православие и буддизм? Живой Журнал [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.proprosvetlenie.ru/2011/09/blog-post_7801.htm.

17. Рябов С.В. Буддизм и современная эскалация насилия / Свобода совести – важное условие гражданского мира и межнационального согласия. М., 2003. С. 304-310.

18. Сафронова Е.С. Буддизм в России. – М., 1998. 899 с.

19. Соловьев В.С. Сочинения. М., 1990. Т. 1. 896 с.

20. Терентьев А.А. Критика и библиография. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.buddhismofrussia.ru/HTML/c6-crit.htm.

21. Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. СПб., 1998. 384 с.

22. Трубецкой Н.С. Религии Индии и христианство. М., 2007. 404 с.

23. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. М., 1990. 490 с.

24. Франк С.Л. Учение о переселении душ (религиозно-исторический очерк) // Переселение душ. М., 1994. С. 268-278.

25. Щербатской Ф.И. Концепция буддийской нирваны // Избранные труды по буддизму. М., 1988. С. 111-262.

Коротко об авторах — *Briefly about the authors*

Жуков А.В., д-р филос. наук, профессор каф. «Философия, теория и история культуры», факультет социально-политических систем, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
artem_jukov68@mail.ru

Научные интересы: религиозное мифотворчество; этнографическое религиоведение, краеведение; история и культура народов Забайкалья

Жукова А.А., аспирант, каф. «Философия, теория и история культуры» факультет социально-политических систем, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
Kazarbina_a@mail.ru

Научные интересы: этнографическое религиоведение, буддология, славистика, история и культура народов Забайкалья

Власова К.Е., студентка, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
karina12305@mail.ru

Научные интересы: глобализация, религия, мифотворчество, когнитивная антропология

A. Zhukov, Doctor of Philosophical Sciences, professor, Philosophy, theory, and cultural history department, faculty of Social and Political Systems, Zabaikalsky State University

Scientific interests: religious myth; ethnographic religion, ethnography, history and culture of Transbaikalie

A. Zhukova, postgraduate student, Philosophy, theory, and cultural history department, faculty of Social and Political Systems, Zabaikalsky State University

Scientific interests: ethnographic religion, Buddhism, slavic studies, history and culture of Transbaikalie

K. Vlasova, student, Zabaikalsky State University

Scientific interests: globalization, religion, mythmaking, cognitive anthropology

УДК 323

Соловьева Надежда Алексеевна
Nadezhda Solovyeva

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА КУЛЬТУРУ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ КНР (НА ПРИМЕРЕ НАРОДОВ ВА И ХУЭЙ)

THE IMPACT OF GLOBALIZATION ON CULTURE INDIGENOUS PEOPLES OF CHINA (FOR EXAMPLE, VA AND HUI)

Рассматривается процесс влияния глобализации и национальной политики Китая на культуру малочисленных народов на примере ва и хуэй. Изучение и анализ трансформационных процессов позволяет более многогранно рассмотреть проблематику культурных процессов в условиях глобализации. Влияние внешнего фактора – глобализации и внутреннего фактора – национальной политики и естественного изменения культуры формируют особое направление социокультурного пространства народов КНР. Приведены данные полевых исследований, полученные на территории Китая за период 2011-2012 г.

Ключевые слова: *глобализация, культурная адаптация, национальная политика, регионализация, национальные меньшинства*

The article deals with the process of globalization and the impact of national policies on China's culture of indigenous peoples, for example, Ba and Hui. The study and analysis of transformation processes, allows more diverse perspective to consider the cultural processes of globalization. The influence of external factors – globalization and internal factors – the national policy and the natural change of culture, form a distinct trend sociocultural space peoples of China. The article presents the field data obtained in China for the period 2011-2012 year

Key words: *globalization, cultural adaptation, national politics, regionalization, national minorities*

Статья подготовлена в рамках Соглашения 14.B37.21.0031 Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы «Социокультурная безопасность Забайкальского края как приграничного региона России в контексте усиленной трансляции китайского феномена мягкой силы»

Культура каждого народа представляет собой «живой организм», который формируется и развивается при определенных условиях. Особенности региона, в котором проживают народы, предопределяют перспективу развития этнокультурных процессов. Влияние глобализации при этом направлено на размывание культурных, политических, социальных и экономических границ между народами. Регионализация же, в свою очередь, характеризуется стремлением сохранить самобытность культуры. При этом создать полную изоляцию от процесса глобализации невозможно, поэтому существуют два направления: подстроиться под приоритеты западной культуры или обеспечить постепенное, естественное проникновение элементов западной системы в социокультурное пространство.

В КНР сформировалось особое направление национальной политики с учетом сохранения традиционной культуры. При этом необходимо учитывать, что наряду с глобализацией происходит естественный процесс трансформации элементов

традиционности. Поэтому, уделяя внимание глобализационным процессам, необходимо помнить о существовании локальных проблем, которые напрямую связаны с сохранением этнокультурной специфики и этнической идентификации народов.

Закономерным следствием этого процесса является актуализация научного интереса к изучению проблем трансформации культуры малочисленных народов КНР в современных условиях. Динамика культуры народов – это естественный процесс, однако стихийное изменение «из вне» зачастую является негативным результатом неразумной политики государства, т.к. при мгновенном размывании этнокультурных границ представление о плюрализме культур растворяется в потоке глобализации.

Целью данного исследования является изучение влияния глобализации на культуру малоизученных в отечественной литературе народов ва и хуэй. Теоретической и источниковой базой исследования являются работы российских и китайских исследователей Э.У. Байдорова [1], Н.Я. Бичурина [2], Косиченко [3], В.В. Малявина [4], Я.В. Чеснова [5], А.А. Закурдаева [6], Ли Пин [11], Ду Вэймина [12], Ван Мэна [13].

Приоритетное место в этих трудах занимает проблема изучения процесса глобализации в аспекте культуры, трансформация культуры народов ва и хуэй под воздействием внешних и внутренних факторов, а также особенности формирования социокультурного пространства.

Чтобы понять, каким образом процесс глобализации влияет на модификацию культуры народов ва и хуэй, необходимо обозначить особенности глобализационного процесса.

Известный российский философ С. Панарин считает, что глобализация влияет на ослабление традиционных, территориальных, социокультурных и государственно-политических барьеров. Народы, которые когда-то были изолированы друг от друга, теперь находятся в системе международного взаимодействия и взаимозависимости [1]. Ярким примером является ослабление языковых барьеров народа хуэй в процессе формирования единой нации – чжунхуа миньцзу. Говорить, читать и думать на путунхуа является основой региональной политики Китая. Однако ослабление языкового барьера осуществляется не под влиянием глобализации, а под воздействием национальной политики КНР. Кроме того, после введения единой формы языка – путунхуа (в 1955 г.) данный процесс нисколько не ущемляет права хуэцев, так как они вправе использовать свой диалект среди представителей этнической общности.

Взаимоотношения как на международном, так и на местном уровнях сводятся к единой системе ценностей: китайскому патриотизму и гордости за экономическое развитие страны. Таким образом, происходит консолидация национальных меньшинств Китая (шаошу миньцзу) и безболезненное проникновение элементов глобализации в социокультурное пространство региона.

Важным является и экономическое влияние. Так, А.Г. Косиченко считает, что через экономику действие глобализации распространяется на другие сферы человеческой жизни. Несмотря на заметную автономность культуры от экономики, культура все равно подвержена процессам модификации [3]. У таких представителей национальных меньшинств, как ва и хуэй, четко прослеживается взаимосвязь экономической и культурной сферы. Вслед за экономической модернизацией происходят изменения и в социокультурном пространстве народов. Например, реализация проектов по улучшению социально-экономического уровня жизни народов (таких, как усовершенствование транспортных путей, льготы на образование, предоставление кредитов на развитие сельского хозяйства) способствует трансформации мировоззрения и элементов традиционной культуры.

Источник устойчивого развития человечества заключен в разнообразии и многообразии культур. «Наше культурное разнообразие, – говорится в Хартии Земли, провозглашенной ООН, – является ценным наследием, и различные культуры найдут свои собственные пути к реализации своего видения устойчивого образа жизни»

[7; С. 30-36]. Таким образом, сохранение материальной и духовной культуры каждого народа входит в число основных задач государства. При этом необходимо учитывать, что культура народов – это своего рода живой организм, который в различных регионах развивается не одинаково. Поэтому представителям различных этнических обществ зачастую трудно перестроиться на эпоху инновационных технологий. Народ ва, проживающий в уезде провинции Юньнань – Цхан-юань (где он составляет большой процент населения), продолжительный отрезок времени находился в изолированном культурном пространстве. Причина этого кроется, прежде всего, в географической среде, поскольку Ва населяют труднодоступные для транспорта места.

В настоящее время региональная политика Китая направлена на обеспечение жизненно важных потребностей народов ва и хуэй, проживающих в провинции Юньнань. В ее рамках осуществлена работа по улучшению инфраструктуры бедных районов в пяти направлениях:

1) проект видоизменения ландшафта;
2) ирригационный проект;
3) проект по созданию электростанций;
4) строительство дорог;
5) экологический проект [8].

При этом, несмотря на направленную модернизацию, осуществление которой проходит в рамках региональной политики, процесс перехода на новый путь технологий для ва является сложным. Появляются различные социальные и психологические проблемы. Возникает образ «ненужности», так как необходимо отвечать современным инновационным требованиям. Ва (wazu) относительно недавно исключили из своей культуры религиозный обряд жертвоприношения «охота за головами» [14]. По их религиозным представлениям душа сосредоточена в голове человека. Во время сна и болезни душа покидает тело. Именно поэтому добыть голову противника означает овладеть его душой.

Таким образом, противоречивый характер глобализации вызывает дискуссию среди ученых, в частности, по мнению А.Г. Косиченко, глобализация не является средством обогащения культуры в процессе диалога. Происходит обезличивание форм, в основном, культур малочисленных народов. Страдают при этом все культуры, и экономически развитые страны не исключение. В силу сложности, многомерности, наслоения одной культуры на другую разрушающее воздействие на них можно осуществлять столь же многообразно [3]. Однако автор позволит себе не согласиться с данной точкой зрения. Безусловно, процесс глобализации не несет стопроцентного обогащения культуры каждого этноса, но при этом существует своего рода специфика, благодаря которой культура получает пользу. Так, например, несмотря на то, что многие традиции национальных меньшинств Китая (шаошу миньцзу) в современном обществе видоизменяются, при этом духовная система ценностей народов остается той же. Изменения происходят информационного направления, – использование компьютера в культуре ва является начальным этапом для перехода к современному технологическому обществу. Это нисколько не ущемляет позиции культуры, а лишь дополняет ее развитие новыми возможностями. Глобализационный процесс не влияет на ослабевание системы ценностей, в частности, на традиционные представления об одежде. Так, благодаря большому ассортименту одежды, хуэйцы (huizu), например, отдают предпочтение той, которая отвечает их традиционным, ценностным установкам. Для хуэйских девушек покупка хиджаба не является трудоёмким процессом, так как на территории Китая этот элемент одежды не является частью экзотики. Основополагающим принципом таких процессов является влияние региональных особенностей, общность происхождения, религиозная принадлежность, общность социально-экономического развития формирует устойчивость к глобализационным процессам.

Китайские ученые Дунюань Чжу [14], Цзоу Хуацзинь [15], исследуя глобализацию, учитывают ее влияние на экономику и культуру каждого народа. Однако при этом

прослеживается особая двойственность в политике Китая, в решении вопросов о сохранении духовных и материальных элементов культуры этносов. С одной стороны, политика КНР направлена на сохранение самобытности культур, например, об этом свидетельствует большое количество национальных парков и создание этнографических экспозиций под открытым небом. Кроме того, прослеживается тенденция формирования фольклорных ансамблей, в частности, народов ва и хуэй. Творческие коллективы народов выступают в различных городах Китая, демонстрируя зрителям вокальные и танцевальные способности. Во время фестивалей, которые проходят в праздничные дни, можно приобрести предметы материальной культуры национальных меньшинств.

С другой стороны, первоначальная цель организации таких мероприятий, прежде всего, экономическая. Большинство национальных парков расположены на территории туристических зон, поэтому для представителей различных этнических групп это обычный рабочий день. Кроме того, большая доступность этнических вещей на прилавках магазинов, в конечном счете, создает ситуацию «неразберихи». Так, например, по наблюдению автора, в отделе продажи предметов этнической культуры ва можно встретить товары с изображением традиционного орнамента уйгур. Иными словами, предметы материальной культуры превращаются в предметы экономической выгоды.

В Китае господствует доктрина китайского национализма (чжунхуа миньцзу), с помощью которой происходит формирование регионального сознания (общегосударственной идентичности) [11]. Религиозное мировоззрение и этнокультурные ценности при этом не отвергаются, но и не получают полную свободу действий. Это обусловлено тем, что главная цель стратегии безопасности КНР – консолидация народов в единую культуру, которая будет способна влиять на культуру других стран. Иными словами, происходит ответная реакция на процесс глобализации, смысл которой состоит в том, чтобы не допустить размывания границ на международном уровне и одновременно возвысить единую культуру Китая.

Ещё в начале XIX в. выдающийся российский китаевед Н.Я. Бичурин писал: «... Самая приметная черта китайцев – это гордость перед иностранцами. Китайцы, не имея возможности вполне сравнить своё просвещение с европейским, считают себя образованнейшим народом в свете и потому с окружающими Китай полуобразованными азиатами обращаются с большим презрением, в общении с европейцами показывают вежливость, но сквозь тонкое покрывало учтивостей всюду просвечивает гордость» [2; С. 392]. Подобно многим другим древним народам, древние китайцы считали свою страну центром мира. Как писал в начале н. э. историк древнего Китая Бань Гу, «земли китайцев находятся в сосредоточии того, что освещают солнце и луна, и посему всё живое взращивается здесь в полноте своих свойств. Здесь рождаются великие мудрецы. Земли же варваров расположены по краям, и жизненные свойства там ущербны...» [4; С. 30-31]. Можно сказать с абсолютной уверенностью, что традиционные китайские взгляды нашли отражение не только в характере и менталитете китайской культуры, но и постепенно влияют на формирование концепции национализма.

Культура должна быть рассмотрена в качестве феномена глобализации, а не как обычная реакция на экономическую глобализацию [9; С. 109]. Это не означает, что глобализация культуры – единая культурная система мирового пространства. Такого рода процессы представляют собой совокупность культурных столкновений и противоречий, что является основным отличием современного многополярного мира [10; С. 58-68]. Иными словами, как уже упоминалось ранее, глобализация – это естественный процесс, поэтому ее противоречивый характер – это одна из сторон названного процесса. Например, влияние глобализации существенно не видоизменяет традиции и обычаи в культуре народов ва

и хуэй. Церемония различных культурных действий (например, свадебный обряд) демонстрирует, что традиции, которые передавались из поколения в поколение, соблюдаются и в современной культуре ва и хуэй. Так, хуэйцы соблюдают нормы и правила религиозных обрядов, несмотря на то, что в течение рабочего дня у них практически нет свободного времени. Тем не менее, ежедневно, в обеденное время можно увидеть как хуэйцы читают молитвы, не обращая никакого внимания на окружающих, так как для них это – церемония священного таинства. Кроме того, посещение мечети – обязательное условие, которое необходимо соблюдать.

Таким образом, процесс глобализации не только формирует единую систему в экономике, политике различных стран мира, но и способствует процессу «глокализации» – адаптации элементов вестернизации к локальным и местным традициям региона [1]. Глобализация не является негативным процессом в культуре народов ва и хуэй, она лишь расширяет представление о плюрализме культур, дополняя новыми возможностями и знаниями технологического прорыва. Традиции и обычаи народов ва и и хуэй видоизменяются по причине естественной изменчивости культуры и влияния национальной политики, при этом система ценностей остается неизменной.

Литература

1. Байдаров Э.У. Влияние глобализации на культуру и ценности человека // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2010. № 3. С. 30-36.

2. Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. М.: Восточный дом, 2002. С. 392.

3. Косиченко А.Г. Влияние глобализации на культуру и ценности человека. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sng-baltia.ru.

4. Малявин В.В. Китайская цивилизация. М.: Дизайн. Информация. Картография, Изд-во Астель, Изд-во АСТ, 2001. С. 30-31.

5. Чеснов Я.В. Народ Кава // Проблемы этнографии и этнической истории народов Юго-Восточной Азии. М., 1968. С. 137-182.

6. Закурдаев А.А. Социальная организация народов в Китая. Этнографическое обозрение, 2007. С. 81-93.

7. Лукъянов Л.А. Война и мир цивилизаций // ПДВ. 2002. № 2. С. 152.

8. Энциклопедия китайских регионов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russian.china.org.cn/russian/55905.htm.

9. Кошелев М.И., Фомина М.Н. Пространственные и временные характеристики природы диалога региональных культур // Вестник Читинского государственного университета. № 4 (83). Чита: ЗабГУ, 2012. С. 109.

10.Федотова Н.Н. Возможна ли мировая культура? // Философские науки. № 4. 2000. С. 58-68.

11.Ли Пин. Культурный фактор глобализирующейся регионализации КНР // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. № 43-1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-faktor-globaliziruyuscheysya-regionalizatsii-knr.

12. Ду Вэймин. Жэньвэнь цзиншэн юй цюаньциу луньли = Дух гуманизма и этика глобализации. Пекин, 2000. Кит. яз.

13. Ван Мэн. Чуаньчиухуа шицзяо ся дэ чжунго вэнхуа = Культура Китая в условиях глобализации // Синьхуа вэньчжай. 2006. № 17. С. 105-115. Кит. яз.

14. Дунюань Чжу. Цюаньциухуа юй Чжунгогоцзя Лии = Глобализация и интересы китайского государства. Бэйцзин: Женьминь чубаньшэ, 2004. С. 195. Кит.яз

15. Цзоу Хуацзинь. Аеньхуа цюаньцюхуа фачжаньтайши – веньхуа цюаньцюхуадэ цзяолиу худун = Состояние развития культурной глобализации – глобальное взаимодействие и диалог культур // Ганьсу ляньхэ дасюе сюебао. 2006. № 1. С. 58-59. Кит. яз.

Коротко об авторе — *Briefly about the author*

Соловьева Н.А., аспирант, сотрудник научно-образовательного музейного центра, Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
nadezd.c@yndex.ru

N. Solovyeva, post-graduate student, employee of research and educational museum center, Zabaikalsky State University

Научные интересы: регионализация, глобализация, культура народов, философия культуры

Scientific interests: regionalization, globalization, the culture of the peoples, philosophy of culture

Экономические науки

УДК 658.14./.17

Акбердина Виктория Викторовна
Victoria Akberdina

Уакпаева Махаббат Магауияновна
Makhabbat Uakpaeva

РАЗЛИЧНЫЕ МЕТОДИКИ ДИАГНОСТИКИ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF VARIOUS MEHTODS OF DIAGNOSTICS OF THE ENTERPRISE`S FINANCIAL STABILITY

Рассмотрены основные методы оценки и планирования финансовой устойчивости хозяйствующих субъектов. В ходе анализа выявлены основные недостатки и положительные особенности, инструментарий существующих методических подходов к анализу финансовой устойчивости

The article describes the main methods of assessment and planning of financial stability businesses. The analysis identified the main weaknesses and positive features, tools, existing methodological approaches to the analysis of financial stability

Ключевые слова: *финансовая устойчивость, анализ, ликвидность, методика оценки, прибыль, управление*

Key words: *financial stability, analysis, liquidity, estimation procedure, profit, management*

С переходом значительной части производственного потенциала страны на рыночные отношения поменялись ориентиры и критерии оценки деятельности хозяйствующих субъектов, принципиально изменилась система управления социально-экономическими процессами. Все это требует фундаментальных научных исследований в сфере методологии и методики оценки финансовой устойчивости экономики в целом, и отдельных хозяйствующих субъектов, в частности.

Так как предприятия представляют собой сложную систему, состоящую из многих подсистем, то и оценка ее устойчивости должна характеризоваться комплексностью подхода.

Существует множество возможных вариантов оценки финансовой устойчивости предприятия, выбор использования которого может зависеть от отраслевой специфики предприятия, от задач, поставленных перед выполнением анализа, финансового аналитика, выполняющего оценку – изнутри для хозяйствующего субъекта или снаружи для внешней организации. Также для оценки финансовой устойчивости на практике могут использоваться комбинации различных приемов и способов, основными из которых является анализ.

Как показывает анализ литературных источников, подавляющее большинство методик оценки финансовой устойчивости предприятия основано на коэффициентном методе. При этом набор коэффициентов варьируется.

Л.П. Белых, М.А. Федотова для оценки финансовой устойчивости предлагают рассчитывать следующий набор коэффициентов:

1) коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами как отношение собственных оборотных средств к оборотному капиталу;

2) коэффициент задолженности как отношение всех долговых обязательств к собственному капиталу;

3) коэффициент маневренности как отношение собственного оборотного капитала ко всему собственному капиталу предприятия;

4) коэффициент покрытия процентов как отношение прибыли до выплаты процентов и налогов к расходам на выплату процентов [2; С. 66-67].

В.В. Бочаров и В.Е. Леонтьев предлагают «измерять финансовую устойчивость посредством расчета коэффициентов задолженности, финансирования, финансовой независимости, структуры собственного капитала и коэффициента устойчивого финансового роста» [3; С. 229]. В указанной методике рассчитывается весьма важное, с точки зрения устойчивого развития предприятия, отношение чистой прибыли, направленной на финансирование капиталовложений в основной капитал к средней за период стоимости собственного капитала.

Г.В. Савицкая считает, что «наиболее полно финансовая устойчивость может быть раскрыта на основе изучения равновесия между статьями актива и пассива баланса». Финансовое равновесие она предлагает рассматривать с двух взаимно дополняющих подходов.

Первый (имущественный) подход оценки финансового равновесия исходит из позиции кредиторов: предполагает сбалансированность активов и пассивов баланса по срокам и способность предприятия своевременно погашать свои долги (ликвидность баланса).

Второй (функциональный) исходит из точки зрения руководства предприятия, основанной на функциональном равновесии между источниками капитала и их использованием в основных циклах хозяйственной деятельности [11; С. 636].

Первый подход, на наш взгляд, предпочтительнее для оценки финансовой устойчивости, поскольку позволяет преодолеть статичность показателей посредством сбалансированности притока и оттока денежных средств при условии уравновешенности активов и пассивов по срокам использования и по циклам.

На наш взгляд, углубленное использование только коэффициентного метода ограничивает возможность оценить финансовую устойчивость со всех сторон ее проявления на предприятии. Поэтому оценка финансовой устойчивости на основе данного способа будет детально проработанной, однако односторонней.

Следующий способ оценки финансовой устойчивости является наиболее распространенным в случае, когда финансовый аналитик не желает ограничиваться только коэффициентными расчетами. Данный способ ставит целью подготовку рекомендаций по повышению финансовой устойчивости и заключает следующие этапы:

– структурный анализ активов и пассивов предприятия;

– анализ финансовой устойчивости;

– анализ ликвидности предприятия;

– факторный анализ ликвидности и управление финансовой устойчивостью предприятия [8; С. 336-337; 9; С. 9-21].

Целью структурного анализа является изучение структуры и динамики средств предприятия и источников их формирования для ознакомления с общей картиной финансового состояния. Структурный анализ носит предварительный характер, поскольку по его результатам еще нельзя дать окончательную оценку качества финансового состояния. Структурному анализу предшествует общая оценка динамики активов предприятия, получаемая путем

сопоставления темпов прироста активов с темпами прироста финансовых результатов. Для анализа структуры активов используются коэффициент соотношения мобильных и иммобилизованных активов и коэффициент имущества производственного назначения. Для анализа структуры пассивов – коэффициенты независимости, соотношения собственных и заемных средств.

Основой данного способа оценки является второй этап, представляющий собой:

– анализ наличия и достаточности реального собственного капитала, который производится путем расчета разницы реального собственного капитала и уставного капитала, то есть отображает прирост и отвлечение собственного капитала после образования предприятия;

– анализ обеспеченности запасов источниками их формирования. Он основан на интерпретации балансового уравнения и абсолютного показателя ликвидности, выводе условия достаточности покрытия запасов определенными видами источников их формирования. Общая величина запасов поочередно сравнивается с наличием собственных оборотных средств, долгосрочных источников финансирования, общей величины основных источников формирования запасов.

Данный метод анализа финансовой устойчивости достаточно удобен, однако он не объективен и позволяет выявить лишь только внешние стороны факторов, влияющих на финансовую устойчивость

Так как управление ликвидностью в данном способе оценки финансовой устойчивости предприятия выбрано первичным условием, то и управление финансовой устойчивостью целиком сведено к поддержанию ликвидности и платежеспособности предприятия.

Существенным недостатком данного способа является переоценка роли ликвидности и платежеспособности предприятия в укреплении его финансовой устойчивости. Хотя ликвидность активов и баланса является фактором, влияющим на формирование финансовой устойчивости предприятия, он отражает только одну сторону ее сущности, пренебрегая ролью структуры пассивов. В основе данного варианта анализа финансовой устойчивости предприятия лежат очень жесткие критерии, в соответствии с которыми состояние многих фирм следует отнести к неустойчивому, или кризисному.

Применение данного подхода больше ориентировано на экспресс-анализ в исследовании и не позволяет эффективно оценить отдельные виды финансовой устойчивости.

А.А. Григорян считает, что с точки зрения налоговых органов финансовое состояние предприятия и, соответственно, степень его устойчивости характеризуется следующими показателями:

– балансовая прибыль;

– рентабельность активов;

– рентабельность производства и реализации продукции и услуг [6; С. 16-18].

Для успешного развития предприятия необходимо, чтобы после совершения всех расчетов и выполнения всех обязательств у него оставалась прибыль, позволяющая развивать производство, модернизировать его материально-техническую базу, улучшать социальный климат и т.д. В рыночной экономике именно рост прибыли создает финансовую базу как для самофинансирования текущей деятельности, так и для осуществления расширенного воспроизводства. За счет прибыли предприятие не только погашает свои обязательства перед бюджетом, банками, страховыми компаниями и другими предприятиями и организациями, но и инвестирует средства в капитальные активы. При этом для достижения и поддержания финансовой устойчивости важна не только абсолютная величина прибыли, но и ее уровень относительно вложенного капитала или затрат предприятия, то есть рентабельность.

Показатели рентабельности рассчитываются как отношение балансовой или чистой прибыли к имуществу предприятия, к объему выручки от реализации продукции, к величине собственного или привлеченного капитала.

По нашему мнению, такой подход к оценке показателей финансовой устойчивости заслуживает внимания, однако не лишен недостатков.

Помимо указанных подходов, М.С. Абрютина и А.В. Грачев предлагают оценивать финансовую устойчивость предприятия по методике соотношения финансовых и нефинансовых активов [1; С.203]. Согласно этой методике, финансовое равновесие и устойчивость финансового положения достигаются, если нефинансовые активы (внеоборотные активы, кроме инвестиций, и запасы) покрываются собственным капиталом, а финансовые (оборотные активы, кроме запасов, и долгосрочные финансовые вложения) – заемным. В этом случае запас финансовой устойчивости увеличивается по мере превышения собственного капитала над нефинансовыми активами или то же самое по мере превышения финансовых активов над заемным капиталом. Противоположное отклонение от параметров равновесия в сторону превышения нефинансовых активов над собственным капиталом свидетельствует о потере устойчивости.

Согласно данной методике, граница между допустимым и рискованным вариантами заимствования средств проходит по критической черте (собственный капитал равен сумме долгосрочных нефинансовых активов). В области напряженности разность между собственным капиталом и долгосрочными нефинансовыми активами положительная. Напротив, в состоянии риска эта разность будет отрицательной.

По нашему мнению, последний описанный способ оценки отличается оригинальным инструментарием, привлечением внимания аналитика к факторам, оставшимся незамеченными при использовании других способов.

Однако существующие методические подходы к оценке, анализу и прогнозированию финансовой устойчивости предприятия имеют рад недостатков. В частности, до настоящего времени нет единого понятия финансовой устойчивости, дифференциации нормативных значений финансовых оценочных показателей в зависимости от конкретных условий хозяйствования, обоснования использования отдельных показателей. Как уже отмечалось, в современных условиях особо важное значение приобретает оценочный аспект категории управления, поэтому в настоящее время упор в только формирующейся законодательной базе по этому вопросу делается именно на анализ и оценку финансовой устойчивости.

Среди разных министерств и ведомств, затрагивающих проблему управления финансовой устойчивостью предприятий, наиболее взвешенные и полные рекомендации можно встретить в ряде нормативных актов Министерства финансов РК. В Правилах проведения государственных закупок услуг по проведению анализа эффективности управления активами, оценке стоимости объектов приватизации и их финансового состояния, выполнения инвестиционных обязательств предлагается трехуровневый вариант анализа финансовой устойчивости предприятий и впервые даются нормативные значения показателей [10]:

1) соотношение заемных и собственных средств не менее 70 %. Превышение указанной границы означает неоправданную зависимость предприятия от внешних источников, что ведет к потере финансовой автономности;

2) коэффициент обеспеченности собственными средствами. Нижняя граница 0,1. Чем выше показатель (около 0,5), тем лучше финансовое состояние предприятия и тем у него больше возможностей проводить независимую финансовую политику;

3) коэффициент маневренности собственных оборотных средств – 0,2...0,5. Чем ближе значение показателя к верхней рекомендуемой границе, тем больше у предприятия возможностей для финансового маневра.

Предложенный алгоритм расчета основывается на исследовании структуры источников средств и достаточности величины собственного оборотного капитала и обозначает достаточно разумные и реалистические пограничные значения для предложенных коэффициентов. Однако наряду

с этим данный алгоритм расчета обладает рядом недостатков и замечаний:

1) величина собственного капитала у большинства казахстанских предприятий в современных условиях незначительна в структуре пассивов. Отсутствие развитого фондового рынка не мотивирует предприятия отражать в отчетности величину собственного капитала в реальной оценке и стремиться к ее увеличению. Высокие эффективные ставки корпоративного налогообложения заставляют собственников отражать в учете лишь части реального оборота, что ведет к занижению текущей прибыли;

2) не присутствуют отраслевые корректировки. Разные отрасли экономического хозяйства имеют свою специфику, которая объективно влияет на нормальные значения показателей финансового анализа. В частности, в ряде рыночных секторов нормальное предельное соотношение заемного и собственного капитала может быть более 70 % без риска утраты финансовой устойчивости.

На основании рассмотренных способов оценки финансовой устойчивости предприятия мы убедились, что существующие способы преимущественно отражают ее достаточно односторонне, не отображая ее двойственной природы и демонстрируя либо с преувеличенным акцентом в сторону ликвидности баланса (используя, главным образом, анализ покрытия запасов внутренними источниками формирования) либо переоценивая значение структуры капитала, хотя очевидно, что универсальный способ оценки должен учитывать одновременно оба условия финансовой устойчивости.

В настоящее время важно проанализировать не только финансовое состояние предприятия, но и спрогнозировать финансовую устойчивость, а также разработать мероприятия по улучшению финансового состояния. Поскольку предпринятый авторами анализ по проверке наиболее распространенных традиционных методик оценки предприятий не позволил сформировать обоснованное мнение о степени финансовой устойчивости объекта исследования, можно сделать вывод, что для каждого типа предприятий степень финансовой стабильности, по-видимому, должна определяться своими специфичными методиками оценки.

Рассчитанные по отдельности коэффициенты структуры капитала, коэффициенты покрытия и показатели эффективности не дают содержательной информации при оценке финансовой устойчивости предприятий. Таких коэффициентов очень много, они отражают разные стороны состояния активов и пассивов предприятия. В связи с этим возникают сложности в общей оценке финансовой устойчивости. Кроме того, почти не существует каких-то единых нормативных критериев для рассмотренных показателей.

Их нормативный уровень зависит от многих факторов: отраслевой принадлежности предприятия, условий кредитования, сложившейся структуры источников средств, оборачиваемости оборотных активов, репутации предприятия и т.д. Поэтому приемлемость значений коэффициентов, оценка их динамики и направлений изменения могут быть установлены только для конкретного предприятия с учетом условий его деятельности. Возможны некоторые сопоставления по предприятиям одинаковой специализации, но они очень ограничены. Необходимо учитывать также, что одни коэффициенты, содержащиеся в перечне, дают повторную информацию о финансовой устойчивости, а другие функционально связаны между собой.

Видно, что большое количество коэффициентов служит для оценки с разных сторон структуры капитала предприятия. Поэтому необходим универсальный способ оценки, который должен учитывать одновременно оба условия финансовой устойчивости.

Полученные выводы являются результатом всестороннего практического анализа различных методик авторов научно-методической литературы, работающих в области финансового анализа и финансового менеджмента [4; 5; 6]:

– коэффициенты ликвидности. Показатели ликвидности для целей оценки долгосрочной финансовой стабильности предприятия, по нашему мнению, нерелевантны. По определению, ликвидность, как характеристика достаточности активов для покрытия своих текущих обязательств является критерием финансовой состоятельности только для краткосрочного периода, поэтому ее применение для оценки долгосрочных перспектив возможно лишь в крайне ограниченных условиях, когда высока вероятность, что краткосрочные тенденции не изменятся и в долговременной перспективе. К сожалению, для большинства предприятий нельзя говорить о стабильности факторов в долгосрочном периоде: условия будущих контрактов могут оказаться менее выгодными, может усилиться конкуренция в отрасли и т.д.;

– коэффициенты оборачиваемости. Коэффициенты оборачиваемости как фактор оценки деловой активности каждой корпоративной структуры, несомненно, влияют на степень его финансовой состоятельности, поскольку свидетельствуют об умении руководства предприятия управлять имеющимися финансовыми и материальными ресурсами. Привлечение к оценке финансовой устойчивости отдельных показателей оборачиваемости может дать существенную полезную информацию о том, насколько эффективно менеджмент предприятия умеет распоряжаться полученными ресурсами, несмотря на то, что некоторые предприятия вынуждены развиваться преимущественно за счет заемных источников нефинансового характера (прежде всего, авансов);

– коэффициенты рыночной капитализации (положения на рынке ценных бумаг). Применение данной группы коэффициентов в казахстанских условиях не имеет практического смысла по причине отсутствия основного условия их расчета – существования реально функционирующего фондового рынка, охватывающего определенное количество рыночных игроков. На современном фондовом рынке устойчивые котировки имеют лишь некоторые отечественные компании, уплата дивидендов происходит нерегулярно и их размер не сопоставим с реальными доходами предприятий, а вторичного рынка акций нет вообще, поэтому определение реальной рыночной стоимости предприятия не представляется выполнимым практически;

– коэффициенты структуры капитала характеризуют степень защищенности интересов кредиторов и инвесторов. Они отражают способность предприятия погашать долгосрочную задолженность. Коэффициенты этой группы называются также коэффициентами платежеспособности. Наиболее значимыми из всей группы коэффициентов структуры капитала, по нашему мнению, должны являться коэффициент собственного капитала и коэффициент соотношения собственного капитала к заемному;

– коэффициенты рентабельности (эффективности). Выживаемость в долгосрочном периоде коммерческих структур во многом зависит от уровня прибыльности предприятия. В силу особенностей организации рыночного сектора основную долю предприятий занимает вопрос о величине зарабатываемой ими прибыли как источника развития и выживания в период поиска новых контрактов. Любой организации необходимо нести бремя по содержанию целого ряда вспомогательных служб (бухгалтерия, администрация, безопасность, маркетинг), производить ряд других расходов, в том числе платить налоги. Таким образом, величина и капитализация полученной прибыли в современных условиях является имманентной характеристикой успешности всех предприятий. Перечисленные факторы ведут к тому, что показатели рентабельности также являются основными источниками информации финансовой устойчивости предприятий.

Таким образом, детальное изучение особенностей финансовой организации некоторых предприятий позволило выявить те отдельные показатели рентабельности оборачиваемости и структуры капитала, которые могут предоставить наиболее содержательную информацию для оценки

их финансовой устойчивости. Задачей такой количественной модели должно быть получение реалистической оценки степени финансовой устойчивости предприятия. Систематизация результатов анализа позволила выделить конкретные показатели, которые необходимо привлечь для оригинальной модели оценки финансовой устойчивости.

Проанализировав достаточно большой набор имеющихся коэффициентов финансовой устойчивости, можно ограничиться следующими пятью показателями (табл. 1).

Таблица 1

Относительные показатели финансовой устойчивости

№ п/п	Название коэффициента	Формула расчета	Содержание показателя	Оптимальное значение
1	Коэффициент соотношения заемных и собственных средств	$K_1 = \frac{заемный\ капитал}{собственный\ капитал}$	Показывает, сколько заемных средств предприятие привлекло на 1 тенге собственных	Меньше 0,7
2	Коэффициент покрытия краткосрочных обязательств оборотными активами	$K_2 = \frac{оборотные\ средства}{краткосрочные\ пассивы}$	Рост показателя в динамике благоприятно влияет на уровень платежеспособности и финансовой устойчивости	Больше 2
3	Коэффициент оборачиваемости запасов	$K_3 = \frac{выручка\ от\ реализации}{средняя\ стоимость\ запасов}$	Характеризует скорость оборота средств, вложенных в материальные оборотные активы	Больше 3
4	Коэффициент рентабельности продаж	$K_4 = \frac{балансовая\ прибыль}{выручка\ от\ реализации}$	Показывает сколько тенге прибыли до налогообложения приходится на 1 тенге выручки от реализации	Больше 0,2
5	Коэффициент обеспеченности оборотного капитала собственными источниками финансирования	$K_5 = \frac{собственные\ оборотные\ средства}{оборотные\ средства}$	Показывает, какая часть оборотных активов финансируется за счет собственных источников и не нуждается в привлечении заемных	Больше 0,1

Изложенный перечень показателей убеждает, что он действительно может быть продолжен, так как далеко не все возможные соотношения разделов и статей бухгалтерского баланса в нём охвачены. Вместе с тем ясно, что спор о количестве показателей, которыми следует ограничиться, не может найти решения до тех пор, пока заинтересованные стороны не придут к убеждению, что показатели для оценки финансового состояния предприятия должны представлять собой не набор, а систему, то есть не противоречить друг другу, не повторять друг друга, не оставлять «белых пятен» в деятельности предприятий.

Из названных пяти коэффициентов только три имеют универсальное применение, независимо от характера деятельности и структуры активов и пассивов предприятия: коэффициент соотношения заемных и собственных средств, коэффициент покрытия и коэффициент обеспеченности оборотного капитала собственными источниками финансирования.

В результате проведенного исследования выявлено, что изменение финансовой устойчивости представляет динамический процесс, зависящий от определенных факторов. Распространением простого динамического анализа на многомерный

случай является многофакторный анализ. Здесь в результате качественного анализа выделяется k факторов (S_1, S_2, S_3, ... S_k), влияющих на изменение результативного показателя I (индикатор финансовой устойчивости).

Далее устанавливается значимость каждого частного критерия в соответствии с его влиянием на финансовую устойчивость:

$$S(K_1) = 20;\ S(K_2) = 25;\ S(K_3) = 25;$$

$$S(K_4) = 10;\ S(K_5) = 20;\ \sum S(K_i) = 100.$$

Значимость каждого частного критерия устанавливается экспертами предприятия с учетом осуществляемой деятельности и структуры производства.

Рассчитываются соотношения между значениями частных критериев и их нормативными значениями (устанавливаются соответствующими органами или применяются среднеотраслевые показатели):

$$X_1 = K_1 \div K_1^н,\ X_2 = K_2 \div K_2^н,$$

$$X_3 = K_3 \div K_3^н,\ X_4 = K_4 \div K_4^н,\ X_5 = K_5 \div K_5^н.$$

Далее формируется комплексный индикатор финансовой устойчивости следующего вида:

$$I = S(K_1) * X_1 + S(K) * X_2 + S(K_3) * X3_3 + S(K_4) * X_4 + S(K_5) * X_5, \quad (1)$$

или

$$I = 20 * X_1 + 25 * X_2 + 25 * X_3 + 10 * X_4 + 20 * X_5.$$

На основании полученных результатов выводится интегральная оценка финансовой устойчивости предприятия и ранжируется в одну из трех групп по степени устойчивости: финансово устойчивые, финансово нестабильные, финансово неустойчивые. Критерии по отнесению к одной из групп представлены в табл. 2.

Таблица 2

Описание	Финансово устойчивые	Финансово нестабильные	Финансово неустойчивые
Интегральный критерий количественной оценки	>100	50-100	<50

Применимость данной модели для практических нужд и оценка финансовой устойчивости объекта исследования представлены в табл. 3.

Таблица 3

Расчет комплексного индикатора финансовой устойчивости предприятия «А»

Показатели	2009 г.	2010 г.	2011 г.
K_1	0,599	0,536	0,390
K_2	0,89	1,07	1,31
K_3	5,55	2,00	4,2
K_4	0,05	0,01	0,06
K_5	-0,12	0,06	0,24
X_1	1,17	1,31	1,80
X_2	0,45	0,53	0,66
X_3	1,85	0,67	1,4
X_4	0,24	0,07	0,28
X_5	-0,24	0,12	0,48
Комплексный индикатор (I)	78,5	59,3	80,0

Полученные значения финансовой устойчивости подтверждают достоверность результатов расчетов по предложенной методике. Практически все способы расчета финансовой устойчивости предприятия демонстрируют одинаковый результат. Однако преимущество расчета по данной методике состоит в том, что финансовую устойчивость можно оценить с помощью всего пяти показателей, учитывающих все важные аспекты деятельности предприятия. Результаты сравнительных расчетов финансовой устойчивости объекта исследования представлены в табл. 4.

Таблица 4

Результаты сравнительных расчетов финансовой устойчивости предприятия «А»

Способ расчета	Оценка финансовой устойчивости		
	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Метод 1 (по расчету источников покрытия запасов)	Неустойчивое	Неустойчивое	Неустойчивое
Метод 2 (коэффициентный)	Тревожное	Тревожное	Тревожное
Метод 3: – доля чистого оборотного капитала в покрытии запасов – коэффициент покрытия запасов	Неустойчивое Устойчивое	Неустойчивое Устойчивое	Неустойчивое Устойчивое
Метод 4 (соответствие нормативам комплексной оценки ликвидности)	Не соответствует	Не соответствует	Не соответствует
Метод 5 (комплексный балльный метод)	Высочайший риск банкротства	Проблемное предприятие	Проблемное предприятие
Авторская методика (комплексный индикатор)	Финансово нестабильное	Финансово нестабильное	Финансово нестабильное

Апробация методики и результаты сравнительных расчетов по различным методам финансовой устойчивости, приведенные в табл. 4, подтверждают адекватность разработанной методики оценки финансовой устойчивости, поскольку демонстрируют схожие результаты.

Литература

1. Абрютина М.С., Грачев А.В. Анализ финансово-экономической деятельности предприятия. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Дело и Сервис, 2001. 272 с.

2. Белых. Л.П., Федотова М.А. Реструктуризация предприятия. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 399 с.

3. Бочаров В.В., Леонтьев В.Е. Корпоративные финансы. СПб: Питер, 2002. 544 с.

4. Быкова Е.В. Показатели денежного потока в оценке финансовой устойчивости предприятия // Финансы. 2000. № 2. С. 56-59.

5. Грачев А.В. Анализ и управление финансовой устойчивостью предприятия. М.: Финпресс, 2006. 208 с.

6. Григорян А.А. Обоснование системы показателей для оценки финансовой устойчивости предприятия // Московское научное обозрение. М.: ИНГН. Январь-Февраль. № 1 (3). 2011. С. 16-18.

7. Гребенщикова Е.В. Вопросы классификации и оценки финансовой устойчивости предприятия // Консультант директора. 2006. № 7. С. 18-22.

8. Дюсембаев К.Ш., Егембердиева С.К., Дюсембаева З.К. Аудит и анализ финансовой отчетности. Алматы: Каржы-Каражат, 1998. 512 с.

9. Любушин Н.П. Система показателей анализа финансового состояния организации и методы их определения // Экономический анализ: теория и практика. 2003. № 2. С. 9-21.

10. Постановление Правительства РК от 13.06.2005 г. № 593 «Об утверждении Правил проведения государственных закупок услуг по проведению анализа эффективности управления активами, оценке стоимости объектов приватизации и их финансового состояния, выполнения инвестиционных обязательств»

11. Савицкая Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия. Минск: Новое знание, 2002. 704 с.

Коротко об авторах — *Briefly about the authors*

Акбердина В.В., д-р экон. наук, доцент, зав. сектором экономических проблем отраслевых рынков, Институт экономики, Уральское отделение Российской академии наук
akb_vic@mail.ru

Научные интересы: финансовый анализ предприятий, финансовый менеджмент

Уакпаева М.М., ст. преподаватель, Костанайский государственный университет им.А.Байтурсынова
mahabbatik@mail.ru

Научные интересы: финансовый анализ предприятий, финансовый менеджмент

V. Akberdina, Doctor of Economic Sciences, associate professor, the head of the economic problems sector of Industrial markets, Institute of Economics, Urals branch of Russian Academy's Sciences

Scientific interests: financial analyses of enterprises, financial management

M. Uakpaeva, senior teacher, Kostanay State Universitynamed after A.Baytursynov

Scientific interests: financial analysis of enterprises, financial management

УДК 330.322.54

Малышев Евгений Анатольевич
Evgeniy Malyshev

Подойницын Роман Геннадьевич
Roman Podoinitsyn

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЕКТОВ В ЭНЕРГЕТИКЕ НА ОСНОВЕ РЕАЛЬНЫХ ОПЦИОНОВ

EVALUATION OF ECONOMIC EFFICIENCY OF ENERGY PROJECTS BASED ON REAL OPTION

Описываются недостатки традиционных методов оценки эффективности инвестиций, основанных на дисконтировании денежных потоков. В качестве альтернативы рассмотрено применение метода реальных опционов к оценке инвестиций на примере энергетической отрасли. Метод реальных опционов основан на теории финансовых опционов и позволяет учитывать неопределенность будущего хода событий, тем самым давая более точную оценку эффективности инвестиционного проекта. Выявлен новый тип вложенных опционов, рассчитаны его параметры

Ключевые слова: *опцион; метод реальных опционов; неопределенность; инвестиции; управление; анализ*

This paper describes the disadvantages of traditional methods and an attempt to apply the method of real options to the evaluation investments of energy projects. This method is based on the theory of financial options and allows decrease the uncertainty of the future course of events. Our results demonstrated a new type of real options

Key words: *option, real options analysis, uncertainty, investment, management, analysis*

На протяжении длительного периода DCF (discounting cash-flow) является одним из основных инструментов инвестиционной оценки: он в различных вариантах широко используется для оценки фундаментальной стоимости компаний и вычисления чистой приведенной стоимости инвестиционных проектов. Несмотря на свою популярность, данный метод имеет ряд широко известных недостатков как с теоретической, так и с практической точки зрения. На теоретическом уровне метод дисконтированных денежных потоков не учитывает вероятностный характер результатов инвестиционного проекта, игнорирует стратегическую составляющую стоимости компаний и не позволяет оценить вклад в стоимость управленческой гибкости (т.е. возможность принимать оптимизирующие денежный поток управленческие решения по ходу реализации проектов). Особенно неплодотворно работает DCF в условиях высокой неопределенности и риска. Неопределенность условий реализации инвестиционного проекта учитывается через «премию за риск», прибавляемую к ставке дисконтирования. Увеличение нормы дисконта ведет к росту срока окупаемости

проекта и убыточности, а при существенном увеличении прогнозируемые денежные потоки перестают сказываться на NPV. Это, несомненно, защищает инвестора от рискованных вложений. Однако данная процедура имеет мало общего с реальными денежными потоками. Поэтому разработаны многочисленные альтернативные методы, частично устраняющие недостатки метода DCF. На рис. 1 представлена классификация существующих методов оценки стоимости и инвестиционной привлекательности в зависимости от наличия стратегических и рыночных рисков. Все виды риска условно можно разделить на две основные категории:

1) дискретные риски;

2) непрерывные риски (непрерывная неопределенность).

К дискретным можно отнести риски, связанные со стратегическими решениями, к непрерывным – рыночные риски, или риски колебания рыночных факторов (цена, процентные ставки, обменные курсы и т.д.). Метод дисконтированных денежных потоков дает удовлетворительные результаты, если дискретные и непрерывные риски находятся на низком уровне. В случае наличия значительных дискретных рисков используется метод дерева решений. При значительной непрерывной неопределенности применяется компьютерное моделирование по методу Монте-Карло.

Рис. 1. Классификация методов оценки

Наконец, при наличии высокого уровня непрерывной неопределенности и значительных дискретных рисков применяется метод реальных опционов, который рассматривает риск не только как отрицательный фактор, но и как возможность получить дополнительную прибыль и/или минимизировать убытки в случае неблагоприятного развития событий.

Основная идея применения опционной теории и опционной техники в рассматриваемой сфере состоит в том, что в большинстве или, по крайней мере, во многих случаях при реализации инвестиционных проектов инвестор имеет некоторую свободу действий относительно времени начала инвестирования, объемов производства, последующей продажи активов, используемых технологий и т.д.

Опцион – контракт дает право (но не обязанность) на покупку/продажу товара или финансового актива по заранее уста-

новленной цене в течение определенного, заранее фиксированного отрезка времени. Разделяют опционы *Call*, дающие право на покупку, и опционы *Put*, дающие право на продажу базового актива. Реальный опцион – опцион, базовым активом по которому являются реальные активы: заводы, запасы нефти, машины, производственные инвестиции и т.д.

Таким образом, каждый инвестор, имея право на принятие таких решений, вместе с проектом имеет как бы американский опцион и, следовательно, начиная финансирование, его реализует, неся соответствующие вмененные издержки, равные стоимости опциона. Понимание «опционного характера» инвестиционных проектов объясняет тот практически известный факт, что нередко инвесторы не отказываются от проектов с отрицательным NPV, так как ситуация может измениться к лучшему и можно будет использовать «заложенный» в проекте реальный опцион, получая в итоге положительный NPV.

Начало развития методологии оценки стоимости инвестиционных возможностей по аналогии с финансовыми опционами принято связывать с работами таких авторов, как Дж. Кокс, С. Росс, М. Рубинштейн, С. Майерс, Р. Мертон и др. Наиболее полно концепция реальных опционов представлена в монографии Авинаша Диксита и Роберта Пиндайка [Dixit A., Pindyck R. Investment under Uncertainty. - Princeton University Press, 1994], сделавших вывод о том, что принцип использования внутренних инвестиционных возможностей не противоречит ортодоксальной теории оценки инвестиций.

Цель данной работы – показать, что инвестиционные проекты с высокой степенью неопределенности исходной информации и возможностью гибкого управления необходимо оценивать с применением теории реальных опционов.

Реальные опционы могут быть как на стороне активов и касаться в основном инвестиционных решений, так и на стороне обязательств и собственного капитала, и тогда они связаны с финансовыми решениями. Реальные опционы на стороне активов подразделяются на опционы на сокращение, выход из бизнеса, на его развитие, тиражирование опыта, переключение, приостановку и отсрочку. Существуют также опционы на стадийное ведение проекта и бизнеса.

В качестве примера рассмотрим инвестиционные проекты в энергетической отрасли. Потенциальные инвесторы сталкиваются с множеством специфических проблем и неопределенностей, тормозящих реализацию инвестиционных проектов. К этим проблемам следует отнести постоянное изменение правил Оптового рынка электроэнергии и мощности, рост цен на энергетическое топливо, государственную политику сдерживания роста тарифов, высокую стоимость строительства 1 кВт·ч установленной мощности, длительные сроки строительства (4...7 лет) и окупаемости (15...30 лет). Названные факторы негативно влияют на инвестиционную привлекательность, несмотря на постоянное увеличение спроса на энергию. Таким образом, возникает противоречие – увеличение спроса на энергию не приводит к увеличению инвестиций в данную отрасль, что можно объяснить высокой степенью неопределенности исходной информации.

Одним из крупнейших инвестиционных проектов в Забайкальском крае является строительство новой мощности на станции Харанорская ГРЭС – 3-го энергоблока мощностью 225 МВт. Для обоснования экономической эффективности специалистами компании составлен бизнес-план строительства 3-го энергоблока. Расчет экономической эффективности произведен на основе методов оценки инвестиционных проектов, основанных на дисконтировании денежных потоков. Размер ставки дисконтирования, использованной при расчете дисконтированных денежных потоков, составил 13 % (с учетом возможных рисков).

По результатам первоначального расчета получены следующие показатели эффективности проекта:

– NPV (чистый дисконтированный доход) 471 млн руб.;

– IRR (ставка внутренней нормы доходности) 14 %;

– PP (простой срок окупаемости) 10 лет;

– DPP (дисконтированный срок окупаемости) 25 лет.

Для расчета показателей экономической эффективности данного проекта на основе реальных опционов необходимо выполнить следующее:

1) определить применяемый механизм возврата инвестиций;

2) рассчитать экономическую эффективность проекта без использования опциона(ов);

3) установить тип опциона(ов), который заложен в проекте и базовый актив, лежащий в его основе;

4) выбрать модель расчета стоимости опциона(ов);

5) выявить и рассчитать исходные параметры для оценки стоимости опциона(ов);

6) рассчитать стоимость опциона(ов);

7) дать итоговую оценку эффективности проекта.

Механизм возврата инвестиций. Как показывает практика, рынки электроэнергии не обеспечивают сбалансированного и устойчивого развития генерирующих мощностей, поэтому государством внедряются специальные механизмы, гарантирующие инвесторам возврат вложенных средств. Строительство 3-го энергоблока Харанорской ГРЭС ведется по механизму ДПМ. Механизм ДПМ предполагает возврат первоначальных инвестиций через тариф на мощность в течение 15 лет, а реализацию энергии – по свободным рыночным ценам. Данный механизм предполагает использование только двуставочного тарифа.

Расчет экономической эффективности проекта. Расчет экономической эффективности проекта необходимо провести с учетом следующих условий:

– оплата энергии и мощности по двуставочному тарифу;

– нормативная рентабельность продукции;

– ставка дисконтирования не должна учитывать риски, отраженные в опционе.

Рассмотрим каждое условие подробнее:

а) необходимость использования двуставочного тарифа.

Расчет бизнес-плана через двуставочный тариф с привязкой цен реализации энергии и мощности к соответствующим затратам через рентабельность позволяет снять вопросы разных темпов инфляции на данные показатели. Следовательно, расчет экономической эффективности становится более прозрачным, а сам проект – менее рискованным;

б) оценка нормальной нормы рентабельности.

Норма рентабельности – минимальный размер прибыли, сложившийся с учетом рыночных механизмов. Также под нормой прибыли понимается минимальная прибыль, необходимая для поддержания стабильной работы компании. Главной целью использования в расчете нормальной рентабельности является реалистичное планирование денежных потоков. Значение рентабельности примем равным 8 %;

в) определение ставки дисконтирования.

В первоначально рассчитанном бизнес-плане ставка дисконтирования по проекту составляла 13 %. Для расчета экономической эффективности проекта на основе реальных опционов премия за риск учитывается во вложенном в проект опционе, поэтому примем значение безрисковой ставки, равной 8 % (детальное рассмотрение премии за риск, учтенной в ставке дисконтирования, выходит за рамки данной работы).

Таким образом, необходимо рассчитать экономическую эффективность проекта с учетом перечисленных условий.

Используя двуставочный тариф и принятую норму рентабельности, продисконтируем денежные потоки по проекту по безрисковой ставке. Теперь полученные показатели отражают экономическую эффективность проекта в безрисковой среде с учетом гарантии возврата инвестиций в течение 15 лет через тариф на мощность:

– NPV (чистый дисконтированный доход) 729 млн руб.;

– IRR (ставка внутренней нормы доходности) 9 %;

– PP (простой срок окупаемости) 13 лет;

– DPP (дисконтированный срок окупаемости) 24 лет.

Расчетный срок окупаемости получился меньше 15 лет вследствие отсутствия учета в методике расчета тарифа на мощность рентабельности энергии.

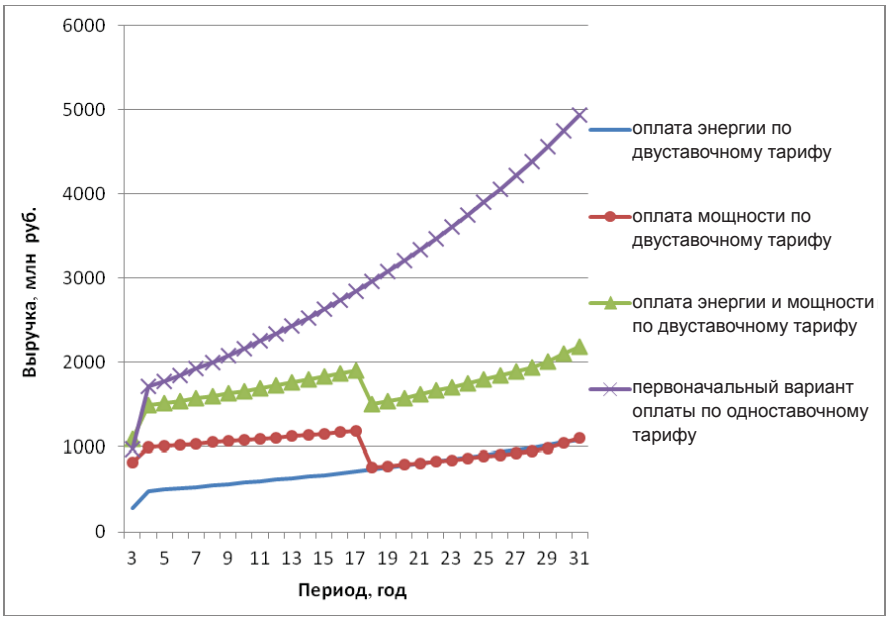


Рис. 2. Структура денежных потоков

Как видно из полученного перерасчета, коснувшегося в основном доходной части (рис. 2), проект оказался менее привлекательным, чем по первоначально рассчитанному бизнес-плану, за счет приведения рентабельности к норме. В то же время за счет снижения ставки дисконтирования NPV изменилось незначительно.

Определение типа опциона(ов). Для выявления возможных вложенных опционов необходимо рассмотреть имеющиеся возможности по управлению проектом, связанные с неопределенностью исходной информации, которые могут существенно повлиять на денежные потоки.

Рассмотрим возможность управления объемом вырабатываемой электроэнергии в зависимости от текущей рентабельности энергии. Например, в случае высоких рыночных цен на ОРЭМ оптимальным решением будет выработка максимально возможного количества энергии для максимизации маржинальной прибыли и наоборот. Рассматривая в таком контексте производственную гибкость, можно сделать вывод, что в проекте имеется вложенный опцион.

Исходя из теории финансовых опционов, следует, что использовать последний мы можем только один раз и в определенный момент за весь период его жизни, но в случае выявленного опциона на производственную (операционную) гибкость менеджмент проекта может многократно использовать операционную гибкость. Это позволит подтолкнуть исследователя на заключение о том, что данный «многоразовый» опцион вовсе не относится к опционной теории и требует иного методологического подхода. Но так можно сказать только при поверхностном рассмотрении. Рассмотрим более общее определение – актив с двумя специфическими характеристиками (1 – ценность актива есть производная от ценности других активов; 2 – денежные

потоки, создаваемые данным активом, обусловлены наступлением определенных событий) является опционом (options), причем приведенная ценность ожидаемых денежных потоков от этих активов занижает их действительную ценность, что не противоречит применению теории опционов, так как в основе появления данного финансового инструмента лежит именно неопределенность будущего развития событий.

На следующем этапе необходимо определить исходные параметры выявленного опциона и порядок их расчета (см. таблицу).

Исходные параметры опциона на производственную (операционную) гибкость

Исходные данные	Мера измерения	Комментарии
Характеристика производственной гибкости проекта	В качестве относительной единицы объема производства используем годовое число часов применения установленной мощности ЧЧИМ = Vгод/Pmax , где V год – планируемый объём выработки электроэнергии за год; Pmax – установленная электрическая мощность	Согласно методическим рекомендациям по проектированию развития энергосистем, при проектировании станции оптимальное число часов использования располагаемой мощности КЭС на угле рекомендуется принимать в диапазоне 4500...6000 (6500) ч (большее значение для ОЭС Сибири). Бизнес-план 3-го блока Харанорской ГРЭС рассчитан исходя из 5900 ч, что находится в заданных пределах: – допустимое снижение 4500-5900 = -1400 (-23,7 %); – допустимое повышение 6500-5900 = 600 (+10,2 %)
Текущая стоимость базового актива S	Текущая стоимость базового актива равна ожидаемой маржинальной прибыли	Маржинальная прибыль находится как разность выручки от продажи энергии на ОРЭМ и топливной составляющей
Цена исполнения опциона K	Себестоимость топливной составляющей	Топливная составляющая (руб/кВт·ч) = цена топлива (руб/тут) * удельный расход топлива на 1кВт·ч (г/кВт·ч)*10-6
Дисперсия σ2	Дисперсия рентабельности электроэнергии. Использование дисперсии цен на электроэнергию (РСВ) и топливо, согласно статистическим данным. Так как риск изменения рентабельности как в положительную, так и отрицательную сторону является непрерывным(рыночным), то статистический показатель дисперсии может быть использован как мера риска при оценке стоимости опциона	В результате оценки получены следующие характеристики рентабельности: – дисперсия 0,012; – среднеквадратичное отклонение 0,110; – вариация 11,76 %. Таким образом, прогнозируемое изменение рентабельности энергии будет находиться в диапазоне ± 11,76 %
Начальная рентабельность энергии	Начальное значение рентабельности примем равным 8 %	Существенное значение для прогнозируемых денежных потоков имеет начальное соотношение цен на электроэнергию и топливо, т.е. рентабельность в нулевой период (дата начала операционной деятельности)
Ставка дисконтирования	Для расчета стоимости опциона используем ставку дисконтирования, принятую для расчета параметров проекта, равную 8 %	.
Срок жизни опциона t	1 год. Изменение рентабельности электроэнергии рассматривается по годам	

На следующем этапе необходимо рассчитать стоимость опциона. Рассмотрим два метода: детальный расчет и расчет по модели Блэка-Шоулза.

Детальный расчет. Так как основные параметры для расчета стоимости опциона уже определены, перейдем непосредственно к расчету его стоимости.

Во-первых, рассчитаем денежный приток от реализации энергии при ЧЧИМ = 5900 и двух вариантах рентабельности , т.е. ± 11,76 %.

Во-вторых, рассчитаем пессимистичный денежный приток при ЧЧИМ = 4500, т.е. минимальной нагрузке, при минимальной рентабельности, и оптимистичный денежный приток при ЧЧИМ = 6500 и максимальной рентабельности. Таким образом будет учтена гибкость объема производства. Получившиеся денежные потоки представлены на рис. 3. Как видно из рисунка, при возможности управления ЧЧИМ денежные потоки смещаются вверх. Денежные потоки, образуемые опционом, должны отражать экономический эффект, полученный при использовании возможности управления объемом производства, поэтому рассчитываются как разность между потоками при управлении ЧЧИМ и при постоянной ЧЧИМ. Полученные потоки при разных вариантах рентабельности энергии суммируются с коэффициентом 0,5, что отражает равновозможность вариантов.

Стоимость опциона будет равна разнице между маржинальной прибылью при управлении объемом производства и при постоянном объеме в условиях изменения рентабельности электроэнергии.

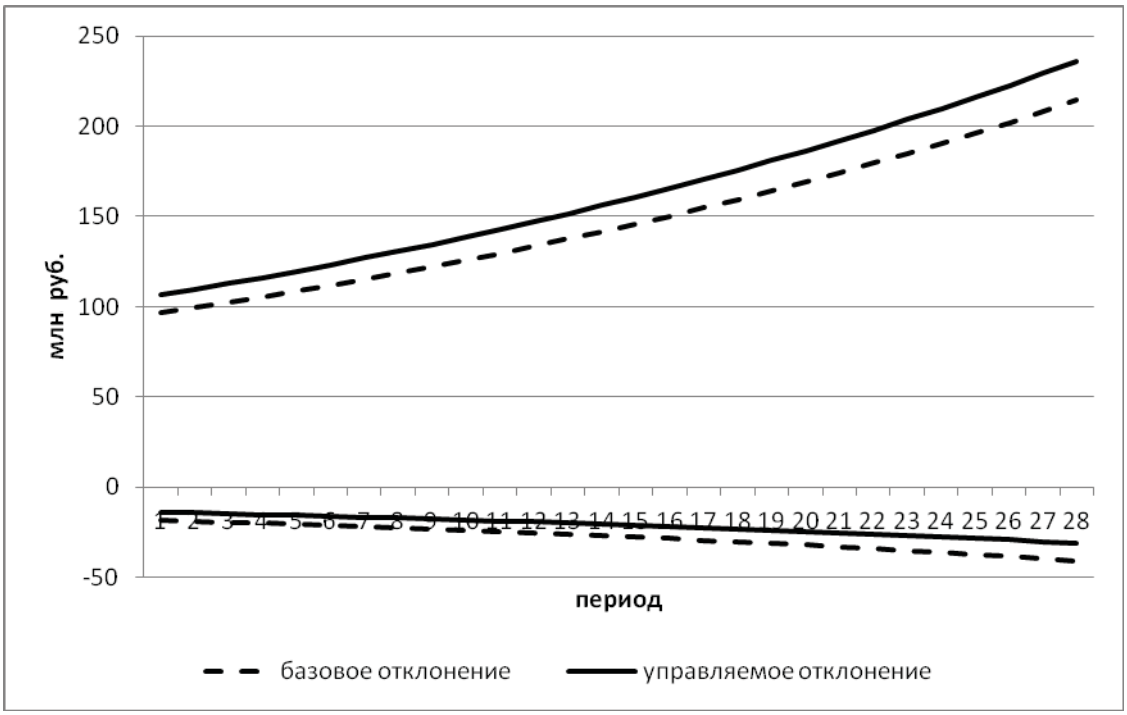


Рис. 3. Денежные потоки от реализации энергии

Найдя сумму дисконтированных потоков по опциону, получим его текущую стоимость C = 83 млн руб.

В таком случае, скорректированный с учетом производственной (операционной) гибкости чистый дисконтированный доход по проекту составит

APV = NPV+C = 729+83 = 812 (млн руб).

В первоначально рассчитаном бизнес-плане на основе одноставочного тарифа NPV составиляло 471 млн руб.

Таким образом, в результате расчета с использованием инновационного метода реальных опционов проект существенно изменил расчетные харатеристики. Снижение рисков по проекту и увеличение доходности переместило проект в более привлекательную для инвесторов область, на диаграме риск/доходность (рис. 4).

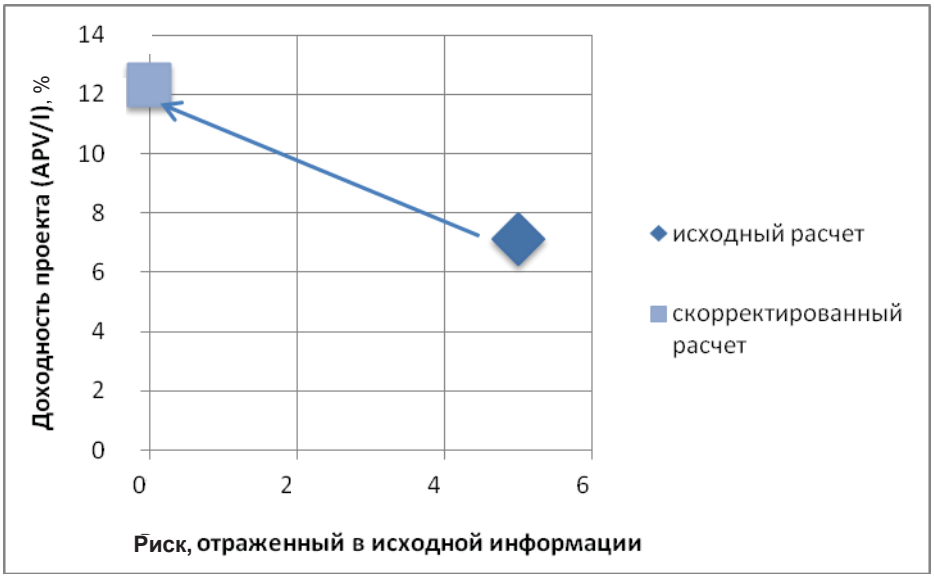


Рис. 4. Изменение характеристик проекта в результате использования метода реальных опционов

Полученная в результате проведенного расчета стоимость опциона существенно зависит от степени производственной (операционной) гибкости проекта, т.е. от диапазона изменения коэффициента использования мощности. В результате произведенных расчетов показано, что стоимость опциона прямо пропорциональна измнению диапазона регулирования (рис 5). Как видно из графика, диапазон изменения максимальной и минимальной нагрузок обусловлен начальными параметрами проекта, в данном случае ЧЧИМ = 5900, или ≈ 75 %. Поэтому, если проект был бы рассчитан на максимальную нагрузку – стоимость опциона была бы отрицательной. Опцион с отрицательной стоимостью снизил бы общую эффективность проекта, компенсировав тем самым максимально оптимистичный вариант загрузки мощностей, т.е. изначально завышенную оценку проекта, что логично снижает неопределенность исходной информации и риски инвесторов.

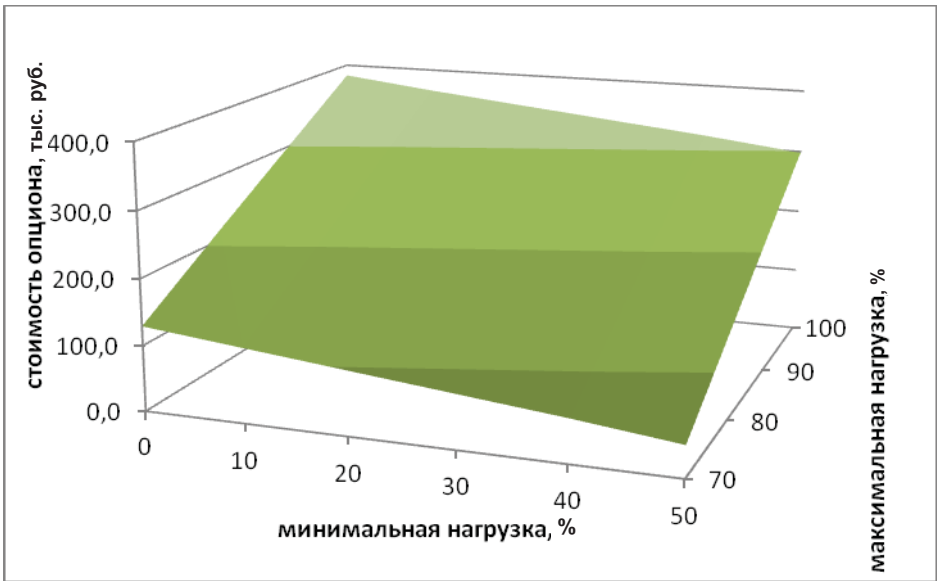


Рис. 5. Зависимость стоимости опциона от производственной гибкости

Расчет стоимости опциона на производственную (операционную) гибкость с помощью модели Блэка-Шоулза возможен, однако он более трудоёмок, что объясняется «многоразовым» исполнением данного опциона, поэтому не приводится в настоящей работе.

В результате проведенных расчетов можно сделать следующие выводы.

Инвестиционные проекты в энергетической отрасли относятся к проектам с высокой степенью неопределенности информации. Основными источниками неопределенности являются рыночные отношения, государственное регулирование и специфические особенности отрасли.

Реализация постоянно действующего механизма возврата инвестиций позволит существенно снизить неопределенность отрасли и, следовательно, увеличит приток частных инвестиций.

Инвестиционные проекты энергетической отрасли могут иметь как любые основные типы вложенных опционов, так и специфические, например, опцион на производственную(операционную) гибкость, рассмотренный в исследовании.

Применение теории реальных опционов применительно к инвестиционным проектам строительства генерирующих мощностей позволяет, во-первых, снизить неопределенность исходной информации и, следовательно, величину рисков; во-вторых, оценить экономическую эффективность с учетом возможных решений.

Литература

1. Андрей О. Концепция реальных опционов в практике принятия инвестиционных решений // Индикатор № 07_08 (35) Июль-Август 2000.

2. Иванов С.А. К вопросу об эволюции теории инвестирования // Проблемы современной экономики. № 4 (12). 2004.

3. Ковалишин А.Е., Поманский А.Б. Реальные опционы: оптимальный момент инвестирования // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2. с. 50-60.

4. Лимитовский М.А. Инвестиционные проекты и реальные опционы на развивающихся рынках, 4-е изд. М.: Дело, 2008. 263 с.

5. Лукашов А.В. Метод Монте-Карло для финансовых аналитиков: краткий путеводитель // Управление корпоративными финансами 01(19)2007. с 22-39.

6. Подойницын Р.Г., Малышев Е.А. Оценка инвестиции в энергетику в условиях информационной неопределенности // Вестник. ЗабГУ. Чита, 2012. Вып. 84. С. 120-124.

7. Малышев Е.А. Приоритеты инновационного развития энергетики Забайкальского края. Чита: ЗабГУ, 2012. 130 с.

8. Малышев Е.А. Энергетическая обеспеченность как условие безопасного развития экономики территории // Проблемы устойчивого развития социально-экономических систем. М.: Экономика, 2012.

9. Малышев Е.А. Методы прогнозирования и планирования в энергетической отрасли // Вестник ИрГТУ. 2012. № 6.

10. Малышев Е.А., Коровин Г.Б. Прогнозирование развития региональных энергетических систем // Экономика региона. 2011. № 2 (26).

11. Malyshev E., Romanova O. Industrial policy in framework of national economic development model. Economic integration of Russia, Europe and Asia: condition, problems and forecasts. The 4th release . Valencia(Spain) Ekaterinburg (Russia), 2011.

12. Малышев Е.А., Акбердина В.В. Возможности взаимодействия государства, бизнеса и сферы образования в рамках модели «тройной спирали» // Экономика региона. 2011. № 4 (28).

Коротко об авторах — *Briefly about the authors*

Малышев Е.А., канд. техн. наук, доцент, проректор по научной и инновационной работе, зав. каф. «Экономика и управление на энергетических предприятиях», Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
eamalyshev@mail.ru

Научные интересы: менеджмент, экономика энергетической отрасли, бизнес-планирование, бизнес-образование

Подойницын Р.Г., аспирант, Забайкальский государственный университет
uzumaki-r@mail.ru

Научные интересы: экономика, математика

E. Malyshev, Candidate of Engineering Sciences, associate professor, vice-rector for scientific and innovation work, head of the Economy and Management at Energy Enterprises department, Zabaikalsky State University

Scientific interests: management, economy of the energy industry, business planning, business education

R. Podoinitsyn, postgraduate student, Zabaikalsky State University

Scientific interests: economics, mathematics

Юридические науки

УДК 341(161.1:581)(091)

Пуховской Дмитрий Александрович
Dmitry Pukhovskoy

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВ ПОДДАННЫХ ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА В МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТАХ РОССИИ И КИТАЯ XVII – СЕРЕДИНЫ XIX вв.

REGULATION OF THE LEGAL RIGHTS OF FOREIGNERS IN INTERNATIONAL LEGAL ACTS OF RUSSIA AND CHINA IN THE XVII – THE MID XIX CENTURIES

Рассматриваются вопросы, связанные с правовым положением подданных иностранных государств (главным образом Китая), на территории Восточной Сибири в XVII- сер. XIX вв. Автор обращает внимание на регулирование некоторых прав и обязанностей иностранцев, в нормативных актах заключенных между Россией и Китаем, указывает на их особенности и сравнительную специфику. Освещаются вопросы, связанные с определением подсудности иностранцев, а также установления их правового статуса исходя из рода деятельности и целей пребывания на территории сопредельного государства

Ключевые слова: *правовое положение иностранцев, подданные Китая, правовое регулирование, Договоры России и Китая, ограничения прав иностранцев, подсудность*

The questions related to the legal status of nationals of foreign countries (mainly China), in Eastern Siberia in the middle of the XVII-XIX centuries. The author draws attention to the regulation of some the rights and duties of foreigners in the regulations concluded between Russia and China, indicating their characteristics and relative specificity. The problems associated with determining the jurisdiction of foreigners, as well as to determine their legal status based on the nature of their activities and goals stay in the neighboring state

Key words: *legal status of foreigners, Chinese nationals, legal regulation, international agreement between Russia and China, restrictions on the rights of foreigners jurisdiction*

Рассмотрение вопросов, связанных с международным правовым регулированием торговых отношений, является одним из ключевых аспектов при изучении методов регулирования и определения правового положения иностранца в обществе. Торговля, как сфера общественной жизни, представляет зачительный интерес для государства как с точки зрения самого ее наличия, так и с фискальных возможностей, которые её сопровождают, и наряду с проблемами суверенитета ей уделяется весомое место в международных актах. Особенно данное определение верно для уровня развития права XVI-XIX вв., не имеющего универсального подхода к субъекту права как таковому, но достаточно много уделяющему внимания регулированию важных сфер общественной жизни, к которым относится и торговля.

В условиях, когда правовое положение иностранца определяется казуальными

нормами, иногда переходящими в плоскость индивидуального правового регулирования, или определения правового положения конкретного лица, международные нормы практически являются единственным источником права, сфера регулирования которого охватывает широкий круг лиц (подданных конкретного государства). Кроме того, международные акты изучаемого периода регулируют, как правило, более широкую сферу общественных отношений, а также затрагивают правоотношения, неурегулированные национальным правом. Между тем, рассмотрение международных актов XVII – сер. XIX вв. с точки зрения определения прав иностранцев практически не имеет места в работах историков и юристов, так как на первое место в исследованиях выходят вопросы, связанные с отношениями между государствами как крупными субъектами права.

Для Забайкалья и Дальнего Востока характер правоотношений с иностранцами определяли договоры, заключенные, прежде всего, с Китаем. По свидетельству русских историков, первые сношения России с данным государством относятся к XVI в. В 1567 г. царь Иван Грозный послал двух казацких атаманов Петрова и Бурнаша Ялышева исследовать страну по ту сторону Байкальского озера [9; С. 7]. Указанный визит не принес Московскому государству политических успехов в целом из-за отношения к посланникам как к подданным вассального государства, вызванного традиционным отношением Китайского двора к своим соседям. Однако сношениям подданных двух государств было положено некоторое начало. Момент возникновения регулярных торговых отношений, а также их развитие на первоначальном этапе остается открытым и требует специального исследования. Вместе с тем, возникновение торговых отношений с Китаем, урегулированных позитивным правом, безусловно, предваряли частные связи и торговые сделки между подданными указанных государственных образований.

К середине XVII в. такие частные сношения обратили на себя внимание государственной системы и потребовали правового вмешательства. Характерной особенностью этого вмешательства, на наш взгляд, явилась не сама попытка государства урегулировать правовыми методами торговые отношения, которые носили в основном частный характер, сколько определить правовое равенство двух государств и их поданных. Но уже в начале XVIII в. регулирование торговых отношений стало обретать системный характер, что было вызвано возросшим экономическим интересом государства к развитию торгового оборота с Китаем, в котором государственная составляющая играла определяющую роль, а торговый оборот был представлен в основном казенным товаром.

Формирование правовой базы, регулирующей данную сферу общественной жизни, задавало основы правового положения иностранца. Впервые были затронуты вопросы определения статуса иностранца и зависимости от данного статуса его правового положения, а международные акты определяли круг прав и обязанностей указанного субъекта права на территории Восточной Сибири. Интересен тот факт, что законодатель по некоторым вопросам в отношении иностранцев отошел от традиций национального права, руководствуясь геополитическими и ситуационными мотивами.

Первые контакты двух государств прошли в неравных условиях, вызванных не только и не столько географическим отдалением политических центров друг от друга, сколько столкновением двух разных подходов к межгосударственным отношениям. Отсутствие исторического опыта общения двух государств, устоявшихся обычаев и системы регулярных отношений толкнули государственных деятелей к выдвижению политических требований, слабо связанных с экономическим развитием двустороннего оборота. Так, во время посольства Спафария китайская сторона требовала смены посла, личность которого не пришлась по душе китайскому двору.

В итоге, длительные и трудные переговоры России и Китая формально закончились подписанием 29 августа 1689

г. Нерчинского договора, который явился первым источником позитивного права, так как касался регулирования торговых сношений. Помимо вопросов, связанных с границей, текст документа касался определения качества статуса иностранца на территории России. Статья пятая данного договора содержала следующее: «Каким-либо ни есть людям с проезжими грамотами из обоих сторон для нынешние начатые дружбы для своих дел в обоих сторонах приезжати и отъезжати до обоих государств добровольно и покупать и продавать, что им надобно, да повелено будет» [9; С. 28]. С точки зрения развития права того времени правовая нагрузка данной статьи носила передовой характер и формально определяла достаточную свободу торговым отношениям. Как пишет Ф.Ф. Мартенс: «...она (статья) узаконила за подданными обоих государств право путешествовать, покупать и продавать во владениях китайцев и русских при условиях имения паспорта. Замечательно, что эта статья по отношению к праву торговли не дает никаких ограничений, как относительно мест, открытых для русских, так и относительно качества товаров» [8; С. 14]. Хотя на практике указанная статья не работала ввиду по большей части из-за отсутствия объективного материального основания у норм права и декларативному характеру их содержания на фоне действующего Новоторгового устава 1667 г., стеснявшего права иностранных торговцев, она значительно расширяла возможности для межгосударственной торговли с правовой точки зрения. Для приграничных сообщений, в том числе для частных визитов с целью торговли, подданные должны были обзавестись проезжими грамотами, что делало пребывание их на территории сопредельного государства легитимным.

Договор также содержит сведения о «беглецах», лицах из контекста договора не столько незаконно пересекших границу, сколько стремящихся поменять свою юрисдикцию. Статья четвертая договора обязывала выдавать «беглецов» без промедления противной стороне.

Из правовых аспектов регулирования статуса лиц, описываемых в документе, можно выделить некоторые категории. Просто «нарушители» пограничного режима, против которых предусмотрено выдворение из государства. «Преступники», совершившие преступления на территории чужого государства, которые подлежали выдворению в собственное государство для казни. Исполнение ее находилось в ведении приграничных Воевод. Преступления могли совершаться группой, в этом случае предлагалось не чинить расправу на местах, так как это могло привести к взаимным упрекам и кровопролитию, а отсылать для осуществления юрисдикции в собственное государство.

Такие правовые подходы к иностранцам, не свойственные для российского права того времени, носили по своему уникальный характер.

В целом развитию торговли в каком-либо правовом русле мешали многочисленные разногласия между Россией и Китаем, которые не приводили к открытому столкновению только благодаря сравнительному удалению спорных территорий от инфраструктуры обоих государств. Претензии России к Китаю касались и спорных территорий, и непризнания Китаем российской политики в регионе, что мешало установлению стабильных дипломатических отношений между государствами.

Однако в 1727 г. был заключен Кяхтинский договор, который, по мнению многих исследователей, положил основу торговым отношениям между государствами. Он действовал фактически до средины XIX в. Кроме того, договор определил правовую судьбу местного населения. Уже в первой статье, являющейся по конструкции текста продолжением преамбулы, оговаривалась необходимость контроля за населением, пересекающим границы, что в целом говорило о существующей проблеме неподконтрольной миграции. Первая статья устанавливала право не возвращаться лицам, перешедшим границу до момента подписания договора, тем самым определялась их правовая принадлежность, а в дальнейшем и

гражданство. Однако статья имела оговорку в указанном же договоре, которая определяла, что кочевники, которые платили по пять соболей, должны были перейти на ту сторону, которой платили («Владетелю»). Правовой статус тех лиц, которые платили по одному соболю, определялся моментом подписания договора, исходя из принципа, где находился плательщик, там и оставался. Кочевые племена должны быть принуждены перевести свои кочевья в определенные им места. Таким образом, статья защищала фискальные интересы обоих государств.

Лиц, незаконно перешедших границу, после подписания договора должны были сыскивать власти с целью передачи пойманных приграничным властям.

По сути, уникальным для российского права было установление беспошлинной торговли между подданными двух государств, это притом, что внутренняя торговля в Сибири жестко регламентировалась торговыми пошлинами и запретами. Ограничения касались лишь количества купцов, число которых определялось в двести человек. Они могли раз в три года проходить в Пекин. В документе достаточно подробно регламентируются правила проведения русских караванов по территории Китая от границы до Пекина, при этом нормы, регулирующие провод китайских караванов, в России отсутствовали. Скорее всего, данное обстоятельство вызвано, прежде всего, отсутствием большого экономического интереса крупного китайского купечества в России, однако можно предположить, что к китайским купцам применялись правила, в целом аналогичные для русских караванов, находящихся на территории Китая. Купеческие караваны должны были охраняться силами принимающей стороны, для чего к каравану по обязательному запросу на границе приставлялся чиновник, решавший все вопросы на местах. Купцам позволялось нанимать рабочую силу и вьючных животных на свои средства. Мандарин с китайской стороны или начальник купеческого каравана с российской был наделен большими полномочиями в отношении участников каравана. Кроме общего управления и «владения», он должен был разрешать «праведно» споры. Документ обязывал относиться с почтением к иностранцам согласно их статусу и рангу («начальник или вождь будет, какого достоинства, с почтением имеет быть принят»). Купцы не были ограничены в правах торговли, в отличие от аналогичных отношений с западным купечеством, к запрету в обороте предлагались лишь вещи, оговоренные обоюдно сторонами. Имущество умершего в пути, независимо от его сословной принадлежности, передавалось соотечественникам. Особо оговаривалось то, что ни под каким предлогом нельзя было оставаться иностранцу в пределах принимающего государства. Данная норма согласована с общим стремлением государств к выдаче перебежчиков.

Документ, несмотря на уникальность норм для России, отражает существующий контроль торговли в России и традиции ее правового регулирования. Речь идёт о делении купеческого сословия на гильдии, а также зависимость правового положения купечества от оборотного капитала конкретного купца. И если иностранные купцы в целом, согласно Новоторговому уставу, делились на гостей (купцов) и заезжих гостей (заезжие купцы), что с точки зрения права определяло их возможности, то указанный договор делит торговых людей на купцов и меньшее купечество. Для меньшего купечества документ не предусматривал караванную торговлю, но предполагал строительство Гостиного Двора в г. Нерчинск и г. Кяхта с амбарами и постройками, необходимыми для проживания и торговли [13; С. 77]. Управление такими дворами должно было быть совместным и осуществляться администрацией, состоящей из служилых и чиновников, равных по рангу, с той и другой стороны. Указанная администрация должна была разбирать разногласия, возникающие между купцами и населением. Торговля в неопределенных для этих целей местах находилась под запретом, как и уклонение от прямых проезжих путей к местам торговли. Основной санкцией за нарушение этих правил была

конфискация товара в пользу государства [9; С. 44].

Указанная норма, по всей вероятности, вообще не допускала нахождение подданных других государств на своей территории, если визит не был обусловлен предусмотренными законами и установлениями целями. Так, даже курьерам запрещено без больших оснований двигаться вне торгового пути между поселениями. В случае поимки таких лиц они передавались Китайской стороне, которая должна была принять меры в отношении нарушителя. Указанная мера была направлена на борьбу с незаконной миграцией податного населения и была выгодна обоим государствам.

Предполагалось введение паспортного режима для пересечения границы. Паспорта должны были выдаваться приграничными властями и содержать информацию о пересекающем границу, целях его визита и пункт конечного назначения, вся эта информация закреплялась установленной печатью. Однако о существовании общей проблемы нарушения границ, осложненных отсутствием межевания, можно судить из ст. 7 договора. Из этой же статьи следует, что стороны различают понятие «перебежчик» и «лица перешедшего на сопредельную территорию» («нарушителя границы»). По-видимому, правовой смысл, вложенный в первое понятие, подразумевал желание лица укорениться на территории государства с вступлением в подданство или в вассальные отношения с ним, кроме того, из некоторых смысловых нагрузок текста можно понять, что перебежчик искал часто защиты и вступал в подвластные отношения с принявшим его государство. Простые нарушители – это лица, не желающие менять подданство но нарушающие суверенитет государства, прежде всего, территориальный. Указанные в договоре нарушители в традициях того времени не просто переходят границу с целью совершения противоправных действий или участия в социальных отношениях, выходящих за рамки государственного контроля или регулирования, а, как правило, выбирающие себе места для поселения, чем нарушают суверенитет государства, так как остаются в правовой и личной связи с другим государством. Опасность таких событий осознавалась государственными деятелями обоих государств, так как рушила существовавшее правовое регулирование над субъектами права, привязанной на рассматриваемой географической территории не столько к подданству, сколько к месту постоянного проживания. С этой точки зрения правовой статус «нарушителей» кардинально отличался от «перебежчиков», если последние должны были быть выдворены за пределы территории и переданы приграничным властям для дальнейшего определения их участи и наказания по законам собственного государства, то «нарушители» при поимке наказывались по закону, определяемому территорией.

Показательно, что решения по расправе и улаживанию приграничных ссор отдавались в введение местной приграничной администрации. Согласно документу, «нарушителей» можно также разделить на «перебежчиков-подданных», которые должны быть казнены в том месте, в котором были пойманы. Такая суровая мера, вероятно, применялась к преступникам, которые уходят из под юрисдикции своего государства на сопредельную территорию с целью избежать наказания. Об этом косвенно говорит то, что для «нарушителей-поселенцев» такая строгая мера предусмотрена не была. Оба государства, приняв указанные меры, защищали интересы суверенитета друг друга и таким образом делали наказание неотвратимым для преступника.

О преступниках говорится в ст. 10 договора, которая предусматривала смертную казнь как меру для лиц, перешедших границу с оружием и учинивших грабежи и убийства на территории чужого государства. То обстоятельство, что осуществление преследования и казнь входили в компетенцию государства, на территории которого совершены преступления, говорит в принципе о паритетных (равноправных) началах, которые лежали в основе отношений между государствами. Лица, совершившие

кражи у своих господ и бежавшие на территорию другого государства, должны быть повешены местной администрацией, а вещи возвращены потерпевшим. Перешедшие границу без паспорта с оружием или без, даже если и не совершили противоправных деяний, должны были быть наказаны. За кражу иностранцами скота и зверей они должны быть при поимке переданы своей стороне, которая должна была наказать их в установленном договором порядке. Так, за первую кражу следовало возмещение в десятикратном размере, за вторую – вдвое против первой, за третью – положена смертная казнь. Доходы и добыча промышленников с сопредельной территории обращались в доход казны, а сам правонарушитель судился по российским законам.

Особо в договоре рассматривался статус лиц, пересекающих границу с дипломатическими целями. Послы делились на больших и малых, независимо от этого им полагалось скорое решение бюрократических аспектов их прибытия, сопровождения, проживания, транспорта, еда и крова. Все перечисленное обеспечивалось за счет принимающей стороны. Такие же условия были предложены курьерам, если цель их визита была важной [9; С. 43]. Документ устанавливал образцы и бланки документов для официальной корреспонденции между государствами, при этом сношения по вопросам о перебежчиках и решения приграничных коллизий находились в ведении приграничной администрации и могли быть заверены её печатями при соблюдении простой письменной формы.

Кяхтинский договор, периодически дополняемый новыми соглашениями, действовал достаточно продолжительное время. Так, например, в 1768 г. были приняты дополнительные статьи к основному трактату, которые подтверждали беспошлинную торговлю в Кяхте и Царухайтуе [9; С. 84]. Однако его действие неоднократно прерывалось вследствие ухудшения политической ситуации между государствами. В частности, с 1778 по 1780 гг. кяхтинская торговля была прекращена, потому что Россия не согласилась выдать китайского ученика, спасшегося на русской территории, а с 1785 по 1792 гг. торговля была прервана после нападения бурят на китайских купцов [8; С. 33].

В июле 1851 г. заключен Кульджинский трактат, открывший русским торговлю в Кульдже и позволившей России назначить консулов в Тарбагатай и Или (Кульджу). Текстом данного договора восстанавливалась караванная торговля и гарантировалась безопасность путешественников. В ст. 2 провозглашалась свободная торговля с ценами, которые купцы могли устанавливать на свое усмотрение. Исключение составляла торговля баранами, двадцать процентов от количества которых должно было быть продано по установленной стоимости [9; С. 101]. Для разрешения споров в случае нарушений со стороны русских купцов прибегали к российскому консулу, в случае нарушений со стороны китайских купцов обращались к чиновнику из Илийского главного управления. При этом подсудность спора определялась по подданству правонарушителя [9; С. 97]. Статья 3 в целях развития дружбы между государствами объявляла торговлю беспошлинной, что было исключением в общей практике российского торгового права. Русские купцы должны были следовать группой под предводительством старшего уполномоченного, в обязанности которого входили все сношения с китайской администрацией. Караван должен был составить опись имущества, следовавшего с ним, и идти от караула до караула, не уклоняясь с заранее определенного пути. Охрана и сопровождение каравана и купцов организовывалась при наличии хотя бы двадцати верблюдов с товарами. В случае отклонения с намеченного пути охрана купцов возлагалась на них самих, и китайская администрация не несла ответственности за причиненные убытки от грабежа и разбоя. При размещении купцов в торговых домах они сами должны были позаботиться о сохранности своего имущества. Однако при краже, совершенной по независящим от купца причинам (видимо, при правонарушении, когда косвенная вина купца не может быть подтверждена

его халатностью или отсутствием у него целесообразного радения о своем имуществе), возбуждалось следствие совместными силами русского консула и китайского чиновника. Найденное имущество возвращалось купцу, а вора наказывали со всей строгостью. В случае совершения уголовного преступления следствие и наказание осуществлялось по праву страны пребывания.

Торговля считалась открытой с 25 марта по 10 декабря. Однако, если в указанный период купцы не продавали часть своего товара, им позволялось остаться до его полной продажи или организации мероприятий для его отправки назад. Купцы могли свободно передвигаться по населенному пункту, в котором располагался гостиный двор при условии наличия билета (разрешения) от своего консула, без наличия такого купец должен быть наказан. Купцам так же отводились пастбища для вьючных животных возле мест торговли, которые могли обслуживаться наемными рабочими. Ущерб от скота, нанесенный частным посевам и пастбищам, подлежал возмещению в общем порядке, то есть по законам государства пребывания.

Статья 12 договора ограничивала ответственность торгующих сторон при отпуске товара в кредит, такие сделки не обеспечивались силой права государства, хотя и не считались нелегитимными. Все споры и жалобы по таким сделкам не принимались к рассмотрению.

С точки зрения правового регулирования положения приграничного населения интересен Айгунский договор 1858 г., который в ст. 2-й разрешал взаимную торговлю подданных на приграничных территориях. По сути, администрация узаконила частную торговлю и натуральный обмен товарами, который оказался вне ее правового поля и контроля. Со стороны администрации, согласно договору, такой частной мелкой торговле должно было оказываться должное внимание и поощрение. Сама торговля была объявлена свободной и беспошлинной.

В целом, освещая вопрос о правах иностранцев, следует отметить, что в рассматриваемый период правовое их регулирование в международных актах связано, прежде всего, с регулированием торговых отношений, а также с торговлей процедур, таких как перемещение товаров, организация мест торговли, рассмотрение торговых споров и др. Однако первые договоры содержали нормы, регулирующие подсудность, наказание, уголовное преследование, а также некоторые административные процедуры, назвать их полными отраслевыми нельзя, но в условиях правового вакуума они оказали большое влияние на правовое положение иностранцев.

Сам процесс отраслевого регулирования торговли характеризуется постепенным расширением регламентации. Первоначально правовому регулированию торговли уделялось достаточно небольшое внимание, так как в целом ее объем нельзя было назвать интересным для фискальных целей. Кроме того, у самой администрации не было сил и средств для организации широкого и повсеместного контроля за ней. Вопросы, связанные с торговлей, шли в контексте общего установления дружеских отношений между государствами и не имели ведущего или определяющего значения. Важной особенностью определения прав иностранцев было то, что в указанный период само понятие «иностранец» претерпевает изменение своего юридического наполнения. Кроме того, непросто определялась юридическая судьба подданства большинства местного населения, в фискальной ценности которого были заинтересованы и Китай, и Россия. Правовое поле, определяющее права иностранцев, формировалось в условиях острой необходимости России установить стабильные дипломатические сношения с Китаем, вследствие чего русское правительство не принимало во внимание внутреннее законодательство в отношении иностранцев при создании законодательной базы. Вследствие удаленности региона правовое регулирование торговли проходило в рамках формирования правового статуса территорий, и большая часть соглашений, достигнутых на первом этапе, принималась в значительной степени при условиях заданных китайской стороной.

В последующем тексты и положения договоров определяются началом стабильных торговых сношений, которые имели формальную правовую определенность. Внимание к процедурам посещения государства, аспектам гражданского (торгового) права повышается. Кроме того, отношение государства к торговле с Китаем, в том числе пушниной, являющейся одним из основных источников формирования казны Сибирских городов, стало более серьезным, и нормы права приобретают детальную проработку. При этом частный торг признан ущербным для государственных интересов. В 1693 г. установлены правила, согласно которым частные караваны могли торговать лишь после продажи товаров казенными. В 1706 г. запрещен частный торг пушниной с Китаем. Развитие правового регулирования прав иностранцев в дальнейшем прошло по пути формальной регламентации торговых сношений, с требованием получения проездных грамот и установления мест торговли, что, по сути, выгодно было правительству, так как существенно загоняло в рамки частный торг. Однако права китайских торговцев по-прежнему были несколько шире прав купцов из других государств и имели свою специфику, определённую отдаленностью и стратегической важностью региона, и выраженную в некоторых привилегиях, особенно существенных в сфере обложения таможенными пошлинам, основную нагрузку которых несли участники внутренней торговли.

Литература

1. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й гг.: составленное по документам, хранящимся в Московском архиве Государственной коллегии иностранных дел, в 1792-1803 году Николаем Бантыш-Каменским / изд. в память истекшего 300-летия Сибири В.Ф. Флоринским, с приб. издателя. Казань: типография Императорского университета, 1882. XII, 565 с.

2. Комов А. Желтая раса и рабочий вопрос в амурской золотопромышленности // Сибирские вопросы: период. сб. / ред. А.И. Иванчин-Писарев. СПб., 1909, № 32.

3. Комов А. Желтая раса и рабочий вопрос в амурской золотопромышленности // Сибирские вопросы: период. сб. / ред. А.И. Иванчин-Писарев. СПб., № 33.

4. Комов А. О китайцах и корейцах в Приамурском крае // Сибирские вопросы. СПб., 1909, № 27.

5. Морозова В.С. Традиционные ценности китайской цивилизации в обеспечении национальной безопасности КНР // Вестник Читинского государственного университета № 5 (56). Чита: ЧитГУ, 2009. С. 215-221.

6. Первый русско-китайский договор 1689 г.: историческая литература / П.Т. Яковлева; Акад. наук СССР. Ин-т истории. М.: изд-во Акад. наук СССР, 1958. 235 с.

7. Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX века) / соч. Х. Трусевича. М.: типография Т. Малинского, 1882. [4]. 306 с.

8. Россия и Китай: историко-политическое исследование Ф.Ф. Мартенса, профессора Императорского С.-Петербургского университета и члена Института международного права / с изм. и доп. авт. ; пер. с фр. В. Телесницкий; предисл. Телесницкий. СПб.: типография И. Габермана, 1881. IV. 83 с.

9. Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689-1916 / Под общ. ред. В.С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2004.

10. Русско-китайские отношения в XVII в. : историческая литература / В.Г. Щебеньков ; Акад. наук СССР. Сиб. отд-ние. Дальневост. филиал им. акад. В. Л. Комарова. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 239 с.

11. Русско-китайские отношения в XVIII веке: документы и материалы / Рос. акад. наук, Ин-т Дальн. Вост., М-во иностр. дел Рос. Федерации, Ист.-документ. департамент, Федер. арх. агентство ; ред. С. Л. Тихвинский. М.: Памятники ист. мысли. Т. 6: 1752-1765. 2011. 428 с.

12. Русско-китайские отношения. 1689-1916: официальные документы / Акад. наук СССР, Ин-т китаеведения ; сост.: П.Е. Скачков, В.С. Мясников. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 139 с.

13. Сборник договоров России с Китаем. 1689-1881 гг. / изд. Д. Пещуров. СПб.: Мин-во иностранных дел, 1889. № 4. 271 с.

Коротко об авторе / *Briefly about the author*

Пуховской Д.А., аспирант, каф. «Теория государства и права», Забайкальский государственный университет (ЗабГУ)
puhovskoi_dm@mail.ru

D. Pukhovskoy, postgraduate, Theory of State and Law department, Law faculty, Zabaikalsky State University

Научные интересы: правовое положение иностранцев на территории Забайкалья и Дальнего Востока до XX в.

Scientific interests: law position of the foreigners on the territory of Zabaikalie and the Far East before the 20th century

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

Эйльбарт Н.В.
Поход Сигизмунда III и королевича Владислава к Москве в письмах Ксендза Якуба Задзика (1612-1613 гг.)
N. Eylbart
The Campaign to Moscow of Sigismund III and Prince Vladislav in the Priest Jakub Zadzik Letters 3

Культурология

Тихонов В.В.
Особенности формирования экспозиционной инфраструктуры музея «Тальцы», отражающей
традиционную культуру коренных народов Предбайкалья
V. Tihonov
The Peculiarities of Exposiyion Infrastructure Formation of the Museum «Taltsy» Based on the Traditional
Culture of Native Peoples of Predbaikalie..... 13

Науки о Земле

Васютич Л.А.
Особенности современного техногенного воздействия на качество подземных вод читинской агломерации
L. Vasyutich
The Peculiarities of Technogenic Influence on the Condition of Groundwater Chita Agglomeration
in the Global Climate Change..... 19

Красильников А.Е.
Тенденции формирования стабильного качества угля при открытой добыче
A. Krasilnikov
Formation of Stable Quality Coal in Open Pit 27

Немчин Н.П., Терентьев П.Ю.
Оценка давления на крепь с помощью программы для ЭВМ «горное давление в одиночных горизонтальных выработках-3»
N. Nemchin, P. Terentyev
The Estimation of Pressure on Shoring With the aid of a Computer Program «Rock Pressure at Horizontal Single Excavation-3» 32

Субботин М.Ю.
Влияние зависимости угла естественного откоса сыпучего материала от его влажности
на конструкцию сушильных аппаратов
M. Subbotin
The Influence of Dependence of Corner of Natural Slope of Loose Material From His Moisture
Content on the Design of Drying Machines 39

Политические науки

Грудинина С.Ю.
Результативность функционирования комиссии по вопросам контроля
в управленческой деятельности органов государственной власти Забайкальского края
S. Grudinina
Effective Functioning of the Commission on the Issues of Control in Management Activities
of the Bodies of State Power of Zabaikalsky Krai 46

Новикова А.В.
Политика развития Забайкальского края на 2010-2020 гг:
политическая институализация в системе социального управления
A. Novikova
Policy Development Zabaikalye Region in 2010-2020.: Political Institutionalization in the Social Management System 51

Социологические науки

Джук А.В.
Обеспечение экологической безопасности как социальный фактор согласия между обществом и государством
A. Dzhuk
Ensuring of Ecological Safety as Social Consent Factor Between Society and the State 57

Полутова М.А.
Генезис представлений зарубежных исследователей о сущности и характерных
признаках феномена «предпринимательство»

M. Polutova
The Genesis of Ideas About Nature of Foreign Researchers and Characteristics
of the Phenomenon of «Entrepreneurship» 63

Романова И.В.
Экономические отношения как основа жизнедеятельности одиноких женщин
I. Romanova
The Economic Relationship as the Basis of Lonely Women's Vital Activity 76

Романова Н.П., Дробышевский В.С.
Основные этапы становления антикоррупционной системы в России
N. Romanova, V. Drobyshevsky
The Main Stages of Anticorruption System Formation in Russia 89

Филологические науки

Женевская Е.В.
Иконизация флористических концептов в австралийской и новозеландской картинах мира
E. Zhenevskaya
Icon Formation of Floral Concepts in Australian and New Zealand World View 105

Заграевская Т.Б.
Многомерность социолексикографической характеристики англоязычных
этносленгизмов в концепции Э. Партриджа
T. Zagrayevskaya
Multidimension of Sociolexicographic Description of Ethnoslangisms by E. Partridge 111

Пащенко М.А.
Выявление единиц коммуникации: коммуникативно-стратегический подход
M. Paschenko
The Exposure of Communicative Units: Communicative and Strategic Approaches 119

Философские науки

Жуков А.В., Жукова А.А., Власова К.Е.
Осмысление образа и факторов распространения буддизма среди небуддийских культур
в православном религиоведении
A. Zhukov, A. Zhukova, K. Vlasova
Comprehension of Character and Factors of Distribution of Buddhism Among Unbuddhistic
Cultures in Orthodox Religious Studies 125

Соловьева Н.А.
Влияние глобализации на культуру малочисленных народов КНР (на примере народов ва и хуэй)
N. Solovyeva
The Impact of Globalization on Culture Indigenous Peoples of China (For Example, Va and Hui) 133

Экономические науки

Акбердина В.В., Уакпаева М.М.
Различные методики диагностики финансовой устойчивости предприятия: сравнительная характеристика
V. Akberdina, M. Uakpaeva
Comparative Characteristics of Various Mehtods of Diagnostics of the Enterprise`s Financial Stability 139

Малышев Е.А., Подойницын Р.Г.
Оценка экономической эффективности проектов в энергетике на основе реальных опционов
E. Malyshev, R. Podoinitsyn
Evaluation of Economic Efficiency of Energy Projects Based on Real Option 149

Юридические науки

Пуховской Д.А.
Регулирование прав подданных иностранного государства
в международных актах России и Китая XVII – середины XIX вв.
D. Pukhovskoy
Regulation of the Legal Rights of Foreigners in International Legal
Acts of Russia and China in the XVII – the Mid XIX Centuries 159

ВЕСТНИК
ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 01 (92) 2013

Научный редактор д-р социол. наук Н.П. Романова
Литерат. редактор А.А. Рыжкова
Технический редактор И.В. Петрова
Подписано в печать 25.01.2013
Сдано в производство 27.01.2013
Форм. бум. 60 x 84 1/8 Бум. тип. № 2
Печать офсетная Гарнитура Bodoni
Уч.-изд. л. 12,6 Усл. печ. л. 12,4
Тираж 500 экз. Заказ №

ФГБОУ ВПО «ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ООП ЗабГУ
672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30
Раб. тел.: 41-67-18; E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru